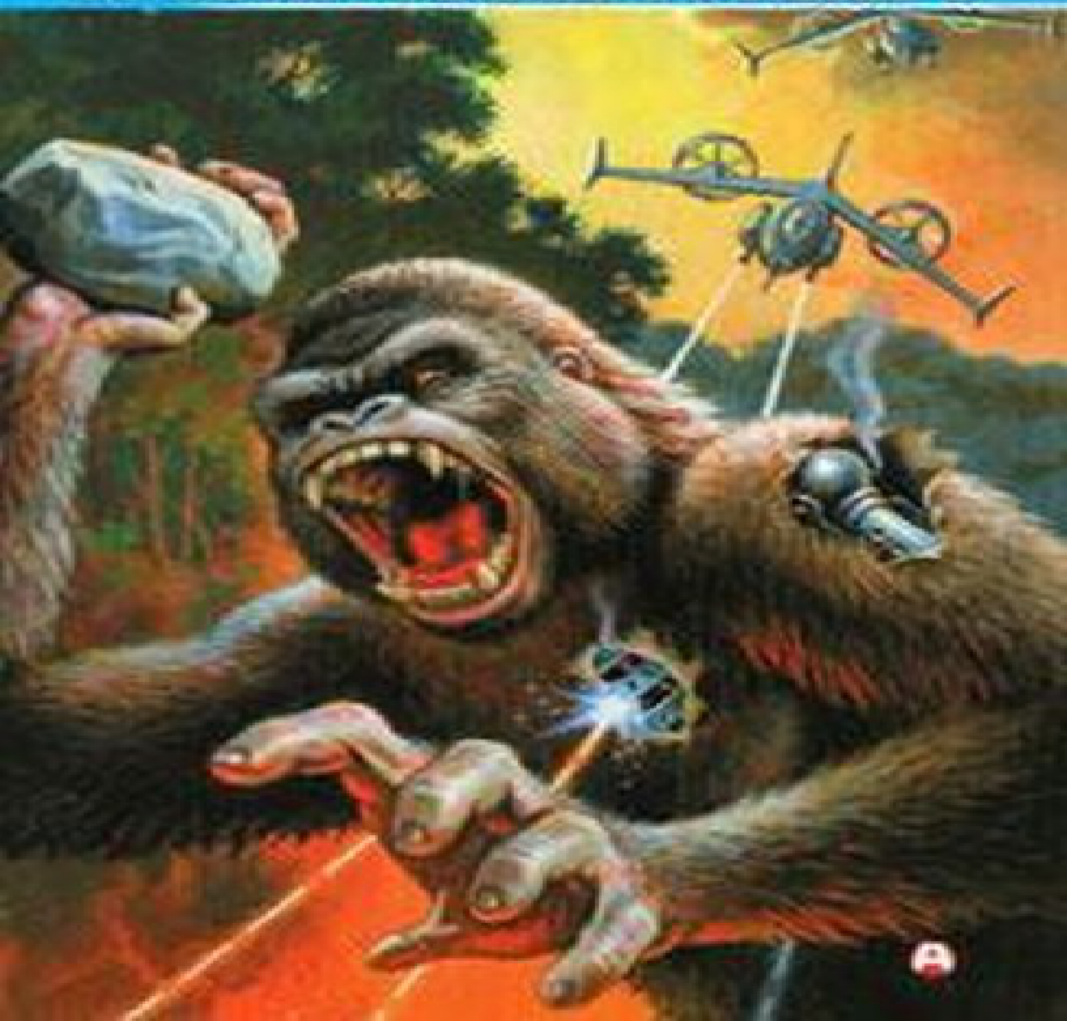
Алексей
Олейников

Боевой аватар

Фантастика настоящего и вымышленного



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

2060 год. Локальный конфликт между великими державами. Использовано экспериментальное биологическое оружие. В считанные недели погибло десять миллиардов жителей Земли.

Цивилизации больше нет. Но в джунглях Африки продолжает свою работу последняя военная разработка погибшего мира — биомеханическая машина в облике гигантской гориллы с человеческим сознанием. Боевой аватар мирного ученого Джузеппе Ланче.

Последняя надежда человечества на возрождение.

- Алексей Олейников
  - Часть первая
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая
    - Глава одиннадцатая
    - Глава двенадцатая
    - Глава тринадцатая
    - Глава четырнадцатая
    - Глава пятнадцатая
    - Глава шестнадцатая
    - Глава семнадцатая
  - Часть вторая
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая
    - Глава одиннадцатая

        - Глава двенадцатая
        - Глава тринадцатая
        - Глава четырнадцатая
        - Глава пятнадцатая
        - Глава шестнадцатая
        - Глава семнадцатая
        - Глава восемнадцатая
        - Глава девятнадцатая
        - Глава двадцатая
        - Глава двадцать первая
        - Глава двадцать вторая
        - Глава двадцать третья
        - Глава двадцать четвертая
        - Глава двадцать пятая
        - Глава двадцать шестая
        - Глава двадцать седьмая
        - Глава двадцать восьмая
        - Глава двадцать девятая
        - Глава тридцатая
        - Глава тридцать первая
        - Глава тридцать вторая
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18

Алексей Олейников
Боевой аватар

Часть первая

Глава первая

— Как спокойно, — Лаура подняла жалюзи, и встала у окна, кутаясь в простыню. — Отключи репеллент, Джузи.

— Мошкара налетит, — зевнул Джузеппе. — «Москитку» все равно не слышно.

— Это тебе не слышно, — Джузеппе не видел, но почувствовал, что Лаура чуть нахмурилась.

Джузеппе вздохнул и щелкнул пультом электронного репеллента.

Он встал, прошел босиком по прохладному деревянному полу и обнял Лауру:

— Конечно, знаю, малыш. Ты слышишь все.

— Ничего ты не знаешь, — Лаура качнула головой. — Человек — маленький завод по созданию звуков: сердце стучит, кровь шуршит в артериях, воздух с шумом входит в легкие. Ты в курсе, что у вашего директора… Ренье, кажется? У него кардиостимулятор. Причем давно.

— Нет, — удивился Джузеппе, — Он никогда не жаловался на сердце.

— Представь, что каждый человек перед тобой — развернутая книга, которую ты легко читаешь, — сказала Лаура. — Чем он болеет, сколько ему лет и чем он увлекается, какая у него машина и когда он позавтракал.

— В детстве я мечтал стать суперменом, — улыбнулся Джузеппе.

— А знаешь, о чем я в детстве мечтала? Быть никем. Серой мышкой, самой незаметной в классе — самой тихой мышкой на свете, Джузи. Чтобы у меня была самая обычная школа, обычная семья, обычный дом. Быть суперменом совсем не весело, Джуз.

Она замолчала.

Джузеппе и сам мог продолжить. Рассказать черной африканской полночи о скромном миланском виолончелисте Луиджи Бонатти — хорошем профессионале и любящем отце, который мечтал о звездной карьере будущей дочери. Гений — это всего один процент таланта, все остальное — труд и терпение. Луиджи это прекрасно знал. Но один, самый важный, процент дает природа.

Или китайские генные инженеры.

Всего один ген — ген «Страдивари», ген абсолютного слуха.

Наверное, жена очень любила его, раз согласилась на изменение генома их еще не родившегося ребенка. С 2020-го модификации генома в Европе были запрещены, так что Луиджи

опустошил банковский счет и повез жену в Юго-восточную Азию.

Дальше Джузеппе вспоминать не хотелось.

Бонатти был скрытен и тщеславен. Никто не догадывался, что они не просто отдыхали с женой на Тайване. Да и кому могло прийти в голову, что Луиджи способен на такое?

А спустя семь месяцев родилась малышка Лаура.

Следующие восемнадцать лет целый исследовательский центр пытался понять, что именно произошло с геномом Лауры Бонатти. Помочь могли бы сотрудники фирмы «Next Evolution», проводившие операцию, но Интерпол так и не нашел никаких следов компании — она испарилась вместе с командой генетиков, обаятельным директором — мистером Ю, и даже секретаршей.

Генная модификация оказалась не совсем той, о которой мечтал сеньор Бонатти.

Лаура слышала все. Шум машины, проезжающей за несколько километров, крики летучих мышей, инфразвуковые вибрации водопроводных труб…

Каково это — от рождения быть погруженным в океан звука? Жить, слыша все, не имея возможности закрыть уши, спрятаться хотя бы на секунду от насилующей сверхчуткий слух какофонии: монотонного гула проводов, писка электроники, рева самолетов и машин.

Ее спас семейный врач, которому молодая мама принесла новорожденную с жалобой на непонятные симптомы — сильное перевозбуждение, острая реакция на любой громкий звук, постоянный плач.

По всем показателям ребенок был абсолютно здоров, но педиатр — старик Бернелли на всякий случай назначил полное обследование. Только что отгремела третья пандемия «свиного гриппа», и, хотя симптомы не совпадали, Бернелли просто решил перестраховаться. К тому же, в своей практике он сталкивался с разными случаями, но никогда не видел, чтобы ребенок так сильно реагировал на включенный аппарат УЗИ.

Разумеется, полный анализ генома Бернелли провести не мог. Зато он моментально обнаружил анатомические отклонения в строении слухового аппарата. А категорический отказ матери от углубленного обследования только подстегнул его подозрения.

Луиджи Бонатти, «отцу-изуверу», как окрестили его газеты, удалось избежать тюремного заключения — операция была сделана за пределами ЕС.

Он просто лишился родительских прав и работы. Мать Лауры умерла вскоре после начала скандала, что тоже поставили в вину неудачливому виолончелисту.

Правозащитники были в смятении — часть из них отстаивала

права ребенка, другие яростно вступались за родителей, а одиозный Радикальный фронт эволюционистов даже раскололся на «бонаттистов» и «умеренных».

В итоге именно из-за «Проблемы Бонатти» была принята Генетическая Хартия ЕС, объявившая любые генные эксперименты в Европе вне закона, так что линчевать Бонатти мечтали все европейские генетики. Но он покинул Италию, и следы его затерялись где-то в Латинской Америке.

А Лаура осталась.

«Девочка Франкенштейн», ребенок-уникум: нулевой порог слышимости, «объемное акустическое зрение». Девушка, которая могла слышать почти во всем диапазоне волн.

На следующие восемнадцать лет домом для Лауры стал исследовательский центр в Северной Италии. По теме «ошибки Бонатти» был написан не один десяток диссертаций.

Еще бы. Первый случай направленной ре-эволюции. Ведь абсолютный музыкальный слух был лишь мелким дополнением к букету способностей, которые подарили безвестные тайваньские геноинженеры дочери Луиджи Бонатти.

Они же лишили ее нормального детства.

Держать Лауру под стеклянным колпаком до старости ученые не могли, хотя, возможно, им очень этого и хотелось. В восемнадцать двери центра захлопнулись за ее спиной. Но куда идти, она не знала.

У нее было великолепное образование — в центре работали лучшие ученые Европы, и уникальный дар, но как жить за пределами центра, она не знала.

Мир ее не ждал и не искал. За восемнадцать лет все забыли эту историю, к тому же с тех пор в мире появилось довольно много «людей Х» — название старого комикса легко прилепилось к геномодификантам.

Лаура поменяла фамилию на ди Франша — по названию деревушку в Альпах, рядом с центром. И исчезла на долгих три года, о которых она говорила Джузеппе вскользь и глухо. Чем она занималась, Джузеппе мог только догадываться. Так же, как и где и как ее отловил полковник Франчелли.

Мечта Луиджи Бонатти не сбылась. Его дочь не стала ни музыкантом, ни композитором.

Огромная белая луна плыла над верхушками деревьев, и Джузеппе вспомнил, что тогда, в 67-м, в ночь их первой встречи в Боготе, тоже было полнолуние. Каким же ветром его занесло в Колумбию на конгресс приматологов?

«Поезжайте, старина, — говорил декан Форца, — Богота чудесный город. Колониальный стиль, испанская архитектура,

классицизм, барокко, Анды, сельва. А какие там приматы! Чуть отъедешь от города — они уже, голубчики, в ветвях скачут. Непременно послушайте доклад об особенностях социального поведения Aotus azarae, автор Хорхе Мануэль из Колумбийского университета. Большая умница, обязательно с ним познакомьтесь…»

И Джузеппе сдался.

Сдался, хотя незаконченная диссертация камнем висела на совести. Для ее успокоения он прихватил файл с собой.

Воображение рисовало картины хорошей утренней работы — в отеле, на балконе в стиле барокко, за чашкой ароматного колумбийского кофе, с видом на просыпающийся город и розовеющие пики Кордильер…

Отель был отвратителен.

Он вонял. Нет, он смердел. Там были такие запахи, с которыми Джузеппе не сталкивался никогда — за всю долгую кочевую жизнь «в поле».

Отслаивающие обои, сороконожки толщиной с палец, охрипшие кондиционеры — наверное, еще прошлого века, персонал, ни слова не понимающий по-английски — пожалуй, с пигмеями лесов Итури найти общий язык было гораздо проще, чем с сотрудниками «Hotel Inka».

Правда, балкон был. Он выходил на задний двор отеля, с видом на розовеющие по вечерам мусорные баки, в которых копошились местные приматы вида Homo Sapiens.

С антропологической точки зрения это, наверное, было любопытно, но Джузи всегда больше интересовали гориллы и шимпанзе.

В довершение всего его поселили с каким-то невыносимо занудным старикашкой-немцем. От его бесконечных рассказов в духе «помню, когда я служил в Бундесвере, в 2005-м мы с другом Францем едва не угодили в руки талибов…» Джузеппе начало тошнить уже в первый вечер. Больше всего бесило, что отставной вояка никогда не заканчивал истории.

Джузеппе смылся в ближайший приличный бар и твердо решил, что утром улетает домой. Заказал пива и начал просматривать на коммуникаторе список завтрашних рейсов.

И тут появилась она.

Невысокая и чуть полноватая. Янтарные глаза, в которых плясали золотые искорки смеха, взрыв вьющихся каштановых кудрей… Подвижная, как капля ртути, она ни секунды не стояла на месте, любовь и любопытство к жизни переполняли ее, и невольно выплескивались на окружающих — так, что люди при встрече не могли удержаться от улыбки.

Пара суровых парней за ее спиной словно явились из другой реальности. Точные короткие движения, скупая мимика, и выправка. Джузеппе был хорошим биологом и разбирался в повадках и социальной структуре высших приматов. А этот подвид он изучил ближе, чем хотелось бы — приходилось пересекаться и в Африке, и на Яве.

Она просто не могла находиться с ними в одном пространстве — это было настолько невозможно, что у Джузеппе защемило сердце.

Воспитательница в детском саду, волонтер «Гринписа», вольный художник — Джузеппе мог представить ее в любой роли, но только не той, кем она была на самом деле.

Уже в Италии ему на глаза попалась короткая статейка об успешном освобождении в Колумбии заложников, три года удерживаемых боевиками ФАРК. «В операции принимало участие подразделение итальянского полицейского спецназа НОКС» — вскользь сообщала заметка.

Биолог Джузеппе Ланче порадовался за заложников и забыл про эту историю — все это было бесконечно далеко от его работы и от девушки, занимавшей все мысли.

«— Почему ты со мной, Лори?

— Ты хорошо звучишь, — смеялась Лаура. — В тебе есть колокольчики».

И не понять, всерьез она или нет. Джузеппе и не пытался. Он был счастлив, каждую секунду, пока они были вместе, он берег эти секунды, словно глотки воды в пустыне, и впитывал их всем своим существом.

Он ходил на цыпочках и говорил шепотом, хотя Лаура и говорила, что это вовсе не обязательно — электронные беруши снижают ее чувствительность до обычного человеческого уровня. Но Джузеппе так хотелось.

Лори сама все ему рассказала. Он бы, наивный, так и продолжал верить ее легенде о тяжелой работе пресс-секретаря в крупной горнодобывающей компании, постоянных перелетах, выматывающих сменах часовых поясов и век не догадывался, чем же занимается Лори.

Нет, не Лори. Лаура ди Франше — особый специалист технического отдела Дивизиона специальных операций Министерства внутренних дел Италии. Лингвист, сапер, и специалист широкого профиля.

Отца Лаура никогда не искала.

Так что Джузеппе все знал.

— Давай спать, Лори. Завтра …

— Полная луна, Джузи, — Лаура подняла голову, и Джузеппе

мучительно захотелось припасть губами к тонким чертам ее лица, полного прозрачной белизны.

— Здесь она совсем другая. Африканская. Я бы хотела оказаться там — в космосе, Джузи. Там должно быть, наверное, очень тихо.

— Давай спать, — вздохнул Джузеппе. — Завтра рано вставать.

Глава вторая

Мотор натужно ревел, джип медленно полз по раскисшей лесной дороге, упрямо карабкаясь в горы. Их маленькая экспедиция забиралась все глубже в дебри национального парка Вирунги, раскинувшегося почти на восемь тысяч квадратных километров в провинции Северное Киву Демократической республики Конго.

Рейнджер Луи, низенький и коренастый хуту, молча крутил руль. Его напарник Жозеф, с самого начала пути сидел вполоборота. Он беспрестанно шутил, бурно жестикулировал и бросал пламенные взгляды на Лауру, которая мгновенно подхватила игру и чудовищно кокетничала.

«…расти напряженность на границе с Тутсилендом. После объединения Уганды и Руанды главная задача — защита тутси от партизан хуту, поддерживающих свергнутые режимы, заявил… — дорога нырнула в ложбину, и приемник потерял сигнал.

— Жозеф, выключи ты его, — попросил Джузеппе. — К черту политику.

— Это не политика — возразил Жозеф, — это жизнь. Эти тутси, гадюка их мать, все им неймется.

— Жозеф! — Лаура приподнялась на заднем сидении.

— Простите, муазель Лаура, — Жозеф потянулся к приемнику. — Сейчас…

— Да нет, же! — Лаура хлопнула его по спине. — Оставь приемник в покое, скажи лучше, как будет на лингала «гадючьи дети».

— Муазель… — замялся рейнджер и Лаура захохотала.

«…к международным новостям. По данным пресс-службы международных сил в Афганистане операция по освобождению американского персонала горнодобывающей компании «Маверик» прошла успешно. Никто из заложников не пострадал, все террористы были уничтожены. Генерал Ваковски выразил…»

— Вот теперь можешь выключить, — сказала Лаура. — Странно…

— Ты о чем? — не понял Джузеппе.

— Операцию проводили военные, — Лаура потеребила мочку уха. — Пустяки, не обращай внимания. Что это за птица?

— Где? — Жозеф обернулся.

— Все, улетела, — Лаура откинулась на сидении, и с любопытством стала изучать низкие стены джунглей и выплывающие из утреннего тумана отроги горного массива Вирунги. Изредка она позевывала, деликатно прикрывая рот

ладошкой.

«Все-таки не выспалась» — отметил Джузеппе, а Лори хваталась за борт при резких скачках машины и чуть кокетливо поправляла берет. Образ «белой туристки» ей явно удавался.

А Жозеф сверкал улыбкой и воинственно сжимал карабин, рискуя выпасть из джипа. Если бы меня здесь не было, подумал Джузеппе, он уже давно исполнил бы какой-нибудь замысловатый брачный танец.

«Господи, как ребенок. И это рейнджер национального парка Вирунги,» — Джузеппе про себя вздохнул и сверился с навигатором. До полигона оставалось километра полтора.

— Что мы увидим сегодня, Джузи? Окапи? Лесных слонов? Кистеухих свиней? — поинтересовалась Лаура, — Или горилл? Я бы попрощалась с Куджо, он такой большой, важный. Настоящий вожак.

— Лори, все что захочешь. Считай, что это твой Диснейлэнд.

— Здорово, — просияла Лаура, — у меня никогда не было своего парка. А где здесь главный аттракцион?

— Скоро увидишь, — улыбнулся Джузеппе.

Напоследок встряхнув пассажиров, джип остановился.

— Приехали, — Джузеппе спрыгнул, подал руку, помогая Лауре выбраться.

— Какое странное место… — Лаура прошлась по выровненной, расчищенной от деревьев площадке. Задумчиво поглаживая витой серебряный браслет на запястье, поглядела на обломки стволов, спутанные метелки пальм, устилающие утоптанную красную землю. — Вы что, какой-то экологический танк здесь испытывали? Особо мирный и безопасный для зверушек?

— Почти, — едва они оказались на площадке, как Жозеф немного сник.

— Доброе утро, Лаура-сан, — Ямагучи появился как всегда незаметно. Еще секунду назад проем между двух уцелевших пальм на краю полигона был пуст, а теперь, пожалуйста, — техник полевой биолаборатории «Итури» собственной персоной: невысок, подтянут, строен, и как всегда доброжелателен.

— Доброе утро, Джузи, Жозеф, Луи.

— Охайо годзаймас,[1] Ямагучи-сан, — откликнулась Лаура. — Вы сегодня какой-то напряженный. Я не помешала?

— Нет, что вы, — техник едва заметно улыбнулся, — Вы пришли поглядеть на нашего малыша? Или просто небольшая прогулка?

— Пожалуй, что на него, — задумчиво заметила Лаура. — Где же он, Ями, не томите. Джузеппе обещал мне главный

аттракцион.

— Будет вам аттракцион, — японец поправил очки. — Лаура-сан, я наслышан о ваших талантах. Объект в джунглях. Сможете определить направление, дистанцию и скорость движения?

— Попробую, Ямагучи-сан, — Лаура выстучала короткую дробь на клавишах браслета, стилизованных под драгоценные камни. Насколько помнил Джузеппе, в этой изящной вещице был запакован мультипроцессор седьмого поколения, эхолот, и множество других интересных гаджетов. Браслет авторской работы стоил как Феррари Инфернал.

Единственное, что от чего Лори бесилась — ногти ей приходилось красить киберлаком. А с модными расцветками у его производителей всегда было туго: никаких объемных текстур, интерактивных найл-шоу, только скучные статичные цвета начала века.

Но ради работы не только с клавиатурой, но и виртуальным интерфейсом приходилось идти на жертвы.

Впрочем, Ямагучи обходился черными интерфейсными перчатками. Вот и сейчас — он щелкнул пальцами, кольцо проектора на запястье блеснуло, и между его ладоней развернулась голографическая панель.

— Итак, он…

— Начал движение, — оборвала Лаура, сосредоточенно всматриваясь в джунгли. — Направление — северо-запад. Дистанция — около трехсот метров, скорость движения — пять, семь, десять километров в час и возрастает. Размеры…Жозеф, не чешись! — рявкнула вдруг она. Рейнджер окаменел и, кажется, даже перестал дышать.

Джузеппе мог только догадываться, что она сейчас «видит», какую картину шорохов, тресков, шумов — от инфразвука до ультразвука, разворачивает перед ней «акустическое зрение», но знал, что любое колебание воздуха на расстоянии как минимум двух километров не ускользнет от ее чуткого слуха.

— Размеры …три, нет, порядка четырех метров, — монотонно диктовала Лаура, — Вес — около тонны, скорость — двадцать, продолжает расти. Ого!

— Какая свобода передвижения по вертикали! — девушка бросила быстрый взгляд на Ямагучи, пальцы которого молниеносно порхали в дрожащем мареве операционного опенклауда.[2]

— Это еще цветочки, Лаура-сан, — Ямагучи довольно улыбнулся. — А вот так?

Треск, и грохот поваленных стволов донеслись из леса, Лаура вздрогнула и вся напряглась, словно готовилась уйти от

невидимого удара.

— Ями, что ты…

— Джузи, тихо! — Лаура схватилась за браслет, тот выбросил синеватое интерфейсное облачко, и ее пальцы заметались в воздухе, будто ловя незримую мошку.

Жозеф с Луи, выпучив глаза, глядели на «туристку». А Джузеппе чувствовал себя круглым дураком — он не мог даже с места сойти, чтобы помочь Лори, не мог даже лишний раз кашлянуть, чтобы не сбивать ее слух.

На его глазах разворачивался поединок — поединок между даром человека и созданием его разума, поединок безмолвный и бесконтактный.

— Ай! — Лаура схватилась за уши.

— Лори! — Джузеппе кинулся к ней, обнял за плечи, — Лори!

— Не ори, Джуз! — девушка подняла голову, слабо улыбнулась. — Все хорошо.

— Ями, что ты творишь?! — Джузеппе шагнул к Ямагучи.

Руки техника замерли, и Джузеппе на мгновение зажмурился — луч голографического лазера ударил по глазам.

— Дорогой Джузи, не сбивай настройки, — осторожно попросил японец, — Можешь потом меня побить, если тебе так хочется.

— Ему не хочется! — Лори вклинилась между ними. — Я в норме, Джузи. В норме, ясно? И не такое бывало. Это было неожиданно, вот и все. Выводи его, Ями.

— Точно норма? — коротко поинтересовался Ямагучи, отстраненно созерцая светящиеся строчки, ползущие в воздухе.

— Да, я считала все параметры, но взломать не удалось. — Лаура хмыкнула. — С белым шумом хорошая идея, ошеломил. Хватит соревнований, давай, показывай своего малыша.

Ямагучи кивнул:

— Это честь для меня, сеньора Лаура ди Франше.

— Честь… — фыркнул Джузеппе.

«Глупость какая, — ошеломленно подумал он. — Еще немного и я бы ударил его. Но это же Ями, как мне такая чушь пришла в голову? Да и Лори, она со своей подготовкой, наверное, голыми руками от белого медведя отобьется».

И все равно, когда Лори закричала, на мгновение Джузеппе совершенно забыл о себе, сердце его зажглось слепящей и настолько чистой яростью, что ему самому стало страшно.

И Джузи вспомнил, отчего перестал драться.

Когда-то давно точно такое же чувство он испытал в школьном коридоре. Мир сузился до одного единственного лица — лица обидчика, к которому «Пепе-Джузеппе» был готов идти

сквозь боль, удары, страх. Идти, во что бы то ни стало, потому что так велела его ярость — единственное, что имело значение.

Это была сила. Настолько неуправляемая, что Джузеппе испугался ее, испугался сам себя и захлопнул сердце, как старый сундук, похоронив свою ярость на дне.

И до этого момента не вспоминал о ней. Он сумел выстроить свою жизнь так, что ярость и умение идти вперед, невзирая на удары, ему были не нужны.

Но теперь он вдруг подумал, не похоронил ли на дне этого сундука еще что-то важное вместе со своей силой? Может быть, возможность иной жизни?

— Джузи, он идет, — Лори взяла его за локоть. — Король джунглей. Вы придумали замечательную машину.

В лесу что-то мелькнуло — мгновенной тенью меж ветвей, что-то большое и очень быстрое всколыхнуло молоко тумана, который нехотя таял под натиском восходящего солнца.

Жозеф, нервно поглядывая в лес, хлопнул Луи по плечу, указывая на…

Черная округлая тень бесшумно перелетела через джип, выметнулась на полигон, и, взметая листья, ветви, щепу, рванулась к ним.

Пальцы Лауры стиснули его локоть, она рефлекторно схватилась за отворот куртки, будто что-то ища. Джузеппе не успел ничего сделать, только крепко обнял Лори, готовясь отпрыгнуть с линии атаки громадной гориллы, мчащейся на них со скоростью…

— Разрешите представить — мобильный юнит экозащиты проекта «Wildlife program[3]», — скромно блеснул очками Ямагучи. — Новое слово в активной экологический защите: революционные разработки в области нанотехнологий, уникальный механизм энергопитания, сверхвысокая степень пассивной защиты. Жозеф, не тычь в него карабином. Ты же его с пеленок знаешь — сам распаковывал.

— Так-то оно так… — рейнджер неохотно опустил оружие, с опаской глядя на огромную фигуру, замершую в неподвижности в метре от группы. — Господин Ямагучи, нам и вправду нужна это штука?

— Он послушный, — Ямагучи щелкнул ногтем по интерфейсу. — Дай лапу, малыш.

Гигант медленно опустился на корточки и протянул правую лапу Лауре.

— Не унижайте его, — Лори коснулась черных пальцев, каждый из которых был шириной вполовину ее ладони. Она прищурилась, погладила густую черную шерсть, под которой

бугрились синто-мышцы, взглянула в глубокие черные глаза, блестящие из-под нависающих надбровных дуг. — Он воин.

Ямагучи молча сиял.

— А что такое сверхвысокая степень пассивной защиты? — поинтересовалась Лаура.

Японец подошел к юниту, извлек из кармана перочинный нож и, размахнувшись, воткнул лезвие в черную ладонь.

— Что вы… — вскрикнула Лори, но тут же осеклась.

Техник рывком выдернул нож.

— Засекайте время, Лаура-сан.

— Уже, — растерянно пробормотала Лори, наблюдая, как порез на глазах затягивается. — Тридцать секунд. Но как?

— У нашего юнита есть не только скелет, но и кровь, — пояснил Ямагучи. — Точнее, взвесь нанитов в полимерной плазме. Это автономная система с распределенным принципом вычислений. Центральный процессор может отдавать указания — что и в какой точке надо модифицировать, но система сама способна восстанавливать элементы конструкции. И видоизменять их. В разумных пределах, конечно.

— Просто поразительно, — Лаура обошла вокруг застывшей на корточках четырехметровой гориллы. — И вы не боитесь сообщать такую информацию?

— Лаура-сан, ну что вы, — японец широко улыбнулся. — Все, что я вам сообщил, можно будет прочитать в рекламной статье. Это не коммерческая тайна. Вот, скажем, технологию создания нанитов или программные алгоритмы вам никто не разгласит. Думаю, вам это и не интересно?

— Не особенно, — сказала Лаура. — Мне другое интересно. Ведь это точная копия самца горной гориллы, серебристая полоса на спине — это же у самцов, да, Джузи?

— Да, — кивнул Джузеппе.

— Надо же — и с размерами не ошиблась, — Лаура положила руку на спину гориллы, возвышавшуюся над ней, несмотря на то, что юнит сидел. — Какая шерсть мягкая. Но почему он такой большой, гориллы же обычно меньше?

— Чтобы браконьеры боялись, — Ямагучи был сама серьезность. — Они от одного его вида в штаны положат, так, кажется, говорится?

— Да я сам чуть не положил, — пробормотал рейнджер. — Как представлю, что эта штука может взбеситься. Тут гранатомет нужен, чтобы ее утихомирить.

— Гранатомет? Нет-нет, — техник замотал головой. — Жозеф-сан, гранатомета мало.

Судя по мрачной физиономии, рейнджера это известие не

обрадовало.

— Не бойся, Жозеф, без работы он вас не оставит, — подбодрил Джузеппе. — Сам знаешь, сколько дел в парке.

— Знаю, — вздохнул Жозеф, — Но нашим эта штука не по душе. Да, Луи?

— Замба. Замба Мангей, — прервал молчание Луи, — Нехорошо.

— Кажется, это значит «ужас леса» на лингала? — заинтересовалась Лаура. — Никак в языках банту не разберусь. Столько диалектов.

Десятый язык, машинально отметил Джузеппе. Иногда рядом с Лаурой он чувствовал себя ребенком — со своей ученой степенью, научными работами, книгами. Беспомощный бородатый ребенок.

— Примерно так, — кивнул Жозеф. — Но вы на Луи не обращайте внимания, он у нас внук бокора, да, Луи?

Луи исподлобья глянул на Жозефа — так, что тот поперхнулся очередной остротой, вернулся к джипу и сел за руль, всем своим видом давая понять, что не желает ничего общего иметь с дьявольской придумкой белых людей.

— Мы называем его FOU — free observertion unit,[4] - Ямагучи продолжил короткую лекцию. — Как вы знаете, Лаура-сан, главный бич парка — браконьеры. В прошлом году было убито двадцать горилл.

— Двадцать три, — поправил Джузеппе. — Два окапи, пятьдесят кистеухих свиней, один лесной слон.

— Ужасно, — тихо сказал Ямагучи. — Как правило, животных едят, в том числе и обезьян — местным жителям не хватает белка в рационе. К тому же органы и конечности, например, горилл, очень ценятся в китайской медицине. Ну, вы знаете, все эти средства для увеличения мужской силы…

Ямагучи пренебрежительно поморщился.

— Чтобы свести подобные случаи к минимуму и был создан FOU, — он похлопал робота по колену.

— Полностью автономный механизм! Патрулирует территорию, собирает данные о поведении горилл, сообщает о браконьерах и защищает места обитания горилл от хищников. Любых хищников, вы понимаете, Лаура-сан?

— Понимаете, — кивнула Лори. — Гориллы могут отогнать льва, но бессильны против винтовки.

— В отличие от нашего FOU! — просиял Ямагучи. — Единственный запрет — на убийство людей. Только обезоруживание и конвоирование за пределы территории Вирунги.

— Поправили законы робототехники? — с интересом пробормотала Лаура. — Значит, запрещены только действия с летальным исходом?

— Если кто-то будет очень упорствовать, это плохо скажется на его здоровье, — вздохнул техник. — Это война, Лаура-сан, и животные в ней проигрывают. В пределах парка могут перемещаться лишь сотрудники лабораторий, рейнджеры и туристические группы в сопровождении проводника. Все они внесены в базу данных, у каждого уникальный идентификационный номер. Жозеф?

Рейнджер продемонстрировал браслет на запястье.

— А если он будет похищен? — Лаура с ходу начала искать слабые места.

— Обладатель ID должен быть в базе, — покачал головой Ямагучи. — К тому же номер похищенного или потерянного браслета мы сразу же аннулируем.

— А если рейнджеры сами кого-нибудь подстрелят?

— Если юнит окажется свидетелем противоправных действий сотрудников парка, он будет руководствоваться инструкцией. — Джузеппе показалось, что техник дословно процитировал один из параграфов.

— Этого я и боюсь, — пробурчал Жозеф.

— Жозеф-сан, ну ты же не будешь убивать, например, окапи? — удивился техник.

— Их еще отыщи, этих свинов, — рейнджер был лаконичен, но у Джузеппе возникло чувство, что тот не отказался подстрелить кого-нибудь, входящего в Красную книгу.

— Вот установят протекторат ООН, вообще границы парка закроют, — заметил Ямагучи. — Не разгуляешься.

— Когда это еще будет, — отмахнулся рейнджер. — Хотел бы я посмотреть, как они такую площадь закроют.

— Что, после «Первой китобойной»[5] Япония взялась за ум? — съязвила Лаура.

— Лаура-сан, сами знаете, что вся вина за те ужасные события лежит на лобби рыболовецких компаний, — с укоризной произнес техник. — Японцы всегда были против промысла китов.

— Ага, особенно после затопления двух шхун эковойсками ООН.

— Лаура-сан…

— Ладно, молчу. Рассказывайте дальше, дорогой Ями.

— Юнит ведет запись всех инцидентов, — продолжил Ямагучи, — Раз в неделю посылает собранные данные в лабораторию. Если возникает нештатная ситуация, — например, сотрудник парка делает что-то недостойное… — техник

выразительно взглянул на Жозефа.

Тот фыркнул.

— … то юнит незамедлительно запрашивает базовую станцию и может передать управление оператору, чтобы человек сам принял решение.

— А если будет сбой?

— Вот-вот, — поддакнул рейнджер.

— Разумеется, предусмотрен режим аварийной остановки, — согласился Ямагучи. — Нет в мире совершенства. Если программный комплекс или аппаратная часть дадут сбой, команду можно отдать как удаленно, так и непосредственно голосом. Правда, рядовые сотрудники код не знают.

Жозеф повел могучими плечами — видимо, воображение рисовало ему экстренную ситуацию, когда он оказывается один на один с неуязвимой машиной, а где-то далеко техник Ямагучи, который знает код остановки, ест себе суши и дела ему нет.

— И все-таки, почему он такой громадный? — вздохнула Лаура. — И почему об этом проекте нет никаких упоминаний? Все, что есть в сети о WLP — это общие слова, несколько репортажей, и все. А о том, как вы будете горилл спасать, а, Ями?

Тот пожал плечами:

— Не знаю, Лаура-сан. Я рядовой сотрудник полевой станции.

— Для рядового сотрудника вы удивительно ловко управляетесь с этой машиной, Ямагучи-сан, — иронично заметила Лаура. — Замечательные кадры себе «зеленые» подбирают.

Джузеппе невольно вспомнилось, как год назад рвал и метал Ренье, узнав, что разработчики из «Грейт Роботикс» увеличили размеры юнита в два раза по сравнению с обычной гориллой — до четырех метров.

— На черта нам этот Кинг-Конг? Техзадание было ясно даже бабуину! — бушевал Ренье. — В точности скопировать внешний вид, схему движения самца гориллы и размеры!

— Бабуину может и ясно, а вот американцам нет, — вздыхал биолог Антонио, возлагавший на юнита немалые надежды. — Этот робот сгодится только для Диснейленда. Гориллы его к себе не подпустят.

В итоге, когда Ренье удалось достучаться до руководства проекта, бойкие разработчики уже представили движущуюся модель — пока еще без внешнего каркаса.

Видео, где композитный скелет громадной обезьяны скачет по полигону, произвело неизгладимое впечатление на совет проекта. Макет был утвержден.

Взбешенный Ренье дозвонился до «Грейт Роботикс» и полчаса орал в трубку. Потом замолчал, слушал несколько секунд, выдавил «всего доброго» и выключил телефон.

— Это президент компании, — мрачно сказал Ренье. — Он сказал: «Если вам, умникам, не нравится наш робот, напяльте на себя обезьянью шкуру и ступайте в лес». Конец цитаты. Я не уверен, но кажется, он военный. Во что мы вляпались?

Джузеппе был уверен: в какие-то военные игры. Он уже жалел о том, что притащил Лори на полигон. Кажется, это была неудачная идея.

Он никак не мог вспомнить, есть ли в его договоре какие-нибудь пункты о неразглашении, но содержание официальных документов никогда не задерживалось в его памяти. Наверное, есть, и он все их нарушил.

— Не хмурься, Джузи. — Лаура потрепала его волосы. — У тебя все на лице написано. Я никому не скажу. Это ведь секрет, Ямагучи-сан?

— До официальной презентации остался месяц. Заканчиваем полевые испытания, — Ямагучи свернул голографическую панель. — Я был бы вам очень обязан, если вы немного подождете с отчетом, Лаура-сан.

— О чем вы, Ями? Я всего лишь рядовой сотрудник полиции.

— Тогда и волноваться не о чем, верно? — техник улыбнулся. — Скажите, на какой дистанции вы определили размеры?

— Девяносто метров. Он может двигаться быстрее?

— Конечно.

Джузеппе махнул рукой и отошел к джипу. Увлеченная диалогом Лаура даже не заметила.

«Ерунда, она и не заметила, что я ушел, — подумал Джузеппе. — Просто предпочла продолжить разговор».

— Тогда времени на взлом не остается. Говорите, выдержит прямой выстрел гранатомета?

— Выдержит. Но скорее просто уйдет с траектории.

— А источник энергии?

— Электробатареи. Большего сказать не могу.

— Электробатареи? Слабо верится. Полные ТТХ вы тоже вряд ли скажете?

— Увы, Лаура-сан.

— Следовало ожидать.

«Просто идиллия, — Джузеппе покосился на Луи, невозмутимо дымившего «Мальборо», и ему до смерти захотелось курить. — Воркующие голуби мира».

— А что на вооружении?

— Не оснащен. Мы мирные люди, Лаура-сан.

— Но военную базу на Луне построим, Ями?

— Эти американцы, вы же знаете, у Японии даже армии нет.

— Поэтому ей бы очень пригодились такие машины. Начинка-то вся ваша?

— Вы преувеличиваете, Лаура-сан…

— Луи, дай сигарету.

Черт с ним, решил Джузеппе, от десяти миллиграмм никотина не умру. В мире осталось не так уж много мест, где можно спокойно покурить, и Африка — одно из них.

Внук бокора молча протянул открытую пачку.

— Погляди на них, Луи, — с непонятной для него самого горечью сказал Джузеппе по-итальянски. — Спелись. Вот ведь притащил на свою голову.

«Чему я удивляюсь? — подумал биолог. — Ями же — военный человек. Они оба — специалисты, просто разговаривают».

— Ты хороший человек, Джузеппе-мванга, — сказал вдруг Луи на лингала, — Но эта женщина не для тебя. Она слишком сильная.

— Не для меня, значит? — ошеломленно переспросил Джузеппе, уже по-французски. — Ну, спасибо, Луи.

— Ты очень добрый, — пожал плечами рейнджер. — Доброта тоже может быть сильной. Но ты еще не нашел свою силу.

Он протянул огонек зажигалки, и Джузеппе прикурил. Лаура тем временем забралась на колени юнита и внимательно изучала его глаза.

— Эта машина, — Луи махнул сигаретой в сторону кибернетической модели. — В ней — твоя сила.

Солнце поднялось над вершинами Вирунги, залило джунгли прозрачно-медовым светом.

— Я не понимаю, — сказал биолог.

— Я тоже, — Луи сощурился, глядя на солнечный диск. — Но это неважно. Всему свое время.

Обратно, на станцию, они ехали молча. Ямагучи остался на полигоне, «прогнать еще пару тестов», как он выразился.

— Джузи, перестань дуться, — Лаура отогнала мошку от лица.

Джузеппе посмотрел в спину Луи, ведущего джип.

«Слишком сильная».

— Джузи-Джузи, — Лаура вздохнула и прижалась к нему. — Я поняла, какая у тебя мелодия. Джузеппе Ланче, ты звучишь, как лес. Огромный, полный жизни лес, в котором есть место всем. Даже маленькой потерянной девочке. Ты принимаешь всех.

Никогда не думала, что так бывает.

Сердце Джузеппе взорвалось бесшумной, ослепительной вспышкой.

— Лори, я…

— Тсс. — Лаура зарылась в его куртку, прижалась губами к шее, и сонно пробормотала. — Это был самый замечательный отпуск, Джузи.

— Ты о чем? — не понял Джузеппе. — У тебя еще неделя, Лори.

Дорога обогнула небольшую плантацию бананов-пизанга, которые высадил Ренье, и оборвалась. Жозеф привстал и что-то удивленно сказал Луи.

Территория полевой лаборатории «Итури» походила на кочевой стан: рейнджеры носились как угорелые, укладывая коробки в пыльные, побитые жизнью грузовички. Джузеппе заметил пару микроскопов, оборудование химической экспресс-лаборатории, с крыши главного корпуса кто-то деловито свинчивал спутниковую антенну, ветер носил обрывки распечаток и упаковочного пластика, и посреди этого хаоса, задавая ему ритм и направление, метался директор лаборатории Ренье Щербицкий.

— Война, Джузи, — шепнула Лаура. — Началась война.

Глава третья

«…На экстренной пресс-конференции в Киншасе президент Демократической республики Конго Джозеф Пемба заявил, что не потерпит никаких разговоров о независимости провинции Северное Киву.

«Сепаратисты будут жестко наказаны», — заявил президент Пемба. Напомним, что на прошлой неделе отряды генерала Мбвами Нсото под предлогом защиты мирного населения тутси от повстанцев народности хуту из Тутсиленда взяли под контроль столицу провинции город Гома. Также сепаратисты заняли города Киванья, Ньянзале и Мушаке. Правительственные войска закрепились на подступах к городам Рутшуру и Букуву.

— Могила для Нсото уже готова, — заявил командующий правительственными войсками Докесе Кифва. — Пусть только появится.

Между тем специальный представитель ООН в Демократической республике Конго Магнус Свенсен выразил глубокую обеспокоенность в связи с последними событиями.

— Особое опасение вызывает судьба Национального парка Вирунги, оказавшегося в центре разгорающегося конфликта. Нельзя допустить, чтобы…»

— Ямагучи-сан, выруби эту муть, ради всего святого, — взмолился Джузеппе. — По четвертому разу с утра повторяют. Ничего нового.

— Верно, — Ямагучи щелкнул пальцами, настроенный сенсор радиоприемника послушно увел громкость на ноль.

— Но вдруг? — японец развернулся на кресле, поглядел поверх очков на Джузеппе.

— Что вдруг? — уныло ответил тот, глядя в сотый раз на ворох распечаток данных сенсорной сети. — Смотри, Ями, два окапи замечены в верховьях Итури, квадрат 145. Черт, кому это сейчас надо?!

Джузеппе взвыл, скомкал распечатки и запустил комком в Ямагучи. — Не могу больше!

— Бинго! — Ямагучи откатился назад, подцепив по пути пластиковую корзину для мусора, и поймал комок.

— Ага, трехочковый, — безрадостно согласился Джузеппе и повернулся на звук хлопнувшей двери.

— Веселитесь? — Ренье вытер пласт-платком лицо, лоб,

глубокие залысины и редкий пушок волос, прилипший к макушке. С отвращением поглядел на платок, и отправил его в корзину. — Работнички…

— Господин директор, трудимся в поте лица, — отрапортовал Ямагучи. — Прослушано официальных новостных блоков — четыре, переговоров соединений КОФ — семьдесят, правительственных войск — десять. Общее число партий в Го[6] — тридцать три, счет тридцать два-один в пользу Ямагучи Иосикава.

— Да ну? — Ренье удивленно приподнял брови. — Джузеппе, неужели?

— Он поддался, — мрачно пробурчал Джузеппе.

— Какая радость самураю от победы над слабым? — Ямагучи пожал плечами.

— Интересно, кофовцы про это знают? — Ренье полез в карман, и раздраженно вытащил пустую упаковку из-под платков. — Кончились…

— Откуда этим диким гайдзинам знать кодекс Бусидо? Для них Калашников — отец, мать и кредитная карта.

— Вот доберутся они сюда, и откредитуют нас свинцом от пяток до макушки. — Ренье досадливо огляделся, потом схватил настольный вентилятор и начал им яростно обмахиваться.

Вентилятор жалобно зажужжал.

— Не мучайте машинку, Ренье. Это же антиквариат, начало 21-го века, — попросил Ямагучи.

— Я умру от теплового удара. — Ренье огляделся, но в каморке информационного отдела полевой лаборатории «Итури» свободного места было шагов на пять в длину, и три — в ширину. Все остальное было загромождено папками с отчетами полевых исследований прошлых лет, разобранными системными блоками, блоками питания, платами фазовой памяти и прочим компьютерным хламом.

Рулон пластбумаги со скрипом, лениво, как удав, полз из принтера, — поисковая программа раз в десять минут выдавала экспресс-анализ местных новостей. Джузеппе сто раз просил приладить монитор, уж очень его раздражал расход бумаги, пусть даже полимерной, но Ямагучи, по обыкновению всех компьютерщиков, все время находил отговорки, чтобы не возиться с такой ерундой.

— Третий год здесь и все никак не привыкну. — Ренье сдвинул новостную змею в сторону, сел на край стола.

— Матерь божья! — директор опустил взгляд на ленту и всплеснул руками, забыв про вентилятор. Такого издевательства аппарат не выдержал и, взвыв на тоскливой ноте, замолк.

— Ренье-сан, я же предупреждал… — начал Ямагучи.

— Кофовцы взяли Бени. — Ренье выронил вентилятор.

— Уже?! — Ямагучи подскочил, прикипел взглядом к листу. — Данные радиоперехвата. Вот молодец!

— Кто? Нсото? — Ренье захлопал редкими белесыми ресницами.

— Нсото — дурак, — отмахнулся Ямагучи. — Мой лингвоанализатор молодец. Второй день работы, а уже на лету диалект тутси шифрует. Причем армейский сленг. Правда, здорово?

— Здорово?! — Ренье смял рулон, сотряс его в кулаке. — Ямагучи — вы идиот? Если они взяли Бени, это значит…это значит…

Директор хватил ртом воздух, полные его щеки тряслись.

— Это значит, что несколько тысяч мирных тутси перешли границу Тутсиленда, обошли озеро Эдварда и ударили в тыл Кифве, — спокойно закончил за Ренье Ямагучи. — Очень скоро они возьмут Бутембо и Луберо, и подойдут с севера к Рутшуру. Старина Докесе Кифва уже может примеряться к могиле, которую приготовил для Нсото. А часть кофовцев уже идет маршем на Мамбасу. Нсото дурак, но не настолько, чтобы делать крюк через Атунукве. Он пойдет на Мамбасу коротким путем. Апараванта, Ируми — на них он не будет тратить силы. Скорее всего, они пройдут южнее. Так что мы в стороне от удара.

— Надолго ли? — фыркнул Ренье, сел обратно на край стола, задумчиво обмахиваясь рулоном. — Господи, какие кретины.

Директор в отчаянии утер лицо новостной лентой, оставляя на щеках разводы нестойких китайских чернил. — Шестьдесят лет они режут друг друга. Середина 21-го века, лунные базы, марсианская лаборатория. Китайцы успели Гоби озеленить!

— Ренье, истоки этого конфликта лежат еще в 18 веке… — потянулся Джузеппе. Мысль о близком подходе повстанцев его отчего-то перестала волновать. Может быть, за пятый год работы он уже привык к бесконечным сварам хуту и тутси, и казалось, что и в этот раз война пройдет стороной. А может быть от того, что Лори уже два дня как в Рутшуру. И сегодня должна улететь на ооновском борту в Киншасу. Эвакуация лаборатории через четыре дня, но все надеялись, что сюда повстанцы не дойдут и можно продолжить работу хотя бы в режиме мониторинга. Правда, если кофовцы уже в Бени…

Джузеппе вдруг стало не по себе. В Рутшуру миротворческая рота бельгийцев, все иностранцы у них в лагере, и туда повстанцы не сунутся — у ооновцев даже подразделение боевых «кибов» есть. Они предпочтут более простую мишень —

правительственные войска. Главное, чтобы Лори успела улететь. Она должна успеть.

А вот если повстанцы решат заглянуть к ним в лабораторию, придется туго. В крайнем случае, можно добраться до Команды, там есть аэропорт и пара дряхлых «дугласов». Но мотаться по горам, прячась за кустами от кофовцев? И что будет с юнитом — нельзя же его бросить в парке? А сам он за границы парка не выйдет — это намертво зашито в программе.

— Джузеппе, друг мой, я не хуже вас знаю историю, — Ренье взмахнул рулоном, и шелестящая волна докатилась до Джузеппе. — Защитим мирных тутси… Танталитовые месторождения им нужны, а не тутси. Если б вы знали, Джузеппе… Директор набрал полные легкие воздуха и выпалил:

— Хуту, тутси, интерахамве, баньямуленге, май-май, Руандийский патриотический фронт, Конголезский освободительный фронт, Национальный конгресс народной обороны, движение за конголезскую демократию, баптизм, католицизм, пан-бантуизм, хуту-пауэр — как же меня все достало!

— Кстати о китайцах-озеленителях, — Ямагучи вытянул белоснежный платок из нагрудного кармана. — Чернила у них дрянь, директор.

— А? Что? Спасибо, Ямагучи-сан, — Ренье взял платок, вытер лицо. — Все?

— Под левым глазом еще пятно, — подсказал Джузеппе. — По очертаниям как раз похоже на Францию.

— Хм… — Ренье заколебался, потом яростно задвигал платком. — Ладно, что будем делать?

— Сначала лучше отпустить ленту, господин директор, — заметил Ямагучи. — Машинка мучается.

— Шутник! — Ренье побагровел. — Со дня на день кофовцы нагрянут, а вы о принтере думаете?

— Я несу ответственность за всю аппаратуру в лаборатории, — Ямагучи и бровью не повел. — Кстати о машинах — пора прекращать патрулирование и возвращать юнита в ангар.

— Он еще в джунглях?! — Ренье обессилено уронил ленту, принтер радостно щелкнул и выдал новую порцию новостей. Директор пробежал глазами сообщение и просиял.

— Ямагучи-сан, вы молодец! Все как вы и сказали. Они выдвигаются на Рутшуру и Мамбасу. Лаборатория в безопасности.

— Пока в безопасности, — поправил Ямагучи. — Лучше сообщить в центральный офис, надо ускорить эвакуацию FOU и персонала.

— Голубчик, у меня от жары еще не весь головной мозг

выкипел, — Ренье повел пухлой ладонью. — Они там со вчерашнего дня на ушах стоят. Все аэропорты в округе уже в руках повстанцев, но основную часть оборудования мы уже перевезли в Букумо. Так что, скорее всего, пришлют грузовой термоплан, и, как вы выражаетесь, «вертушку».

— Хотелось бы, чтобы боевую, — вздохнул Ямагучи.

— Ями, вам бы не горилл спасать, а в голубой каске расхаживать. Эх! — Ренье потер ладони и с недоумением обнаружил грязный платок в руках. — Возвращайте юнита, пока время есть, надо готовить его к консервации. Кстати, куда подевался Антонио? Мне нужны те исследования популяции марабу у озера Эдвард.

— Да он уж почти неделю в горах, с рейнджерами, — удивился Джузеппе.

— Лучшего времени не нашел, — вскипел Ренье. — Ямагучи, свяжись с ними, пусть немедленно возвращаются. Пикники они там устраивают, бездельники!

Биолог Тони Бонати вместе с рейнджерами Мобуту и Пьером не совсем попадали под определение «бездельники» — они как раз монтировали датчики сенсорной сети в районе горы Поруо. О чем было непосредственное распоряжение господина директора — Ренье хотел успеть как можно больше перед эвакуацией. Но в сложившейся ситуации Джузеппе и сам хотел, чтобы Антонио был в лаборатории. Сейчас мотаться по горам — не самое разумное решение.

От Бени, захваченного повстанцами, до их лагеря всего два дня пути — если идти пешком. Джип доберется за полдня. Правда, для этого надо знать, где точно находится лаборатория. Но глупо надеяться, что у повстанцев нет спутниковых навигаторов.

— Я свяжусь с ними, — сказал Джузеппе. — Пусть Ями занимается юнитом.

— Передай им — руки в ноги и марш в лагерь. О боже, эта жара меня доконает, — дверь захлопнулась за директором.

Джузеппе очень хорошо понимал Ренье — из тени окунуться в влажный, густой воздух, шагнуть под палящее солнце…

— Спасибо, Джузи, — подмигнул японец. — За мной сашими, как обычно.

— Дел на пять минут. Иди уже, секретный агент, — отмахнулся Джузеппе. — Я все про тебя знаю, рядовой сотрудник проекта. А суши я не люблю — у меня от ваших деревяшек пальцы сводит.

— Надеюсь, не все знаешь, — серьезно ответил Ямагучи. — А что до суши — все дело в практике. Надо каждый день

тренироваться.

— Есть по одному рисовому зерну?

— Это секретная техника ниндзя! — поразился Ямагучи. — Откуда ты ее знаешь?

— Ладно, иди уже! — Джузеппе подъехал на стуле к столу, взял рацию. — Смотри, не угоди под лапу юниту, а то из тебя роллы катать будем.

Ямагучи пробурчал что-то невнятное и скрылся за дверью. Джузеппе включил рацию. Сквозь эфирные шумы — где-то далеко проходила гроза, пробивались обрывки радиопереговоров. Джузеппе не слишком хорошо знал лингала,[7] но, похоже, это был передатчик базовой станции рейнджеров Румангабо. Говорили, кажется, с центром изучения горилл в Букумо. Да уж, дела у рейнджеров хуже некуда — они как раз между Гомой и Рутшуру. Между молотом и наковальней. С севера правительственные войска, с юга — кофовцы.

— Итури вызывает Румангабо. Прием.

— Итури, это Румангабо, Кто на связи? — пробилось в динамике.

— Это Джузеппе Ланче. Как у вас дела?

— Джузеппе? Это Морис, — обрадовались на том конце. — Морис Кулумби. Пакуем вещички. Начальство в панике, что делать — непонятно. Что у вас происходит?

— Пока тихо. Кофовцы уже в Бени, вы в курсе?

Динамик неприятно громко щелкнул, Морис выдал длинную замысловатую фразу. Джузеппе уловил что-то о собаках, женщинах, которые совершали с этими собаками что-то очень непристойное, и детях этих женщин.

— Морис? Прием?

— Джузеппе, секунду… — выдавил Морис. — Ты уверен?

— Да, Ямагучи перехватил переговоры кофовцев. Сегодня они взяли Бени. Скорее всего, пойдут на Рутшуру.

— Твою мать! Джузеппе, я должен срочно сообщить. Сматывайтесь оттуда. Отбой!

Морис отключился. Джузеппе откинулся в кресле, поглядел на лениво крутящий лопасти вентилятор.

«Лори, девочка, как ты там?».

Он вздохнул и включил рацию.

— Итури вызывает Бродягу.

«Моя мелодия — это лес? Так ты говорила?»

— Антонио, прием.

— Это Бродяга, слышу вас, Итури.

— Антонио, привет. Как вы там? — Джузеппе приник к рации.

— Нормально. Устали как черти. Это ты там

прохлаждаешься, — голос у Антонио был и, правда, усталый, но довольный. Да уж, вечер, жара уже спала, после грозы ветер вымел всех насекомых. Ребята кофе наверное пьют. Только вот…

— Антонио, бросай все к лесным чертям, и бегом в лабораторию. Кофовцы начали наступление с севера!

— Серьезно?

— Не то слово! Валите оттуда.

— Понял. Выходим немедленно. Конец связи.

Джузеппе отложил рацию и достал коммуникатор. Внизу экрана сиротливо зеленел маленький росток. «Конго Телеком» сервисом и качеством связи не баловала.

— Бедолага, — вздохнул биолог. — Что делать, скажи спасибо, что хоть такая сеть есть.

— Лори, — позвал он.

На экране высветилась фотография — он сделал ее в Боготе, в том самом баре. Собственно, это и стало поводом для знакомства.

— Привет, Джузи, — бодро отозвалась Лаура. — Как ты, милый?

— Привет. Норма, — у Джузеппе немного отлегло на сердце. — Ты как? Скоро вылетаете?

— Да, через час. Тут такая суматоха, все на ушах стоят, — засмеялась Лаура. — Эти повстанцы — серьезные ребята. Я тут познакомилась с русской семьей, отец миссионер, жена у него — matushka и такая очаровательная дочка. Звали меня в Россию есть равиоли по-сибирски, представляешь? Ну ладно, кажется, начали садиться в самолет. Прилечу в Киншасу, позвоню. Целую, чао!

— Лори, постой!

«Конец сеанса связи» — высветил коммуникатор.

— Вижу, — Джузеппе встал, прошелся по офису. Ему отчего-то было тревожно.

Слишком бодрый у нее был голос.

«Она же профессионал».

Биолог взял рацию.

«Вот именно. И поэтому легко может влезть в какую-нибудь историю».

— Полевая лаборатория «Итури» вызывает Рутшуру. Прием. Полевая лаборатория «Итури»…

— «Итури», не забивайте канал! — сурово прохрипела рация.

— Говорит биолог Джузеппе Ланче, кто на связи?

— Сержант Рене Монтане.

— Сержант, борт на Киншасу уже отбыл? Это важно. На нем должна улететь моя девушка.

— Секунду… — голос смягчился. — Еще не отбыл, отправка

вечером. Отбой.

— Оставайтесь на линии! — завопил Джузеппе. — Мне нужны данные по гражданскому лицу — Лаура ди Франши, итальянка, возраст 22 года! Она прибыла к вам позавчера.

— Я вам что — Гугл? — возмутились на том конце. — У нас полтысячи гражданских, и военное положение. Вы вообще в курсе, что происходит?

— Свяжите меня с командиром, у меня есть данные по перемещению боевиков КОФ в районе Бени!

— Ненормальный, — с каким-то восхищением пробормотала рация. — Ждите.

Джузеппе схватил коммуникатор и тут же швырнул его обратно на стол — чахлая зелень индикатора сменилась черным зерном. «Нет сигнала сети».

Принтер скрипнул и выдал новую порцию новостей. Джузеппе пробежал глазами последние строчки:

…12:23 Бени. Взорвана станция сотовой связи.

…12:30 Бени. Сбит вертолет миротворческих сил.

…12:40 Бени. Ожесточенный бой в районе католического пансионата в северном пригороде. С вероятностью 87 % в огневое соприкосновение вступило подразделение бельгийского спецназа и боевики КОФ.

Джузеппе опустился на стул, тупо глядя на распечатку.

— Это майор Франсуа Бойер, слушаю вас, — ожила рация.

— Привет, Бойер, — устало ответил Ланче. — Это Джузеппе, биолог с «Итури». У меня плохие новости. Кофовцы уже в Бени, твоих ребят отжимают в джунгли, вертушку сбили. Сколько детей в пансионате?

— Двадцать, — выдавил после паузы майор. — И десять учителей. Откуда…

— С горы Фудзияма ветром принесло, — огрызнулся Джузеппе. — Итальянка, Лаура ди Франше, Дивизион спецопераций. Где она?

— Джузеппе, старина, все будет в порядке, — ровным голосом ответил Бойер. — Спасибо за информацию…

— С прессой так разговаривай! — заорал Ланче. — Я тебя от «черной трясучки» лечил, антибиотиками для горилл! Дай мне их канал.

— Не могу, — вздохнули на том конце. — У них скриптованный спутниковый канал.

— А резервный радио?

— Не могу, Джузи. Не имею права.

— Франсуа, — Джузеппе был готов заплакать. — Я ближе, чем вы. Ямагучи такую машинку наладил, все переговоры

подразделений КОФ в этом районе — как на ладони. Я могу помочь, Франсуа. Дорога на север еще не закрыта, они могут прорваться к Апараванте. Франсуа!

Рация молчала.

— Хорошо, — щелкнул динамик, когда Джузеппе уже похоронил все надежды. — Скотина ты, Джузи. Меня ждет трибунал, а ты отделаешься просто тюрьмой. Канал 43–56. Позывной «Ястреб». Капитан Герт Дикстра. И больше не шуми в эфире. Кофовцы не идиоты. Удачи.

— Спасибо, Франсуа, — Джузеппе отключился и торопливо перестроил рацию.

— «Итури» вызывает «Ястреба». Прием. «Ястреб», это «Итури». Ответьте!

«Лори — la ragazza stupida![8]».

— «Итури», это капитан Герт Дикстра. Вы используете военный канал, назовитесь, — прорезалось в динамике.

— Говорит биолог Джузеппе Ланче, полевая лаборатория «Итури», — Джузеппе приник к микрофону. — Я могу вас вывести, парни. Бойер дал добро.

— У нас тридцать гражданских, «Итури». Нужен транспорт и огневая поддержка. Прием.

Похоже, капитану Дикстре приходится туго, понял Джузеппе. Он готов ухватиться за любую возможность.

— Отходите на север, к Апараванте. Свяжитесь с Бойером, он уже должен был поднять «вертушки». Поддержку обеспечу.

— «Итури», вы там рехнулись? — заорала рация. — У нас двадцать детей. Мы не доберемся до Апараванты. Запрашиваем срочную эвакуацию!

— «Ястреб», дорога на север свободна. Выбирайтесь из города, я прикрою, — Джузеппе понятия не имел, как сможет прикрыть отход такой толпы.

«Нет ничего мерзостней войны. Но другого шанса нет. Там Лори. И дети. Господи, опять дети. Так же, как на Яве…»

— «Итури», не занимайте канал, нам нужна связь с базой! — капитан Дикстра решил больше не тратить время на сумасшедшего гражданского.

— «Ястреб», Лаура ди Франше, — заторопился Джузеппе. — Она у вас в отряде. Дайте пять секунд.

— «Итури», отбой.

Рация замолкла.

Несколько мгновений биолог глядел в пространство, потом рванулся к выходу.

…Дверь ангара с грохотом распахнулась.

— Джузи, что творишь? — возмутился Ямагучи. — Стой, ты

что?

— Лаура в Бени, — бросил Джузеппе, запрыгивая в ложемент и прилепляя сенсорные ленты к вискам и основанию шеи. — Вместе со спецназом, они эвакуировали католическую школу для беженцев-хуту. Где юнит?

— Идет полным ходом сюда, — заморгал Ямагучи. — Сейчас в районе Поруо. Ты что делаешь?

— Максимальная скорость юнита — сто километров в час. Через полчаса он будет в Бени. — Джузеппе приподнялся. — Ями — двадцать детей. Десять учителей. И Лори.

— Лучше я, — Ямагучи колебался меньше секунды. — У тебя мало опыта.

— Мне нужны все переговоры в этом районе. Подстрахуешь вторым номером.

— Джузеппе окунул руки в интерфейсное облако и запустил «аватара». — Время, Ями!

— Бени за пределами парка! — Ямагучи метнулся к лэптопу, и голографический ореол окутал его.

«Полноразмерная управляющая матрица», — отстраненно заметил Джузеппе. Людей, умеющих работать в таком режиме, в мире по пальцам можно пересчитать. Эх, Ями, хитрец японский, проработать бок о бок три года и ничего о тебе не знать.

— Придумай что-нибудь, — Ланче стиснул зубами полимерную капу управляющей панели и промычал: — Контакт!

Раскаленная игла прошила позвоночник, тело выгнулось дугой, заколотилось в ложементе, но Джузеппе уже ничего не чувствовал — он оглох, ослеп, онемел.

Чернота и беспроглядная, беспощадная, абсолютная тишина.

Сенсорный стресс.

…Опытные образцы нейроинтерфейса появились всего за три года до начала работы над FOU. Кажется, первая статейка в «Обсервер сайнс» об опытном образце попалась Джузеппе в 2068-м. Он всегда интересовался другими дисциплинами, справедливо полагая, что великие открытия совершаются на стыках наук.

В этой области нейропсихология и кибернетика двигались вместе, но шли наощупь. Считывать биоэлектрические импульсы научились давно — половина всех виртуальных интерфейсов была построена на этой модели. Киборгизация организма в медицинских или военных целях тоже была освоена.

Но напрямую связать человеческий мозг и электронную систему еще не удавалось никому.

Поэтому Джузеппе с большим сомнением отнесся к предложению Ямагучи Иосикава оснастить юнита опытным образцом нейроинтерфейса — ведь проект FOU был уже в

завершающей стадии.

Ни один инвестор не согласится вносить такие серьезные изменения, когда проект выходит на финальную стадию. Но, очевидно, у Ями нашлись очень веские аргументы для руководства фонда. Финансирование увеличили, а сроки сдвинули.

…Тихо.

«Ямагучи, ты с самого начала знал, что интерфейс установят»

…и только стук моего сердца.

«Все неважно. Лори!»

…и в темноте возможен вздох.

Задействован удаленный режим. Управление передано оператору.

Сначала появился звук: шорохи, стуки, птицы, птицы — как много их голосов наполняет тьму, вода струится по жилам растений, поднимаясь из бедной красной земли, капли собираются из тумана на широких восковых листьях, скользят, с шорохом падают и почва впитывает их. Жужжание и звон насекомых звучат в темноте, а пределы слуха расширяются все больше и во тьме начинают пульсировать вибрации, которых Джузеппе никогда прежде не слышал…

«Лори — так ты чувствуешь всю жизнь»

…не отвлекайся, Джузи, сужаю диапазон, — прорвался голос Ямагучи. — включаю «game режим».

Звуковая палитра побледнела, сжалась до обычного человеческого восприятия. И сразу вернулось зрение — стремительно надвинулась плотная стена зелени, переплетенные ветви ударили в лицо, разлетелись в глазах изумрудным веером.

Джузеппе инстинктивно попытался отшатнуться и юнит замедлился, повторив движение.

— Джузи, основные функции выполняет автоматика, четко формулируй задачу, он все выполнит, — сказал Ямагучи. — Не сбивай машину с толку, времени мало.

«Карта» — сформулировал Джузеппе, и в области левого века развернулась схема национального парка. Желтая точка, отображающая перемещения юнита, медленно ползла на юг.

«Бени. Приблизить. Приблизить» — Джузеппе не знал точного

механизма работы нейроинтерфейса. Ямагучи как-то пытался ему объяснить, но в его медицинско-кибернетическом жаргоне биолог улавливал только союзы и междометия.

Понял только, что в облегченном «game режиме» система перехватывает биоэлектрические импульсы нервной системы к мышцам, при этом сигналы мелкой моторики отслеживаются отдельно — по сути Джузеппе работал с картой привычной 3D-мышью, но при этом не шевеля и пальцем.

Про более сложные режимы управления Ланче расспрашивать не рискнул, услышав словосочетания вроде «эмуляция матрицы сознания», «проблема двойственности человеческого самосознания» или «неконтролируемые сенсорные дисфункции». Здесь к нейропсихологии и кибернетике уже явно примешивалась психология.

Джузеппе пролистал карту города, уже не задумываясь, как он это делает, и выделил здание школы.

«Определить конечную точку маршрута».

Зеленая ломаная линия протянулась к городу. Джузеппе повертел ее в объеме, изменяя ключевые точки, и линия тут же менялась, то ныряя вниз, то огибая холмы и поднимаясь по отрогам — программа учитывала все изменения рельефа. Однако половина пути отобразилась пунктиром.

Сбой. Пункт назначения вне границ разрешенной зоны.

— Ями! — промычал он…

Загрузка голосового профиля — Джузеппе Ланче.

…и оцифрованный голос толкнулся в динамики.

— Слишком глубоко прошил запрет. Так быстро снять не получается. Но ты не волнуйся. Все сделаю.

— Быстрее! — до границы парка оставалось минут пятнадцать. «Быстрее»

Расход энергии не оптимален.

— Плевать! — захрипели динамики.

«Приоритет один».

Скорость увеличена на 20 %.

Глава четвертая

— Bastards![9] — капитан Герт Дикстра пригнулся, и по стене прошлась автоматная очередь, выбивая облачка штукатурки и кирпичной пыли.

«Все-таки хорошо строили монахи, — машинально отметил он, снимая шлем. — В обычной хибаре из фанеры и железа нас бы уже изрешетили».

Чтобы не жечь энергию костюма, он отключил систему кондиционирования, и в шлеме было невыносимо жарко. — Рыжик, что со связью?

Связист Антуан Фабре смущенно пожал плечами:

— База пока молчит. Кажется, глушат, капитан.

— Ты бредишь, Рыжик. Откуда у этих голодранцев «глушилка»? — Герт перебрался к центру комнаты, где в потертом кресле, нога на ногу, вольготно устроилась разведка. — Жерар, что «шмели» показывают?

Разведчик молча протянул гибкий лист дисплея, куда проецировались данные наблюдения четырех беспилотных аппаратов.

— Плохо, — капитан пробежал глазами все квадраты. — Мы почти в кольце.

— Капитан, может быть все-таки на север? — робко предположил Антуан. — Ведь этот биолог говорил…

— Рыжик, мне нужна связь с базой, а не твои размышления! — рявкнул Герт. — Хоть в тамтамы бей, но дай канал.

Антуан кивнул и припал к рации.

Герт забарабанил пальцами по прикладу своей F3000.

Все пошло наперекосяк с самого начала — на подлете к Бени их обстреляли. Хвала Аллаху, это были древние «Стингеры», а не русская «Молния» — ее тепловыми ловушками не обманешь.

Если бы речь шла не о детях, Дикстра прекратил бы операцию — ясно, что разведка села в лужу, и Бени уже в руках кофовцев. Но двадцать детей хуту… капитан слишком хорошо представлял, что с ними сделают тутси. Он был в Уганде десять лет назад, когда тутси решили взять реванш за бойню 1993-го года.

Капитан прошел в соседнюю комнату. Кажется, это была большая игровая: стены разрисованы цветами, бабочками, животными, под ногами перекатываются разноцветные пластмассовые кубики, у входа сиротливо раскинула руки забытая кукла с белокурыми волосами. У окон, припав к прицелам винтовок, засели Рене и Морис. Герт подобрал куклу и

взглянул в бессмысленные пластиковые глаза.

…Они начали высадку прямо во дворе пансиона, но оказалось, что у кофовцев есть кое-что получше «стингеров».

Черный остов грузового «Моби Дика» все еще чадил, заволакивая двор густым дымом. У забора школы, в дымной пелене мелькали расплывчатые фигуры.

В углу комнаты, возле дыры в стене от двух выпавших кирпичей, стоял Шарль Андре. Заметить его было трудно — электрохромный камуфляж комбинезона расцветился пятнами розовых и красных цветов на белом фоне, имитируя рисунок на обоях.

От приклада его массивной «феи» шел провод, сливался с тонким шнуром от гладкой панели эхо-оптического комплекса, установленной на шлем, и уходил в основание черепа. От жары снайпер явно не страдал.

«Киб, что с него взять? — подумал Герт. — Впрочем, без него нам было бы туго»

Периодически Шарль чуть сдвигал ствол «феи» в узкой бойнице и, казалось, вслепую посылал 15-ти миллиметровую пулю в клубящееся дымное марево. Судя по яростному ответному огню, он не промахивался.

Снайпер работал размеренно, как на конвейере, и от этой скупой методичной веяло чем-то нечеловеческим.

Герт недолюбливал «кибов». Но в их нынешнем положении Шарль был одним из самых ценных членов отряда.

Капитан открыл дверь кладовой и начал спускаться в подвал.

При высадке Герт Дикстра потерял двух пилотов и четверых членов отряда, включая связиста вместе со станцией спутниковой связи. Осталась внутренняя система связи и резервная радиостанция, с которой нормально умел работать только Рыжик — он закончил месячные курсы по обращению с этим старьем.

…Двадцать детей от четырех до десяти лет. Десять учителей и воспитателей. Десять (уже всего десять!) бойцов и еще эта суматошная девица из итальянской полиции. Цирк-шапито, а не спасательная операция. Но без сапера нельзя было отправляться, а Поль три дня назад ухитрился поймать амебную дизентерию. А тут появилась эта девушка. По мнению Герта, она могла быть кем угодно, только не сапером. Однако, пролистав послужной список Лауры ди Франше, Дикстра мнение изменил.

Глава спецдивизиона генерал Франчелли дал добро на участие своего специалиста. И пообещал оторвать все, что можно оторвать — и Дикстре, и старине Бойеру, если с драгоценной Лаурой что-то случится.

Тогда Герту показалось, что от пузатого, едва влезающего в

экран генерала мало что зависело. Мадмуазель ди Франше производила впечатление человека, который движется по жизни по своей собственной траектории.

Ему герои в отряде не нужны. А сапер нужен. Увидев однажды, как итальянка с закрытыми глазами лупит из своей беретты по движущимся целям, в квалификации мадмуазель Лауры Герт не сомневался.

Но все-таки, придется вытаскивать и ее.

Лестница кончилась, и Дикстра обнаружил, что бессмысленно переминается перед дверью, ведущей в подвал.

Он вздохнул и, широко улыбаясь, распахнул дверь.

Маленький черный вихрь с косичками едва не сбил его с ног, и умчался в глубину подвала, звонко шлепая сандалиями по бетонному полу.

— Жаннааа! — возмутился второй такой же вихрь, и промчался следом.

Следом прошествовал мальчик, увлеченно беседуя с диснеевским львом, скачущим по портфелю.

— I'm the lion![10] — гордо провозгласила анимация.

— Велайон, — повторил ребенок и стукнулся о колено капитана. Не поднимая головы, он обогнул препятствие и двинулся дальше.

— I live in savanna…[11]

Герт огляделся. Жизнь в подвале кипела: дети помладше собрались у воспитателей, и из их круга доносились взрывы смеха, рядом в углу еще один малыш воевал с самосборными кубиками — программа раз за разом начинала строить башню, но у ребенка, похоже, было свое архитектурное видение будущего замка. Он упрямо выдергивал пирамидку из основания, из-за чего вся конструкция рушилась и с муравьиным упорством сползалась снова. Исход битвы был неясен, но сам процесс Дикстру заворожил.

Дети постарше сортировали припасы на полках — особого смысла в этом не было, но нельзя было отказать монахиням в умении занять своих подопечных.

Да, им чертовски повезло, что в здании есть большой подвал — здесь, между банок крупы, упаковок муки, запасов ямса и маниоки, было достаточно места для целой школы.

— Капитан? — до рукава дотронулась сухонькая старушка.

— Директор Боламбе? — Герт протянул куклу.

— Merci bien,[12] капитан — обрадовалась директор пансионата. — Маленькая Лулу совсем ее обыскалась. Скажите, месье Дикстра, вертолет скоро прибудет?

— Скоро, мадам — быстро ответил Герт. — Небольшие

проблемы, но он уже вылетел. Скоро мы все будем в Рутшуру.

— Капитан, — Эллис Боламбе укоризненно покачала головой. — Вы совсем не умеете врать.

— Мадам… — капитан понял, что краснеет.

— Скажите, — директор пробежала по его лицу цепким взглядом, — неужели шансов нет?

— Что вы, мадам Боламбе, — капитану вдруг стало невыносимо душно. — С детьми все будет в порядке, я вам обещаю.

— Да, — пробормотала директор. — Главное — спасти детей, вы правы, капитан.

— Я не это хотел сказать… — Дикстра проклял свой язык, и в этот момент свет в подвале погас.

Дети, на мгновение притихли, но затем кто-то захныкал и через мгновение весь подвал заревел хором.

— Дайте фонарь, быстрее же — маленькая ладонь решительно дернула Дикстру за рукав, и он отстегнул светодиодник от пояса.

— Ну что вы разревелись? — Боламбе повела фонарем, и рассеянный конус синего света выхватил десятки заплаканных глаз. — Всего лишь свет погас. Мокеле, не плачь, это мы специально его погасили, чтобы нас было труднее найти.

— Развлеките их, — шепнула она Дикстре. — А я пока включу автономное питание.

— Я? — капитан совершенно растерялся. Он знал, как справиться с боевым киборгом голыми руками и выжить в Сахаре с одним носовым платком, но вот как общаться с детьми?

— Я скоро вернусь, а с вами побудет капитан Дикстра, — кулачок Эллис ощутимо двинул капитана в поясницу и датчик медсистемы комбинезона обиженно пискнул.

— А…да, — Герт и не заметил, как уже сидел на полу в окружении детей.

— Капитан, а вы много врагов убили? — сурово спросил четырехлетний малыш, сидевший на коленях воспитательницы.

— Я? — Дикстра замялся.

— Мокеле, что ты такое говоришь? — возмутилась воспитательница. — Разве ты не знаешь, что Иисус нам заповедал любить своих врагов?

— А они разве нас любят? — ни с того ни с сего завернул Мокеле.

— Хороший вопрос, — вздохнула директор. — Ну, в общем, разберетесь. Я пошла.

Синий конус света удалялся, оставляя их в полной темноте.

Мокеле завозился на коленях и Герт почувствовал, как

нарастает напряжение в подвале.

«Вот же я дурак!» — он торопливо извлек коммуникатор и запустил одну из голографических заставок — «дискотеку», по умолчанию зашитую в аппарат.

Блестящий шар всплыл над экраном и закружился, переливаясь всеми цветами радуги.

Герту показалось, что весь подвал разом вздохнул и подался к нему.

— Ну, что вам рассказать? — капитан положил коммуникатор на пол и максимально увеличил высоту заставки — так, чтобы «дискотека» кружилась над курчавыми детскими головами.

Глава пятая

Юнит, нет, это он сам перемахнул через поваленный ствол великана-арере, густо опутанный лианами и застыл на лесной поляне. Склон горы уходил вниз. Вдали, над сплошным покровом вечнозеленых джунглей плыли низкие черно-серые тучи.

Город Бени, 50 тысяч жителей, предприятия по переработке кофе и масличной пальмы, годовой бюджет…

Город горел.

Достигнута граница парка. Дальнейшее движение невозможно.

— Ями?

— Я работаю! — рявкнул техник. — Жди.

«Ждать?» — биолог примерился к ближайшей лиане, с человеческую руку толщиной, и одним ударом перерубил ее.

«Радиосвязь» — скомандовал Джузеппе.

Введите канал.

«43–56».

Запрос.

— Итури вызывает «Ястреба», прием! — мысль его, оцифрованная, озвученная и переведенная в радиоволну, рванулась в эфир.

— …угодил прямо в стаю гиен!

— Они вас не съели?! — ахнул Мокеле. — Вы же пистолета потеряли.

— Ну… — задумался капитан, прикидывая, как бы выкрутиться.

Вспыхнул свет.

— Дети, скажите спасибо капитану, — провозгласила директор, появляясь из-за стеллажей с продуктами. — И попрощайтесь с ним.

— Ну пожалуйста, еще чуть-чуть! — хором закричали воспитанники. — Что там дальше было…

— Нет, у него сейчас дела, — пресекла все протесты мадам Боламбе. — А я вот что нашла.

Жестом фокусника она извлекла из-за спины большую прозрачную банку, и дети радостно завопили. Капитан пригляделся. Варенье. Вишневое! Его любимое!

— Жанет, найди ложки, — директор отдала банку воспитательнице.

— Спасибо, — директор протянула Герту фонарик. — В мирное время у нас тоже частенько отключали свет, так что ничего страшного. Солнечные батареи на крыше еще работают, а в самом крайнем случае аккумуляторов хватит на сутки.

— Так долго мы здесь не задержимся, — Герт выключил коммуникатор и поднялся, — очень скоро мы вас эвакуируем.

— Здание жалко, — рассеяно сказала мадам Боламбе. — Столько труда вложено, а эти несчастные его уничтожат. Все придется начинать заново.

Она слабо улыбнулась.

— Ступайте с Богом, капитан. Я помолюсь о вас и ваших солдатах.

— Я мусульманин, — Дикстра привесил светодиодник к поясу.

— Ничего. Думаю, Аллах не обидится, — Эллис Боламбе решительно перекрестила его. — Идите и спасите нас, Герт Дикстра.

Он помедлил секунду, но не нашелся, что ответить и, распахнув дверь, вышел.

— …база, вызывает «Ястреб», база, вызывает «Ястреб» — монотонно бубнил в углу Антуан и вдруг воскликнул. — Капитан! Этот биолог, он снова…

— База не отвечает? — Герту совершенно не хотелось разговаривать с каким-то свихнувшимся гражданским.

— Нет.

— Продолжайте вызывать, — распорядился Дикстра.

— А как же…?

— База, Антуан, база, — раздельно повторил Герт. — Майор Франсуа Бойер.

— Приказ понял, — вздохнул связист. — База, вызывает «Ястреб».

— Жерар? — капитан склонился над дисплеем.

— Отступили, перегруппировываются, — сообщил разведчик. — Шарль их потрепал, в лоб больше не полезут. В воздухе пара их беспилотников болтается, но далеко.

— Стоп, что это? — Герт указал на верхний правый квадрат. На экране подрагивала картинка, которую транслировал «шмель», барражирующий на стометровой высоте.

— Это ведь дорога вдоль заднего двора, восточная сторона? — Герт прищурился. — Дай приближение.

Жерар покрутил трекбол пульта:

— Максимум. Для большего надо снижаться.

— Достаточно, — Дикстра выпрямился. — Это ведь «багги», Жерар?

— Гидроприводные, — подтвердил разведчик. — Пять машин. Три пулеметные турели, два легких миномета, все дела.

— И они отрезают нас от леса, — с холодной яростью сказал Герт.

— Минометы уже на позиции, — заметил разведчик. — А Винс их не видит, ему сарай обзор перекрывает. Хреново.

Герт задумался. Винсент с двумя бойцами занимал позицию в восточном крыле здания. В одиночку они с «багги» не справятся. Направлять для усиления еще бойцов, значит оголить остальной периметр.

— Проведи «шмеля» вдоль крыши школы, найди точку для Шарля, — решил Герт. — Главное — убрать минометы. Где эта чертова итальянка?

— Капитан, вы бы шлем надели, — укоризненно сказал Жерара. — Увидели бы, что она с нашим медиком у центрального входа. Двери минируют.

«Думай, Дикстра, думай» — капитан надел шлем, чувствуя, как пропотевшая ткань облегает волосы. Опустил жесткую нитку микрофона.

Встроенный дисплей засветился, выдавая трехмерную россыпь зеленых точек — расположение бойцов. Возле каждой мерцал индикатор самочувствия и позывной.

«Мы бы ушли в «зеленку» без проблем, но с гражданскими…»

Пальцы капитана заплясали на сенсорной панели, встроенной в ткань комбинезона в предплечье левой руки.

— Рене, пулей в гараж, проверь школьный автобус — на ходу или нет. Морис — оставайся на позиции. Антуан?

— Все глухо, капитан, — с отчаянием отозвался связист. — Не могу понять, в чем дело.

— Вызывай «Итури».

— «Итури»?

— Да, этого энтомолога или кто он там.

Герт свернул картинку, просветлил дисплей.

— Шарль, — окликнул он снайпера. Закрыв глаза, тот неподвижно сидел на корточках у стены.

— Кажется, у них хакер есть, — задумчиво сказал снайпер, не открывая глаз. — Или «киб». Сейчас пытался ко мне пролезть. Но я ему контакты прижег.

— Кто-нибудь сегодня мне скажет хорошие новости? — раздраженно поинтересовался Дикстра.

Шарль неопределенно пожал плечами.

— Ты все слышал? Наши угандийские гости подкатили минометы. Я не люблю минометы, у меня от них икота. Мое здоровье в твоих руках.

Снайпер поднялся, комбинезон замерцал, подстраиваясь под изменение фона. Лицевая панель плавно поднялась.

— Зараза, вот всегда так, — пожаловался Шарль, устало моргая светло-голубыми глазами. Дикстра отвел взгляд от его

расширенных зрачков — даже для армейского «киба» два «боевых коктейля» подряд было слишком.

— Жерар, где цель?

— Гляди, терминатор, — разведчик ткнул в лист дисплея, — Вот они, гады, расчехляются.

— Вид с крыши? И как я туда заберусь? — скептически поинтересовался снайпер.

— Ножками, Шарли, по лесенке, — ласково пояснил Жерар. — «Шмель» сейчас у слухового окна, выходящего на задний двор.

— Примерно полтора километра, — Шарль с сомнением взглянул на картинку. — Для «феи» почти предел. И ветер северо-восточный.

— Винс тебе поможет. Иначе нам хана, мой железный друг. Они крышу размолотят в два счета.

— Тебе не говорили, что дискриминация киборгов уголовно наказуема?

— Именно поэтому я в Африке, — объяснил разведчик. — Где еще в наше время можно вдохнуть воздух свободы?

— Трепло, — беззлобно отозвался Шарль. — Подключили меня к каналу «шмеля».

Капитан сел возле стены, развернул фантик и закинул в рот леденец — слабость командира к сладкому знали все, но никому и в голову не пришло бы над этим шутить. Каждый по-своему проживал бой. Жерар, к примеру, становился неумеренно болтлив, Рене с маниакальным упорством рисовал вереницы пляшущих человечков на чем только можно, Шарль…пожалуй, только за снайпером никаких чудачеств не водилось. Если не считать контактов, разъемов, нейтротрансмиттеров и прочего кибернетического железа в его организме.

— Веселитесь, мальчики? — в комнату впорхнула итальянка, отряхивая на ходу рукав камуфляжной куртки. Для нее подобрать спецкомбинезон по фигуре не смогли.

Следом ввалился улыбающийся медик Дидье.

— Не то слово, — хмуро ответил капитан, поднимаясь. — Скоро будет совсем весело. Минометы. На западной стороне…

— Что вы, я верю, — отмахнулась Лаура, беззаботно встряхнув кудряшками.

— Я с минометами дел не имела, но понимаю, что это плохо, — мадмуазель ди Франше улыбнулась. — Правда, Диди?

— Гкхм, — содержательно ответил сержант-медик Дидье по прозвищу Аптечка.

— Кэп… — воскликнул Жерар, и янтарные глаза Лауры похолодели.

— Воздух! — последний раз на Герта так орали в тренировочном лагере. Он рухнул на пол. Аптечка, распластавшись как краб, поднял голову, желая что-то сказать, но хрупкая женская рука вдавила его лицом в пол.

А через мгновение крышу над ними снесло взрывом.

Глава шестая

— Джузи, зачем ты отжимаешься? — укоризненно спросил Ямагучи.

— Осваиваю аппарат, — пробурчал Джузеппе, — Двести пятьдесят четыре. Капитан Дикстра на связь не выходит, сойти с места я не могу. Ями, я сейчас с ума сойду! Я управляю чудом научной мысли, и не могу ничего сделать.

— Не нервничай. Лучше поговори с Бойером, он на линии. Кажется, у них проблемы.

— Хьюстон, у нас проблемы, — пробормотал Джузеппе, усаживая юнит. — Это у Лори проблемы, а я торчу в двадцати километрах от нее.

С каждой секундой он осваивался с юнитом все больше и уже не чувствовал никакого зазора между своим телом и кибернетической куклой за полмиллиарда евро.

Наверное, в ангаре, со стороны это выглядело жутковато — человек лежит в ложементе, обмотан сенсорными лентами с ног до головы, на голове — панель визуализатора, пальцы, обтянутые контактными датчиками, чуть подрагивают, а его голос звучит из динамиков компьютера.

— Через пять минут все будет готово, — откликнулся Ямагучи. — Бойер ждет. Там какие-то помехи на линии, времени фильтровать нет.

— Переводи, — биолог поднял голову. Над ним качнулись узорчатые листья пальмы.

— Джузеппе, это Франсуа, прием, — Ланче глядел со дна зеленого лесного колодца. Высоко над головой мерцал синий проем неба, и было чувство, что все это он видит собственными глазами. «Какая же невероятная степень синхронизации» — еще раз поразился Джузеппе.

— Джузеппе? — недоверчиво спросил Бойер. Бестелесный голос майора звучал в районе затылка.

«Наверное, голосовой профиль синтезируется недостоверно» — мельком отметил биолог.

— Он самый, Франсуа. Ты решил довериться открытому каналу?

— Уже неважно, — напряженно ответил майор. — Десять минут назад кофовцы высадили десант в аэропорте Рутшуру.

Ямагучи воскликнул что-то по—японски.

— Вы… вы успели поднять вертолеты? — спокойно спросил Джузеппе. Эмоции голосовая программа не передавала.

— Сели четыре грузовых борта с ооновскими позывными,

один за другим, — убито продолжал Бойер. — Охрана даже не поняла, что происходит.

— Что с вертушками?!

— Те, что остались, …в районе аэродрома …некого посылать… — нарастали помехи. — ВВС Конго …не будут. Нсото начал наступление со стороны Гомы. Кифва…скотина, уже пакует чемоданы…Джузи.

— Дикстра знает?

— Не можем…спутник не…радиопомехи — голос майора пропадал все больше, — …разведка…китайцы.

— Бойер?! — в динамиках громыхнуло, и руки Ямагучи вздрогнули в мареве интерфейса.

— Сделай что можешь, Джузи, — неожиданно четко сказал майор. — Удачи.

Сигнал потерян.

— Ями? — Джузеппе почувствовал, как в груди рождается кипящая волна — та самая волна силы из детства.

— Можно, — коротко ответил техник, и юнит рванулся в джунгли, взрывая дерн и ломая деревья.

— Капитан! Капитан! — Дикстра открыл глаза и увидел белого, как мел бойца.

По его щеке медленно ползла струйка крови.

«Красное на белом, — заторможенно подумал Герт. — Похоже на швейцарский флаг».

— Аллах всемилостивый! — он рывком сел, стряхивая щепу и куски штукатурки. — Нас накрыло!

— Почти, — Дидье шмыгнул носом. — Соседнюю комнату разнесло.

Герт поднялся, опираясь о стену. Его шатало, в ушах настырно пищал сигнал медицинского датчика.

Капитан сплюнул кровавую слюну. Поднял глаза, утирая губы, и замер — в дверном проеме виднелись припорошенные пылью подошвы армейских ботинок.

— Кого?! — Герт шагнул вперед.

— Морис. Погодите, кэп, — медик-сержант остановил его, деловито посветил фонариком в глаза. — У вас сотрясение.

— К черту, — вяло пробормотал Герт. — Морис.

Он двинулся к двери.

— Да жив он! — с трудом задержал его Аптечка. — Сильная контузия. Пусть полежит. Да и вам посидеть надо.

— Некогда, — Герт обвел взглядом комнату. Итальянка сидела на полу, вынимая куски штукатурки из пышных волос, Жерар сгибал и разгибал лист дисплея. В углу, баюкая рацию у груди, замер Антуан.

— Капитан, — щелкнуло в наушниках, — Капитан, вы как?

— Терпимо, Винс, — Герт указал Дидье на рассеченную щеку, и пошел к двери.

— Как обстановка?

— Тут три «багги» с пулеметами мотаются, пока не сняли. Один из минометов Шарль потушил, другой смылся.

— Хорошо, — Герт оперся на дверной косяк. Морис лежал, запрокинув голову. — Ты как?

Боец вяло помахал рукой.

— Как Астерикс в Египте, — бодро отрапортовал Винсент.

— С тобой мне все ясно, шутник. Не расслабляйтесь.

Дикстра взял автомат Мориса и присел на корточки возле Жерара.

— Дисплей сломали, — разведчик уныло повертел рассеченный почти пополам лист. По краям разрыва бугрилась запекшая черная корка коллоидной пасты. В уцелевших зонах картинка дрожала и плыла. — Уроды.

— Новый выпишешь, — утешил его Герт. — Картинку выводи на шлемы. Шарль разобрался с минометом.

— Да, влепил пулю прямо в бензобак, — оживился Жерар. — Второй отошел примерно на километр. Теперь Шарли его не достать.

Он указал на усеченный правый квадрат, в котором плавали размытые цветные пятна. Что-либо распознать в них можно было лишь при наличии большой фантазии Жерара.

Снаружи донесся глухой взрыв.

— Пристреливается. Пока без особого успеха, — пояснил разведчик.

— Лаура, — Герт протянул итальянке морисовский F3000. — Имели дело с таким?

— Спасибо, — с чувством ответила мадмуазель ди Франше, принимая автомат. — Случалось.

Она встряхнула головой и окуталась клубами пыли.

— Только утром голову помыла, — пробурчала особый специалист. — Я этим артиллеристам пропишу…апчхи!

— Лаура, — Герт потер переносицу. — Вам знакомо имя Джузеппе Ланче?

Руки итальянки, отщелкивающие магазин автомата, замерли на секунду.

— Знакомо, — помолчав, сказала Лаура.

— Он вышел на связь, предлагал отходить к Апараванте. Обещал прикрытие.

— Прикрытие? — Лаура округлила глаза. — Джузи?

— Да. Сказал, что все согласовано с майором Бойером. Лаура,

этому человеку можно верить?

— Джузеппе Ланче не обидит даже мухи цеце, — задумчиво ответила итальянка. — Но если это он… то у нас появился шанс. Думаю, кофовцам не повезло.

— Сюда идет танковый полк? — хмыкнул Герт.

— Почти, — рассеянно ответила Лаура.

— Хочется верить. Дидье, следи за главными воротами. Жерар, жду все новые данные о перемещении противника.

Капитан переключил канал.

— Шарль, прием.

— Вы целы, капитан?

— Да. Обстановка?

— Один «багги» уничтожен, второй вне зоны прицельной стрельбы. Пехота не высовывается, но в кварталах какая-то возня. Капитан, если они подтянут что-нибудь потяжелее…

— Мы смотаемся раньше, — Дикстра переступил через ноги Мориса и осторожно обошел развороченный в крыше пролом, откуда продолжала осыпаться штукатурка. — Видишь «багги» с пулеметами?

— Да, гуляют тут, как по набережной.

— Будь готов снять их. Будем прорываться в джунгли.

— Понял… — в наушниках раздался громкий щелчок.

— Шарль? — обеспокоился Герт. — прием?

— Говорит капитан четвертого батальона освободительной армии Тутсиленда Жозе Суламбали, — вклинился незнакомый голос. — Сдавайтесь. Помощи не будет, белые, наши войска уже в Рутшуру. Эй, мзунгу, слышите? Никаких вертолетов.

— Шарль, у нас помехи на линии? — спросил Герт, касаясь сенсорной панели.

— Да, таракан какой-то шебуршится, — подтвердил снайпер.

— Бельгийские свинь…

— Общая смена канала, — Дикстра ввел код и голос пропал.

— Намного лучше, — вздохнул снайпер. — Казалось, мне кто-то банан в ухо запихивает.

— Хорошо, если банан, — капитан пробежал по коридору мимо пустых спален и классов, где пол был усеян битым стеклом и обрывками бумаги, и направился к гаражной пристройке.

— Жди команды.

— Вас понял, — «киб» отключился.

— Капитан! Как там Морис? — Рене вынырнул из салона старенького «фольксвагена». — Докладываю: у монахинь два микроавтобуса, один джип. Старье, но на ходу.

— Все влезем? — Герт с сомнением поглядел на микроавтобус.

— Потеснимся, — заверил Рене. — Главное, чтобы не стреляли. Эти старушки на обстрел не рассчитаны.

Он похлопал по красному боку автобуса.

— А мы, значит, из кевлара, — Герт оглядел ангар. — Сварочный аппарат видишь? И листы в углу?

— Кровельное железо, — оценил рядовой. — Капитан, когда ж я успею?

— Сделай, что можешь. Хотя бы для детей, — Герт переключился на Винсента. — Винс, прием.

— Один не успею, — предупредил Рене. — Да и не помогут эти листики. Их даже АК пробьет. Про подствольник вообще молчу.

— Вот и молчи, — отрубил Дикстра. — Винс, прием.

— Да, капитан.

— Рене нужна помощь. Он в гараже.

— У меня только Франсуа и Мишель. Кого?

— Кого хочешь! — рявкнул Дикстра, — Чтобы он через пять секунд был здесь.

— Уже бежит. Как мне перекрывать периметр с одним бойцом?

— Постарайся, — Дикстра закончил сеанс, прислонился к стене и пошарил в кармане.

Леденец был последний.

Банановый.

Герт отшвырнул конфету.

— Сами сосите, — с яростью сказал он в пространство.

«Кофовцы уже в Рутшуру, — капитан поглядел в узкое окно под крышей ангара. Туда, где в далекой дымке голубели горы Вирунги. — Если этот Лулумбали не соврал. А он мог. В любом случае, есть только один выход. Надо прорываться. Аллах милосердный, спаси этих детей. И нас, грешных».

— Кэп, — ожила рация. — Это Антуан. Биолог ответил.

Глава седьмая

Капитан четвертого батальона освободительной армии Тутсиленда Жозе Суламбали еще раз оглядел здание школы и опустил бинокль.

— Паскале, сукин сын, почему эти мзунгу еще живы? — ласково поинтересовался он.

— Не знаю, господин капитан, — развел руками сержант Паскале. — Может, жить хотят?

Командир батальона некоторое время молча глядел на подчиненного.

— Где кончается ум, там начинается *глупость, — на хорошем французском заметили сзади.*

Жозе обернулся — когда же на плоской крыше магазинчика, который он выбрал командным пунктом, появился этот китаец?

— Господин Лю Шин? Я немного занят, — без особой радости сказал Жозе.

Он отвернулся, и в сотый раз припал к запотевшим окулярам бинокля.

«Надо выкурить этих крыс, — Суламбали стиснул зубы. — Уже тридцать солдат потерял. Сбавляю темп. Кутеса уже высадился в Рутшуру, а я до сих пор здесь».

— Думаете, что с бельгийцами делать? — спросил Лю Шин. — Могу помочь.

— Вы?! — Жозе дернул головой, отгоняя назойливую муху от лица.

Он начинал выходить из себя. Все шло просто отлично: они сбили вертолет, окружили здание, но атака захлебнулась, и вот уже час бойцы не могут выбить горстку ооновцев из чертовой школы. Эти мзунгу взорвали миномет одним выстрелом!

А тут еще китайца на шею повесили. Какой он военный советник, бабуин он узкоглазый. То требует вооруженный эскорт, то в одиночку пропадает в джунглях и постоянно мотается по шахтам и горным разработкам. Сегодня от границы пригнал четыре грузовика с каким-то оборудованием. И один ответ на все вопросы — он здесь, чтобы помочь армии Тутсиленда!

Лично ему, капитану Суламбали глубоко наплевать, о чем могучий генерал Нсото договорился с этими желтыми недомерками. Пусть им достается хоть все Конго, но какого черта этот кретин-мпумбави лезет в его дела?

— Не переживайте, капитан, — Лю Шин встал рядом и молниеносным движением раздавил муху в воздухе. — Думаете, мне нравится торчать в этих джунглях? Давайте быстро здесь

закончим, я вернусь домой, а вы продвинетесь по службе. Нам ведь лучше дружить. Да, капитан Суламбали?

Жозе поймал взгляд из-под полуопущенных век и похолодел. Господин Лю Шин смотрел на него безмятежными, обманчиво сонными глазами удава, и было ясно, что для него нет никакой разницы между погибшей мухой и капитаном Суламбали.

«Змея желтолицая, — Жозе нащупал левой рукой пистолет у пояса, *— Ты мне еще и угрожаешь?»*

— Капитан, — господин Лю вздохнул. — Поглядите в бинокль. Ничего не замечаете позади основных сил вашего батальона?

«Пристрелю!» — подумал Жозе, но отчего-то подчинился и поднял бинокль. Провел взглядом по позиции и остолбенел.

— Ну что, договорились? — спросил китаец.

— Это же… — капитан запнулся и кивнул. — Но как? Как вы притащили сюда эти штуки?

— Командуйте общее наступление, — не ответил на его вопрос Лю. — Паскале, сбегай вниз, там, в холодильнике я видел пиво. Мне «Циндао». Холодное.

Сержант Паскале сорвался с места. Он не очень понял, что произошло — господин Лю был спокоен и ласков, а капитан *Суламбали отчего-то сильно расстроился. Что-то явно было не так.*

Жозе обреченно поднял рацию:

— Луиз, Мторо, Дото, Тете, Сефу, прием. Начинаем атаку. Делайте все, что хотите. Живых не оставлять.

— Капитан, какого хрена здесь делают эти… — в динамике взорвалось возмущенное многоголосье, но Суламбали выключил рацию и оглядел диспозицию.

«Убью, — спокойно понял он. — Я убью этого китайца».

Батальон, разбившись на четыре колонны, медленно продвигался вперед по пыльным улочкам Бени. По пути колонны обрастали людьми — они выныривали из узких проулков и маленьких рощиц, разграбленных магазинов и домов.

Город вымер. Все, кто мог, уже покинули Бени, остальные же укрывались в подвалах, гаражах, сараях, прятались в больницах и школах.

Капитана все это не интересовало — их черед придет позже.

Надо только покончить с этими бельгийцами. И разобраться с китайцами — Суламбали не терпел, когда ему или его людям угрожают. Тем более легкими пехотными танками.

«Нсото вообще понимает, какую кашу он заварил, позвав узкоглазых? — подумал капитан. — Что белые, что желтые — черным всегда останутся в дураках».

На подходах к школе батальон развернулся широкой цепью и потек через дворы и улочки, охватывая здание полукольцом.

— Вышли на позиции, — попеременно отрапортовали лейтенанты.

— Начинаем, — отозвался Суламбали, склоняясь над дисплеем карты. — Мторо, перекрой задний двор. Где «багги» с пулеметами? Крысы могут убежать.

Вдали ударил миномет, над крышей пансионата взметнулся столб дыма и пыли, и следом весь периметр расцветился автоматными вспышками и облачками гранатометных выстрелов: шквал свинца обрушился на здание — вынося окна, взрывая кирпичные стены, дробя весь фасад в щебень. Пансионат заволокло клубами красной пыли.

— Они даже в здание попали, — с удивлением отметил Лю Шин. — Молодцы.

— Покажите, на что способен ваш металлолом, — раздраженно отозвался Жозе.

— Когда лезешь в воду, не надо проверять глубину обеими ногами — усмехнулся китаец.

«Скотина», — Суламбали скрипнул зубами и поднял бинокль.

Пыль медленно оседала, а бойцы освободительной армии Тутсиленда продолжали долбить из всех стволов в безмолвное изуродованное здание. Но ответного огня не было.

— Продолжайте обстрел, — скомандовал Жозе. Что-то его тревожило.

— Штурмуйте, капитан — посоветовал Лю. — Пока не поздно.

— Капитан, это Мторо, — ожила рация. — Мы на заднем дворе, пока тихо. Мать…

Передача прервалась. В суетливый треск китайских АК-90 бойцов Суламбали, вклинилась четкая скороговорка бельгийских F3000 и хлопки подствольников, перебиваемые короткими ударами — будто в развалинах школы работал гигантский метроном. Дробно ударили и тут же смолкли пулеметы.

Из-за школы, расползаясь во все стороны щупальцами, потек сизый дым.

— Штурм! — заорал Жозе. — Сефу, Дото — обходите школу. Они уходят!

— Поздно, капитан, — сказал Лю. Он громко и отчетливо произнес в воздух фразу по-китайски и перемахнул через бортик крыши.

— Твою мать! — Жозе бросился к краю и отшатнулся. Внизу, у стены магазина, ворочалась туша пехотного танка, похожая на огромного механического паука. Броневая пластина медленно

сдвигалась, закрывая управляющую капсулу.

— Лю! — закричал Суламбали, — Там мои люди, Лю! Сволочь!

Танк рванулся вперед, к школе, туда, где разворачивались три кибернетические фигуры, принимая походную модификацию.

— Капитан, я принес! — на крышу, отдуваясь, поднялся сержант и гордо протянул запотевшие пивные банки. — В холодильнике «Циндао» не было, пришлось бежать в соседний магазин. А где господин Лю?

Суламбали прорычал что-то невнятное, выбрасывая руку с пистолетом.

Паскале обмер, выронив банки, и жестянку «Циндао» разнесло в воздухе двумя выстрелами.

— Готовь «багги», — бросил Жозе, кидаясь к лестнице. — Быстро!

Сержант Паскале утер с лица хлопья пивной пены и метнулся следом.

Чутье подсказывало ему, что это только начало.

Глава восьмая

«Чжичжу» настигли колонну уже на границе леса. Найти ее было легко, но вот догнать труднее — бельгийцы получили фору примерно в десять минут, и выжали из нее все, что можно.

Все танки уже выбросили «рои», и в воздухе висело около полусотни сверхмалых беспилотников. Так что майор Лю Шин мог, если бы захотел, заглянуть в лицо любому бойцу из батальона Суламбали. Но эти оборванцы его не интересовали — кофовцы безнадежно отстали и плелись в трех километрах позади.

Лю искал настоящего противника.

Он повел одну из «мух» вниз, к колонне. Два микроавтобуса, обвешанные гремящими листами железа и замыкающий джип петляли по грунтовке между плантаций маниоки. Над ними крутили спирали четыре беспилотника ооновцев. Следом напрямик через поля широкой ловчей сетью шли «Чжичжу».

До леса оставалось метров двести.

— Для начала мы вас ослепим, — пробормотал Лю, захватывая четыре цели и передавая их в боевую сеть.

Лю не видел, но знал, что сейчас передние сегменты всех «Чжичжу» синхронно двинулись, отслеживая цели. 30-мм пушки танков синхронно вздрогнули.

— Цели поражены, — отрапортовал лейтенант Ван.

— Потом отрежем от леса, — майор определил участок дороги перед колонной и залп самонаводящихся гранат перепахал укатанную колею перед головным автобусом.

Колонна встала. Двери автобусов распахнулись, и оттуда россыпью брызнули дети и монахини, прячась в высоких посадках маниоки.

Гражданские майора не интересовали. Пусть сами выбираются, если смогут. А он покажет в настоящем бою, на что способны его «Чжичжу».

«Бельгийский спецназ — это не сомалийские повстанцы» — улыбнулся Лю.

Он и сам до конца не понимал, зачем ввязался в этот бой — Суламбали бы сам справился. С большими потерями, конечно, но справился бы.

Наверное, Лю просто надоели косые взгляды этих «обезьянок», которым Китай дал все — деньги, оружие, продовольствие, взамен на ресурсы, которыми эти варвары все равно не могут толком распорядиться.

Лю Шин устал. Он слишком долго был в этой стране, где

жизнь стоила не больше пачки сигарет. Он устал сидеть без дела: обеспечивать охрану геологов, договариваться о безопасном проходе с главарями банд, каждый из которых называл себя не меньше чем генералом, и устал от регулярной армии Тутсиленда, которая была самой большой бандой.

И когда прибыли «Чжичжу» с приказом — обкатать танки в деле, Лю Шин не мог упустить такой шанс. Сегодняшнего боя он ждал последние пять лет.

…Джип прошел по обочине и поравнялся с первым автобусом.

«Кажется, они пересаживают детей — понял Лю, — Дураки, теряют время».

Джип рванулся к лесу, а пестрые, зелено-желто-красные фигуры залегли вдоль дороги, слились с фоном настолько, что «мухи» с десяти метров уже не различали их. Колонна окуталась густым дымом, который длинным языком поплыл к лесу и «беспилотники» стали окончательно бесполезны.

— Ага, — кивнул Лю, поднимая «рой» выше — для общего обзора, и переключил бортовые сенсоры с оптики на ультразвук. — Все правильно. Только не поможет. Ребята, начинаем.

«Чжичжу» остановились, втянули колеса.

— Всем бортам — боевая модификация.

Машина Лю вздрогнула: передний сегмент — «голова», поднялась, смещаясь назад вместе с кабиной пилота. «Чжичжу» присел на четырех «лапах», выдвинул передние манипуляторы в боевое положение и открыл дула гранатометов.

— Начали, — скомандовал Лю и танки синхронно двинулись вперед, сминая зеленые метелки маниоки многосуставчатыми лапами.

Плотная пелена дыма взорвалась, выбросила восемь дымных щупалец к шеренге «Чжичжу».

— Гранаты. Огонь! — прицельные рамки захватили цели, тупые «жвалы» пушек машины майора отрывисто рявкнули, и воздух взвыл, располосованный осколками.

— Все цели поражены.

«Повреждений нет», — отметил Лю с удовлетворением.

«Чжичжу 1» вздрогнул. Передний сегмент его сотрясали короткие удары, словно кто-то невидимый один за другим забивал гвозди.

— Ли?

— Передние камеры разбиты, — озабоченно отозвался лейтенант, — Радар поврежден, неполадки с левым манипулятором — сбоит сервопривод. Функциональность упала

на 50 %.

— Бери свой «рой», работай по данным беспилотников, — распорядился Лю. — «Чжичжу 2» прикрывает «Чжичжу 1», синхронизируйте видеоканалы. Всем машинам — ищем снайпера.

«Неплохо, — оценил майор. — Хороший снайпер. «Киб», скорее, всего».

Радар высветил зыбкий контур, приподнявшийся над травой.

— Огонь! — гранаты с шипением ушли в дымную пелену.

Земля, трава, побеги маниоки взметнулись в кипящем вихре и через секунду командирский танк «Чжичжу 4» вздрогнул.

Левая камера уничтожена.

— Сволочь! — майор подцепил управляющую паутину,[13] и его «Чжичжу» зигзагом рванулся вперед — то пригибая, то поднимая «голову».

Второй выстрел щелкнул по броневому листу кабины.

«Нащупал — голова у Лю Шина работала четко и холодно. — Тяжелая снайперская винтовка, режим бесшумной стрельбы. Даже если в упор — броня выдержит. Но если подберется ближе и всадит кумулятивную гранату, я тут спекусь в утку по-пекински».

— Всем машинам — полный ход и неприцельный залп осколочными! Закопайте их.

Третий выстрел разнес правую камеру. На переднем сегменте уцелела резервная сферическая камера, и радар.

Дымная полоса вспухла, вскипела красной пылью и ошметками зелени: одновременный залп восьми гранатометов взметнул в воздух пыльные клубы кровавой африканской земли.

— Командир, слева! — Лю бросил взгляд на широкий дисплей, охватывающий его полукругом, куда проецировалась общая картина боя. Смазанная фигура с винтовкой наперевес метнулась к его танку и прижалась к правому боку.

— Разберусь, — ответил Лю, закручивая машину волчком. — Выполняйте задачу.

— Вас понял, — Ван отключился.

Его «Чжичжу» прыгнул в перепаханную дымящуюся землю и залпом снес с дороги один из микроавтобусов.

На его броне заплясали вспышки рикошета — кто-то из ооновцев был еще жив. Следом за ним в облако, поднятое взрывами, вступили «Чжичжу 2» и «Чжичжу 1», повели «жвалами» пушек и прицельным залпами начали выкашивать высокие, по пояс, посевы маниоки.

«Не выйдет у тебя, — подумал майор, бросая машину с бока на бок и стараясь поймать в прицел снайпера, который танцевал рядом — то приникая к броне, то отпрыгивая. — Скоро выдохнешься — сколько ты уже на коктейле? Сердце не

выдержит».

Машина вздрогнула и присела на правый бок.

Поврежден привод заднего правого манипулятора. Падение мощности на 60 %.

Лю сжал зубы — камера показала, как снайпер вогнал винтовку в сочленение и короткой очередью разрядил ее. А затем, опираясь на приклад, запрыгнул на «Чжичжу».

Майор услышал удары сверху по капсуле. Стучали в стык люка, и очень настойчиво.

— Получи! — Лю закрутил машину, опрокидывая ее на правый бок. Поврежденный манипулятор сложился пополам, но это было неважно.

Он дернул «паутину», переворачивая танк. Привод кабины взвыл, пытаясь сохранить горизонтальное положение независимо от положения машины и «Чжичжу» майора Лю Шина рухнул на спину.

Майор прислушался.

— Вот и все, — заметил он и потянул нити, поднимая аппарат.

Искалеченный «Чжичжу» встал. Лю бросил взгляд на экран — в двух метрах от него лежало тело высокого европейца в боевом комбинезоне, торопливо менявшем цвета.

Танк, хромая на трех «лапах», двинулся к телу.

— Отбегался? — Лю перевел звук на внешние динамики.

Глухая панель шлема поднялась и на Лю Шина взглянули бледно-голубые глаза.

— Merde![14] — выплюнул снайпер, и дисплей взорвался каскадом системных сообщений.

> *Внешнее проникновение. Отказ системы наведения, системы эхолокации, связи, жизнеобеспечения, отказ системы охлаждения, нестабильность двигательного контура, отказ двигательного контура, отказ системы эвакуации, общий отказ всех систем…*

Дисплей погас. Майора окутала тишина. Сквозь звукоизоляцию кабины глухо доносились разрывы и слабый треск выстрелов, но связаться со своим отрядом Лю Шин не мог.

Мог ли он вообще выбраться из мертвой машины? Воздуха в капсуле пилота надолго не хватит.

— Сволочь! — Лю уперся в люк и, что есть сил, навалился на рычаг ручной разгерметизации. В глазах потемнело, и через бесконечно долгие секунды люк с шипением приподнялся. Майор с натугой сдвинул его в сторону, преодолевая сопротивление умершего гидропривода, и выбрался на спину танка.

Его подразделение — три «Чжичжу», шли цепью к лесу, полосуя очередями джунгли — бой еще продолжался.

«Кто-то еще жив? — поразился майор. — Ладно, это минутное дело».

Лю спрыгнул вниз и с наслаждением вдохнул дымный жаркий воздух.

Шарль Андре отрешенно смотрел в синее африканское небо мимо застывшей рядом туши пехотного кибер-танка. Лю Шин прицелился и методично раздробил ему выстрелами кисти рук и коленные чашечки.

Шарль невозмутимо глядел вверх.

— Скоро ты отойдешь от коктейля, — сообщил Лю, присев возле него. — Потом кончится анестетик в аптечке костюма. И тогда ты закричишь.

Снайпер молчал.

— Твои товарищи уже мертвы, — продолжил Лю, — С детьми покончат кофовцы.

Он склонился над Шарлем и закричал ему в лицо:

— Ты меня слышишь?! Ты…

Шум, долетевший от границы леса, прервал его. Майор поднял голову и обмер — один из «Чжичжу», кажется, танк Ли, лежал на спине и судорожно рыл почву манипуляторами, пытаясь встать — похоже, лейтенант в панике спутал управляющие нити.

Остальные танки, присев, медленно пятились от леса, настороженно поводя «жвалами» пушек.

— Что за… — Лю выпрямился, поднял электронный бинокль.

Неровная стена джунглей с голубеющими вдали отрогами Вирунги разом придвинулась. Майор провел вдоль границы леса, отмечая следы боя — воронки взрывов, два искореженных тела, и остановился на танке Ли, которой все еще пытался подняться.

— Не так, мягче, — пробормотал майор. — Что происходит?

Машины Вана и Чжана медленно двинулись вперед.

— Ван, в чем дело? — майор включил ручной коммуникатор.

— Товарищ майор, вы живы, — обрадовался лейтенант, — система вашего «Чжичжу» неактивна. Докладываю — потерь личного состава нет, уничтожено шесть солдат противника.

— Семь, — мрачно ответил Лю. — Чертов «киб» спалил мне схемы. Но я поквитался. Почему прекратили преследование?

— Угроза неизвестного характера, — отрапортовал Ван. — Ли нарвался на что-то в лесу.

— На что-то?

— Точнее не могу сказать, — замялся Ван. — Данных слишком мало, локатор сбоит в джунглях, а камеры его не успевают зафиксировать. Что-то большое и черное.

— Не успевают? — недоуменно повторил майор. — Большое и черное? А покадровый анализ?

— Товарищ майор, — Ван помедлил. — Звучит странно, но это больше всего похоже на огромную обезьяну.

— Обезьяну? — Лю охватывала ярость — медленно, как тусклый огонь, вгрызающийся во влажное дерево.

— Гориллу, товарищ майор, — уточнил Чжан.

— Тогда открываем сезон охоты, — ответил Лю. — Мне плевать, что это — крокодил, слон или бегемот!

— Приказ понял, — Ван отключился.

Танк Ли поднялся, и слегка припадая на задний манипуляторы, как раненая собака, двинулся следом за товарищами.

Держа дистанцию тридцать метров между машинами, «Чжичжу» вошли в лес.

И лес сомкнулся за ними.

— Ван?

— Пока тихо, — отозвался лейтенант. — Дети отходят на север, к Апараванте, спецназ с ними.

— Продолжайте преследование.

— Так точно. Черт!

В джунглях загрохотали гранатометы, потом дробно застучали пушки — бойцы Лю Шина палили из всех стволов. Но в кого?

Майор припал к биноклю, судорожно пытаясь что-либо разглядеть, но над лесом лишь тревожно метались птицы, рушились стволы, в воздух летели обломки стволов и ветви.

— Ван, прием? Лейтенант Ван, доложите обстановку!

— …достать! Товарищ майор, эта тварь… Ли попал под наш залп — захлебывался Ван. — Продолжаю бой.

— Что за противник? — закричал Лю. — Отвечайте!

Связь оборвалась. Майор торопливо переключился на Чжана, но в это мгновение громадное дерево у края леса вздрогнуло и с протяжным скрипом повалилось на землю, прокладывая широкую просеку в густых пальмовых зарослях.

Цепочка взрывов смела зелень на границе джунглей и из глубины леса показался один из «Чжичжу».

«Это Вановский» — Лю в оцепенении опустил бинокль.

Танк торопливо пятился, поливая лес свинцом и тротилом. По размеренному ходу «головы», отщелкивающей сектор за сектором, Лю понял, что машина идет на автопилоте.

Из темноты лесного провала вылетело нечто блестящее, дребезжащее композитными броневыми пластинами, взрезалось в «голову» «Чжичжу» и со скрежетом снесло ее.

Танк завалился на левый бок. Правые манипуляторы продолжали работать, и его потащило по широкому кругу. «Чжичжу» полз, оставляя позади вспаханную полосу влажной красной земли, и казалось, что он истекает кровью.

Майор повел биноклем и понял, что снаряд, уничтоживший танк — задний сегмент другого «Чжичжу» с двумя манипуляторами.

И Лю Шин услышал странный, невозможный здесь звук.

Шарль Андре смеялся, хохотал во все горло, не отрывая взгляда от неба.

— Чья взяла? — выдохнул он и замолчал.

Лю прицелился и опустил пистолет — голубые глаза снайпера бессмысленно смотрели вверх.

— Жаль, — майор поднял взгляд.

В ста метрах от него, у остова «Чжичжу», все еще ползущего в неизвестность, высилась черная фигура громадной гориллы.

И смотрела — Лю чуял это — смотрела на него.

Майор очень медленно поднял бинокль.

Черное лицо с почти человеческими чертами, глубоко посаженные глаза, остроконечная голова, покатые плечи, выдающие невероятную силу — это, несомненно, была горилла.

Ростом четыре метра.

Без оружия.

Лю пригляделся к подпалинам и глубоким рваным ранам на груди и предплечьях животного.

Он смотрел долго — так долго, сколько мог вытерпеть ужас, его заполнивший. А после развернулся и опрометью кинулся бежать обратно в город.

То, что он узнал, было гораздо ценнее жизни его солдат, и его собственной.

Горилла не гналась за ним.

Глава девятая

Для Герта Дикстры последние часы слились в сплошную лихорадочную горячку отступления и боя — страшного, скоротечного боя, когда они пытались выиграть драгоценные секунды, чтобы дети успели уйти.

Герт монотонно переставлял ноги и слышал, как саднило под левой лопаткой.

Энергосистема костюма отказала — все ресурсы были истрачены в бою, и Герт не мог понять, зацепило ли его, или это просто неизбывно, томительно болит сердце.

Винсент, Рене, Морис, Мишель, Франсуа, Жерар, Ги, Андре, Густав, Антуан-пулеметчик. И еще два пилота, чьи имена он не успел запомнить.

Теперь он капитан без солдат. В живых остались Рыжик и Аптечка. Связист и медик. И он.

Шарль тоже погиб — даже у киборга есть пределы. Соревноваться с пехотными танками, имея лишь снайперскую винтовку — да, Шарли был гением.

Его сердечный ритм оборвался вскоре после того, как он остановил один из танков.

Но если бы не это…эта горилла, остальные танки смели бы их за минуту.

Дикстра покосился на гориллу — «небольшой экологический танк», как выразилась Лаура, который стремительно шел по лесной дороге, неся на широкой седой спине с десяток детей.

Если бы он пришел чуть раньше. Чуть раньше.

Если бы он сразу согласился на предложение этого биолога.

Кретин, кретин, Аллах милостивый, какой же он кретин.

Капитан устал. Чудовищно устал от этой земли, где даже у экологов есть машины, способные в одиночку, без оружия размолотить три легких китайских пехотных танка.

Дикстра сперва не поверил глазам, когда их увидел. Машины без опознавательных знаков неизвестной конструкции, похожие на гибрид муравья и паука.

Ведь они почти ушли — стремительный прорыв ошеломил боевиков, они выиграли время, и до леса было рукой подать.

Когда появились танки.

Народная освободительная армия республики Китай…

Герт стиснул зубы, вспомнив, как они вытащили одного из пилотов из развороченной капсулы — тот хрипел и вяло отбивался, контуженный чудовищным ударом, сорвавшим броневые листы и вскрывшим капсулу управления.

Пленные капитану были не нужны.

— Сволочь, — бросил он в искаженное скуластое лицо и нажал на курок. Капитан не испытывал угрызений совести. По правде сказать, сейчас он не испытывал ничего, кроме страшной усталости и какого-то горестного отупения. Что понадобилось китайцам в сердце Африки? Танталит, будь он проклят? Алмазы, уран, золото?

Китай решил откусить кусок от большого африканского пирога — Конго. Но пирог оказался с сюрпризом.

«Обкатать танки решили, — яростно подумал Герт. — Ненавижу».

Джип полз со скоростью пешехода — чтобы капитан с бойцами и часть учителей не отставали. Герт шел, глядя поверх курчавых голов, поверх верхушек деревьев в прозрачное синее небо.

— Капитан, — чья-то рука тронула его за рукав, — не отчаивайтесь, Герт.

— Директор Боламбе, — Дикстра покачал головой, — как дети?

— В шоке, но понемногу отходят. Эта машина их просто заворожила.

Капитан взглянул вперед. Рядом с мерно ступающей гориллой торопливо шла Лаура ди Франше, темпераментно жестикулируя. Периодически к ней поворачивалась огромная остроконечная голова, и итальянка возмущенно всплескивала руками.

Очевидно, там происходило бурное выяснение отношений.

— Да, без этой гориллы мы бы погибли, — Герт криво улыбнулся. — Вы живы, директор, но в конце концов, вас вытащил не я.

— Капитан! — Герт и предположить не мог, что в голосе милой старушки Боламбе может быть столько стали — первосортной, булатной стали. — Не смейте так говорить! Если бы не ваши люди и вы, мы бы не выжили. Уважайте мертвых — это последняя честь, которую мы можем им отдать.

Герту на мгновение показалось, что Боламбе отвесит ему пощечину.

— Я не успел взять жетоны, — глухо сказал капитан.

— Скажите их имена, я буду молиться о них, — попросила директор. — И неважно, были ли они христианами.

— Обязательно, — капитан устало прикрыл глаза. — Может, вашими молитвами мы и выбрались.

Директор что-то ответила, но Дикстра уже не услышал — его повело, земля качнулась под ногами, и Герт рухнул в колодец,

полный прохладной лесной тьмы.

— …срочно нужен госпиталь, — горячился где-то над головой сержант Дидье. — Вашего медкомплекса недостаточно. Его нужно отправить утренним рейсом, до второго он не доживет.

— Голубчик мой, но что я могу сделать? — по-французски отвечал незнакомый мужской голос, высокий и немного капризный, словно у ребенка. — Термоплан всех не поднимет. Сами подумайте — дети, все ваши монахини, мы и так часть оборудования оставляем. А кофовцы, может, уже за кустами прячутся. Конечно, если положение так серьезно, мы найдем место для месье Дикстры. Но наше оборудование…

Герт подумал, что этот голос мог бы принадлежать полному, пухлому мужчине лет пятидесяти.

— Да к чертям ваше оборудование! — рявкнул Аптечка. — Он загнется без операции.

— Тише, тише, дорогой мой, — приструнил сержанта голос. — Капитана разбудите. Вы себе и не представляете, какой важности данные мы собрали. Это же работа за пять лет. А техника — она же вся уникальная, по заказу, винтик к винтику собирали.

— Идите вы с вашими винтиками, — совершенно нелюбезно отвечал Аптечка. — Говорю вам — он умрет, если не попадет на операционный стол.

— Дидье, что за шум? — Дикстра открыл глаза и увидел беленый дощатый потолок.

Он лежал на кровати в небольшом операционном блоке. В горле першило, в спине, под левой лопаткой мышцы были стянуты в большой, размером с кулак, узел, звенящий от невыносимого зуда.

— Капитан? — сержант озабоченно склонился над ним. — У вас «гвозди», капитан, под левой лопаткой. Гнездо сидит слишком глубоко, я не могу его вытащить. Нужен кибер или толковый хирург.

— Ну вот, разбудили — посетовал полный лысеватый мужчина, подходя к кровати. — Как вы себе чувствуете, капитан Дикстра? Я Ренье Щербицкий, директор станции «Итури». Ваш подчиненный тут совершенно разбушевался.

— Сколько протяну, Аптечка? — прямо спросил Герт.

— Кровотечение я остановил, вколол болеутоляющее и блокиратор тканей. Но малейшая встряска… — сержант пожал плечами. — «Гвозди» пойдут в кровоток, прямиком к сердцу и в мозг.

Дикстра сел на кровати.

— Капитан, не вставайте, — кинулся к нему сержант, но Герт

отстранил его.

— У вас есть леденцы, месье Щербицкий? — хрипло спросил он.

— Что? — директор озадаченно заморгал.

— Леденцы, — терпеливо повторил Дикстра. — «Бон пари». Малиновые, яблочные, вишневые. Лучше всего вишневые. Только не банановые. Карамель. Сахар растапливается с молоком или водой, добавляются ароматизаторы…

— Да-да, я понял, — с недоумением прервал его директор. — Надо посмотреть на кухне. Должны быть. Антонио любит сладкое. Антонио — это наш биолог…

— Хорошо, — Герт опустил ноги на пол, нащупал ботинки и осторожно начал их надевать. — Я так понимаю, что всех людей термоплан сразу не возьмет?

— Нет, — покачал головой Ренье, — Слишком большой перевес. Мы планировали управиться за один рейс, весь персонал с оборудованием и юнитом как раз укладывался по весу. Но дети, монахини…Их придется отправлять первыми, а значит часть оборудования надо выгрузить.

— Ясно, — Герт устало прикрыл глаза. — Тогда можете упаковать еще килограмм восемьдесят ваших пробирок. Я полечу вторым рейсом.

— Нет-нет, капитан, что вы… — протестующее замотал головой Ренье. — Я не знаю, что такое ваши эти «гвозди», но вы серьезно ранены, вам нужен врач. Вы полетите первым рейсом. Я не могу отказать вам.

— «Гвозди» — это капсула с наноразмерными иглами, — пояснил Герт. — При попадании в ткани тела оболочка растворяется, и иглы проникают в кровь. А затем в мозг, сердце и внутренние органы.

— Какой ужас, — содрогнулся директор. — Вам немедленно необходим врач. Нельзя терять ни секунды.

— А я о чем вам полчаса толкую! — воскликнул сержант.

— Дорогой мой, но я же не предполагал, что это так ужасно, — растерянно ответил Ренье.

— Директор, я лечу вторым рейсом, — повторил Дикстра.

— Но как же… — захлопал ресницами Ренье.

— Капитан, вы с ума сошли! — поддержал его Дидье.

— Не обсуждается — отрезал Герт, прислушиваясь к гнезду ос под лопаткой. — А сейчас, месье Щербицкий, вы бы не могли нас оставить, нам надо обсудить скучные военные дела.

— Да, разумеется, — директор подскочил к нему, восторженно потряс вялую ладонь Дикстры обеими руками, и, подхватившись ртутным шариком, выкатился из медблока.

— Капитан, вам срочно нужен хирург, — упрямо повторил Дидье. — Вы протянете не больше двух суток, блокиратор не выдержит.

— Доложите обстановку, сержант Дидье, — Герт справился с левым ботинком и медленно, чтобы не потревожить спину, потянулся к правому.

— Все гражданские в безопасности, эвакуация предположительно утром — термоплан из Киншасы уже вылетел, — отрапортовал Аптечка. — Кофовцы закрепились на аэродроме Рутшуру, в пригороде тяжелые бои. Связи с базой пока нет, но, судя по всему, они эвакуируют гражданских. Антуан с местным техником чего-то мудрят, но до Рутшуру пока не достучались.

— Ясно, — капитан неторопливо встал. — Сколько у меня шансов дожить до второго рейса, Аптечка?

— Пятьдесят из ста, — безжалостно ответил сержант. — Невозможно угадать, когда эта дрянь прорвется. Может прямо сейчас, а может через трое суток. Если бы я не вколол блокиратор на месте, вы были бы уже мертвы. Почему вы отказались от эвакуации, капитан?

— Потому что я должен спасти этих детей, — Герт застегнул куртку. — Или ты думаешь, что кофовцы просто так утрутся?

Глава десятая

Жозе Суламбали вышел из барака, аккуратно вытирая руки куском ткани.

— Паскале, стервец, пива принеси! — велел он.

— Осталось только «Циндао», капитан, — пожал плечами сержант.

— Давай, — махнул окровавленной тряпкой Жозе, — нашему узкоглазому гостю оно уже не понадобится. Да, и пошли пару солдат, пусть отнесут господина Лю в буш. Гиены голодны.

Паскале сорвался с места — от лучезарной улыбки капитана Суламбали хотелось бежать как можно дальше. Его командира будто крутила, сжигала изнутри веселая бешеная ярость, утолить которую не могли и двухчасовые крики китайца, захваченного солдатами.

— Суламбали свое слово держит. Сказал же — убью, — пробормотал капитан, отхлебывая из принесенной банки. — Паскале, кретин, кто же термобанки кладет в холод? На солнце их держать надо, чтобы пиво было ледяным.

— Виноват, капитан, моя мамочка всегда держала пиво в холодильнике.

— Мамочка, — передразнил Жозе. — Скажи-ка, ты пробовал гориллу?

— Мне больше женщины нравятся, — признался сержант. — Хотя, говорят…

— Паскале, я вот иногда думаю — как ты утром встаешь, — задумчиво сказал Суламбали. — В штаны ногами попадаешь? Я спрашиваю — ты ел гориллу?

— А, вот вы о чем, — заулыбался сержант. — Мой отец ел, говорит — вкусно. Особенно если с ямсом запечь. А сплю я в штанах.

— Оно и видно, что не снимаешь. Думаю, из этой гориллы рагу не получится, — капитан потеребил дужку солнечных очков. — Тащи рацию, у нас сафари намечается.

— Сафари? Свежее мясо? Это хорошо, — обрадовался сержант, — А то уже неделю на консервах сидим.

— Шевелись, не то сам на мясо пойдешь, — пришпорил его капитан, садясь в плетеное кресло, прихваченное по пути в каком-то богатом доме.

Он прищурился, глядя, как на краю поля солдаты, не торопясь, с ленцой грузили останки кибер-танков в грузовики. Кто-то деловито копался в пилотных капсулах, хотя искать там было нечего — Жозе с лейтенантами уже прошелся по кабинам,

позаимствовав все, что можно.

Трем пилотам, лежащим возле танков, вещи были уже не нужны.

Жозе бросил бы это бесполезное железо, но как только китайцы узнают, что их танковое подразделение было уничтожено, то встанут на уши.

Так что капитан Суламбали решил проявить уважение к союзникам и сохранить технику и останки бойцов славной Народной освободительной армии. За исключением командира — тот, увы, пропал без вести. Да, так он и доложит.

Опрометчиво было со стороны господина Лю отрываться от основных сил и пытаться в одиночку разобраться с ооновцами.

Два бойца вынесли из барака тяжелый сверток полиэтилена и потащили к джипу.

— Это Африка, господин Лю, — усмехнулся капитан, салютуя банкой. — Здесь всегда выигрывают черные.

В дымном воздухе горящего города Жозе Суламбали чуял, что может сорвать большой куш. Если поймать ту тварь, которая раздолбала китайские танки, за нее можно получить немалые бабки. Очень немалые.

А там…как знать, как удача повернется. Нсото тоже не родился генералом.

Жозе довольно прищурился и откинулся в кресле.

«Только надо шевелиться, пока китайцы не пронюхали», — лениво подумал капитан. — Погрузим это барахло и в джунгли».

Матерясь, солдаты затащили «Чжичжу 4» в грузовик и захлопнули борт.

— Все, последний, — сержант Мокеле утер лоб, — Погнали.

Машина тронулась с места, и танк ударился о борт. В глубине пилотной капсулы, среди погасших экранов, обвисших нитей сенсорной паутины, россыпей мертвых индикаторов, мигнул и загорелся синий огонек.

Спустя двадцать минут после остановки сердца Лю Шина автономная система «Чжичжу 4» запустила систему спутниковой связи.

Получив кодированный сигнал, приемный комплекс базы радиоэлектронной разведки на острове Хайнань в Южно-Китайском море автоматически приступил к дешифровке.

Через полчаса краткая сводка с пометкой «срочно» легла на стол главы третьего департамента армейской разведки НОАК.

А спустя два часа китайский авианосец «Шинь Хуанди» отстыковался от мобильной базы ВМФ КНР в Индийском океане, и взял курс на Аденский залив.

Одновременно остальные пять подразделений «Чжичжу»,

приданные войскам генерала Нсото, покинули свои позиции и начали движение в район Бени.

В тоже время шестой флот США, выполняющий плановые учения «Антарктида», взял курс на Сомали.

Жозе Суламбали и не подозревал, насколько большой куш он захотел сорвать.

— Джузи, тебе не надоело? — вздохнула Лаура. — Всю дорогу ведешь себя, как ребенок. Что за истерику ты устроил в лесу? Я чуть не свихнулась — ссориться с гигантской гориллой-роботом посреди джунглей. Глупее положения не придумать.

— Как ребенок? — задохнулся от возмущения Ланче. — Да я чуть с ума не сошел. Это я сорвался с места, не дождавшись эвакуации? Или может, это я полез в самое пекло, с кофовцами флиртовать? Кто тебя вообще просил соваться в Бени?

— Но Джузи, у Дикстры не было сапера, — Лаура развела руками, — Как можно проводить операцию без сапера? А если бы там были мины?

— Были? — ядовито осведомился Джузеппе.

— Нет, — призналась Лаура, — Кроме тех, которые я поставила. Но могли быть. К тому же операция была согласована, все было под контролем…

Она осеклась, поймав испепеляющий взгляд Джузеппе.

— Ну, в принципе было, — осторожно уточнила Лаура. — Почти под контролем.

— А со мной ты случайно не забыла согласовать свой вояж? — биолог был на грани.

— Джузи, — протянула Лаура. — Все вышло так неожиданно. К тому же…ты бы меня ни за что не отпустил.

— Я тебя убью, — пообещал Ланче, засучивая рукава рубашки. — Вот этими руками.

— Джуз, у тебя нет шансов, — предупредила Лаура, отступая к стене. — У меня спецподготовка.

— А я на двадцать килограмм тяжелее, — мрачно заметил Ланче. — И у меня есть борода. Смирись. Ты падешь от руки любящего мужчины, а не от лап боевиков.

— Тебе не уйти от правосудия, — Лаура уперлась спиной в стену. — На помощь! Джузи, перестань, мне щекотно!

— Здесь нет правосудия. Мы в Африке, — Джузеппе жадно и долго поцеловал ее в шею. — Какая же ты дура, Лори.

— Опусти жалюзи, Джузи. Солнце мое, лес мой, счастье мое…

— Лори…

Глава одиннадцатая

Приплюснутая обтекаемая туша термоплана на лужайке перед основным комплексом полевой станции «Итури» напоминала кита, выбросившегося на берег. Раскинув короткие поворотные плоскости с громадными винтами, термоплан будто дремал, сонно распахнув брюхо, в котором суетливо, как муравьи, копошились рейнджеры. «Спина» термоплана матово блестела — аппарат набирал солнечную энергию про запас, готовясь к долгому перелету.

Неподалеку возвышался контейнер, где в паутине страховочных тросов замер автономный юнит экологов. Там возился невысокий японец, кажется, Ямагучи — местный техник, как сказал Дидье.

Стоя на открытой террасе, Герт Дикстра наблюдал за загрузкой.

Ночь прошла без особых приключений, Дикстра даже уснул. Но с утра гнездо «гвоздей» дало о себе знать короткими пульсирующими толчками — иглы пытались пробиться сквозь скованные блокиратором ткани.

На утреннем осмотре Дидье предупредил, что организм выдержит еще пару инъекций.

— А потом? — мрачно поинтересовался капитан.

— Начнется гангрена, — пообещал медик. — Если «гвозди» раньше не пробьются. Так что лететь надо сейчас.

— Коли давай, пророк хренов, — ответил капитан.

…Солнце уже поднялось над горами, и воздух стремительно вбирал его жар. Как это бывает по утрам, жить хотелось долго и счастливо.

Большая часть оборудования была уже загружена, и рейнджеры суматошно носились с какими-то коробками, полными распечаток, датчиков, и прочего, неизвестного капитану, но, очевидно, очень нужного в деле охраны горилл барахла.

Дети уже погрузились и во всех иллюминаторах верхней палубы мелькали повеселевшие физиономии воспитанников пансионата. Герт завидовал им — вчерашний день для них был где-то очень далеко, а сегодня — огромный летающий корабль, первый в их жизни перелет, и, наконец, покой и безопасность.

— Капитан, — Дикстра обернулся. С рюкзачком на плече перед ним стояла директор пансионата.

— Мадам Боламбе?

— Эллис, — поправила его директор. — Просто Эллис,

капитан.

— Эллис, — Дикстра, впервые за два дня, спокойно улыбнулся. — Лет двадцать назад я бы за вами приударил, Эллис.

— Ну, двадцать лет назад вы были слишком молоды, чтобы я оставила ради вас церковь, — засмеялась Эллис, и от ее глаз побежали веселые морщинки.

— Капитан, — директор, казалось, была в замешательстве. — Я…мне нечем вас отблагодарить, Герт.

— Увезите детей отсюда, — ответил капитан, — Большего мне не надо.

— Возьмите, — Эллис протянула маленькую книжечку. — Я знаю, что вы мусульманин и вам, наверное, нельзя, но…это все, что я могу вам дать.

Герт взял книжечку, и она раскрылась на одной из закладок.

— Это… — он в замешательстве поднял глаза на Боламбе.

— Возьмите, капитан, — мягко, но настойчиво попросила Эллис. — Как знать, может святое слово охранит вас.

— Хорошо, — Дикстра убрал библию в карман. — Я…

— Капитан! — в дверях одного из домиков показался Антуан и яростно замахал руками, будто собираясь сопровождать термоплан до Киншасы.

— Мне пора.

— Да, — кивнула Эллис. — Удачи вам, капитан. Пусть Господь вас охранит.

Дикстра взглянул на сухое, подтянутое лицо Эллис — красавицей была монахиня Боламбе в молодости, да еще какой, — про себя вздохнул капитан, и быстрым шагом пошел к Антуану.

— Есть связь? — коротко спросил он.

— Еще какая! — Рыжик сиял. Со вчерашнего дня он не вылезал из-за рации. Они с Ямагучи перепробовали все, вплоть до морзянки, и сегодня, удача, похоже, им улыбнулась.

Дикстра схватил протянутую рацию.

— Бойер?

— Рад слышать тебя, Герт — у капитана возникло чувство, что Франсуа сидит в соседней комнате. Связь была идеальной. Он бросил взгляд на связиста, и тот расплылся в торжествующей улыбке.

— Докладываю: гражданские в безопасности. Заканчиваем эвакуацию. Примерно через полчаса термоплан вылетает в Апараванту. Оттуда детей перебросят самолетами в Киншасу. Потери среди личного состава — одиннадцать человек из спецотряда и два пилота.

— Твари! — не сдержался майор. — Кто уцелел?

— Аптечка и Рыжик, — Герт оперся о стол, его на мгновение повело — так же, как тогда, в джунглях. Отстранив связиста, он выпрямился и продолжил: — рядовой Антуан Петит, сержант-медик Дидье Лерой и капитан Герт Дикстра.

— Когда мы вернемся в Бельгию, ты получишь майора, Герт, — пообещал Бойер.

— К черту, Франсуа, — Герт устало прикрыл глаза. — У меня почти все парни полегли в этом дерьмовом городе. У кофовцев есть китайские друзья с тяжелым вооружением, вы в курсе?

— В курсе, — мрачно ответил майор. — Эти узкоглазые подонки притащили в Конго пехотные танки! И всю связь в районе похерили — одни китайские народные песни в эфире. Не знаю как, но они глушат спутники связи. У твоего Рыжика голова варит — он каким-то образом передает сигнал по оптоволоконному каналу в Рутшуру. Сматывайтесь из лаборатории — в Конго перебрасывают миротворческий контингент НАТО. Деталей пока не знаю, но, кажется, сюда собираются и американцы. Им, похоже, очень не нравится активность товарищей из Поднебесной. Так что скоро здесь будет совсем жарко.

— Ясно, — под лопаткой остро кольнуло, и Герт поморщился. — Франсуа, ты можешь направить сюда пару вертушек? Чует мое сердце, кофовцы от нас не отвяжутся.

— Только завтра, — вздохнул майор, — Аэродром отбили, эвакуация идет полным ходом, но эти сволочи засели в пригородах. Пилоты сегодня весь день в воздухе. Дел невпроворот — сейчас из Рутшуру даже крысы бегут. Итальянка жива?

— Ни царапины, — хмыкнул Дикстра, — Представляешь?

— С серебряной ложкой во рту родилась, — восхитился майор, — Как я понимаю, вас вывел Джузеппе?

— За шкирку вытащил, — заметил Герт, — Мы бы без него загнулись.

— Молодец парень. Где он там — хочу пару слов сказать.

— Решает семейные проблемы, — улыбнулся Дикстра. — Не до тебя ему.

— Тогда отбой, Герт. Выбирайтесь быстрее.

— Жду вертушек. Отбой.

Капитан выключил рацию.

— По оптоволокну? — недоверчиво спросил он Антуана.

— Ну да, — кивнул Рыжик, — У экологов двусторонний интернет-канал, но не на спутнике, а на стратосферном дирижабле. Похоже, китайцы его проморгали. Так что мы быстренько с Ямагучи наладили айпи-телефонию. Сложнее всего было втолковать ребятам в Рутшуру, кто мы такие и чего хотим.

— Молодец, — Герт положил рацию и шагнул к выходу. — В Бельгии я тебе медаль нарисую и пива поставлю.

— Ну, до Бельгии еще добраться, — пессимистично заметил Ямагучи, выныривая из-за офисной перегородки в глубине комнаты. — Вы уж простите, капитан, что я присутствовал при вашем разговоре с начальством, но — как это говорится в американских боевиках — к нам гости. Я выведу картинку на стену.

На стене высветился расплывчатый квадрат карты, затем Ямагучи подвел резкость.

— Дрянь, — коротко сказал капитан, опускаясь в скрипучее кресло. — До станции километров сорок?

— Сорок два, — уточнил Ямагучи, — Колонна, примерно две сотни бойцов.

— Дорога завалена, значит, примерно к вечеру они будут здесь. — Герт тяжело поднялся. — Рано вы запаковали свою обезьяну, месье Ямагучи.

— Запаковал? — японец чуть заметно улыбнулся. — Что вы, капитан. Юнит был в боксе для подзарядки и тестирования. Джузи с ним довольно небрежно обращался. Но… — Ямагучи взглянул на мерцающую татуировку «живых часов» на запястье, — через два часа он будет в полной боевой готовности. Тогда я сяду за бублик, так, кажется?

— За баранку, — поправил Герт. — И какой план?

— Все очень просто, — Ямагучи вытянул лазерную указку. — Думаю, начать нужно отсюда.

Глава двенадцатая

— Антонио, дружок, сервер на бок не кладут.

— Джузи, откуда я знаю, где у него бок? — возмутился биолог, выпрямляясь. — Что мы вообще в этой пещере делаем?

— Консервируем оставшееся оборудование, — невозмутимо ответил Джузеппе. Он аккуратно поставил сервер и отошел, чтобы оценить картину. — Ну вот, Тони, просто загляденье. Медлаборатория, резервные сервера, автономный блок питания — осталось подсоединить питание, вывести антенну, запечатать и замаскировать вход и все. Пещера сухая, сырости нет, все будет в сохранности.

— И кому нужны эти сокровища Монте-Кристо? — ехидно осведомился Антонио. — Закинули бы все на термоплан и все дела.

— А если придет вертолет? — сказал Джузеппе. — Нам же еще юнита грузить, а в нем веса под тонну. Руководство сказало — законсервировать, значит консервируем.

Он присел в задумчивости над проводами, вертя в руках схему, набросанную Ямагучи:

— Как же все это соединяется?

— Дай я, — Антонио взял у него схему и тоже зачесал в затылке.

— Мальчики, кажется, мы выгнали колонию летучих мышей, — огорченная Лаура заглянула в пещеру. — Они так ругались, вы бы слышали… Тони, кто же подсоединяет провод питания к порту принтера?

— То-то я смотрю, он в разъем не лезет, — Антонио озадаченно повертел в руках провод.

— Погоди, — Лаура деловито отобрала схему. — Ага, ясно. Давай сюда питание.

Биолог покорно вернул провод и Лаура бойко начала подключать сервера. Джузеппе с Антонио, повинуясь жесту маленькой ладони, подавали провода, переставляли сервера по феншую и чувствовали себя полными идиотами.

— Вот и все, — она вытерла ладони и нажала на кнопку пуска. Сервер пискнул и начал загрузку.

— Это унизительно, — Антонио в волнении всплеснул руками. — Я готов застрелиться.

— Не огорчайся, Тони, — рассеянно сказала Лаура. Она подключила антенну и отстучала пару команд на виртуальной клавиатуре, высветившейся на боку сервера. — Ну вот, порядок, данные пошли. Кажется, новостная сводка Ями.

Черт!

— В чем дело? — Джузеппе почувствовал, как холодеют кончики пальцев — точно так же, как вчера, когда он взял ленту новостей.

— Ты хотел пострелять, Тони? — Лаура выпрямилась. — Есть шанс. Колонна боевиков КОФ в сорока километрах от «Итури».

— Мама мия, — ошеломленно выдохнул Тони. — Это же просто фигура речи.

— Fate lesto,[15] мальчики! — Лаура вылетела из пещеры и запрыгнула в джип. — Закрывайте вход и валим в темпе вальса на станцию.

— А в чем срочность? — хмуро спросил Джузеппе, сдвигая ручным домкратом валун. — По дороге они только к вечеру доберутся. Я ее основательно завалил.

— А в том, любовь моя, что им до станции сорок километров, — ласково пояснила Лаура, включая зажигание. — А до нас авангарду километров шесть-восемь. Потому что по правилам военной науки разведгруппы прочесывают территорию не только перед самой колонной на марше, но и по флангам. А на фланге — мы.

— Матерь божья, так что же мы сидим? — Антонио заскочил в джип. — Джузи, ну что ты копаешься!

— Секунду, — Джузеппе сдвинул валун еще на пару сантиметров и окончательно запечатал вход. Он отошел на пару шагов, и забросал вход ветками. — Ну вот, можно ехать.

— Нет, — Лори соскочила на землю и застыла, словно охотничья собака, почуявшая дичь. — Нет, любимый. Ехать поздно. Надо драпать.

Джузеппе молниеносно закинул домкрат в кузов и прыгнул за руль.

— Где? — коротко спросил он, врубая первую передачу. Кажется, тесное общение с специалистами спецдивизиона даром не проходит, мельком подумал он. Еще пара лет — научусь и мины ставить, и мух влет из пистолета бить.

— Два километра на юг, — кивнула Лори, забираясь в кузов. — Если у них есть беспилотник, то уже заметили.

— Как, уже?! — ужаснулся Антонио.

— Тони, я дам тебе берету, — пообещала Лаура, досылая патрон в патронник охотничьего карабина.

— Мама мия, — простонал биолог, оседая в кресле.

— Погнали! — Джузеппе ударил по педали газа, и джип прыгнул вперед.

«Сегодня представители Восточно-азиатского союза заявили, что разгорающийся этнический конфликт в провинции Северный

Киву Демократической республики Конго угрожает безопасности сотрудников китайских горнодобывающих компаний, работающих на территории Тутсиленда.

— По нашим данным, уже погибло четыре специалиста компании «Джинхуан Груп», — заявил глава пресс-службы союза Чжан Ву.

Господин Ву не сообщил имен погибших, а также причин их гибели. Напомним, что вчера авианосец «Шинь Хуанди» покинул плавучую китайскую военно-морскую базу в Индийском океане. По сообщениям наших корреспондентов, он движется курсом в Красное море.

В пресс-службе ВМФ Китая эти данные комментировать отказались.

Между тем продолжаются плановые учения «Антарктида» шестого флота США. По сообщениям блогосферы, вчера авианосное соединение во главе с авианосцем «Энтерпрайз» взяло курс на Сомали. Независимые аналитики утверждают, что Африка стоит на пороге большой войны…»

— Специалисты горнодобывающей компании, как же, — хмуро сказал Дикстра, отключая радио. — Ями, как там наши гости?

— Все по плану, тридцать километров. К вечеру подойдут. Но есть проблема.

— Какая? — Дикстра поднял глаза от разобранного F3000.

— В этом районе, — японец очертил небольшой круг к юго-востоку, — Видишь три зеленые точки?

— Не слепой, — настроение у Герта было ни к черту. Термоплан отлетел час назад и был уже в Апараванте. К вечеру детей доставят в Киншасу. Следующий рейс — завтра утром. Но до него еще дожить надо.

— Это Джузи, Лаура и Тони, — пояснил Ямагучи. — Они отвозили часть оборудования, там у нас резервный склад. А красные точки видишь?

— Ты что, офтальмолог? — от обходительной вкрадчивости японца Герт начинал уже закипать. — Дело говори.

— Это разведгруппа боевиков, — сказал Ямагучи. — Берут в кольцо. Но наши должны оторваться, если только разведка не на «прыгунках».

— А если они на джамперах? — Герт быстро собирал автомат.

— Тогда плохо дело, — вздохнул Ямагучи. — У них один карабин на троих и беретта Лори. Вся надежда на нее.

— Ямагучи, ты кретин? — капитан в бешенстве защелкнул магазин. — Кто же без поддержки отправляет группу прямиком во фронт наступающего противника?

— Спасибо, капитан, со мной все в порядке — спокойно возразил Ямагучи. — Ребята ускакали рано утром, еще до того, как сеть зафиксировала основную колонну. Я не стал их отзывать, потому что склад далеко на восток от основной линии наступления. Шанс, что разведка боевиков наткнется на них, был невелик.

— Молодец, — с сарказмом отозвался Герт. — Все продумал. Как разведгруппа оказалась так далеко от основной колонны? И козе понятно, что они на прыгунках. Поднимай свою гориллу, надо спасать ребят. Мне нужен джип, пара рейнджеров и навигатор с данными сети.

— Все готово, — японец протянул сенсорный планшет. — Жозеф и Луи ждут у крыльца. Ваши бойцы тоже там. Юнит стоит под газом.

— Под парами, — буркнул капитан, раздраженно хлопая дверью. — Математик, чтоб тебя.

Он спустился по скрипучим ступенькам и оглядел свою небольшую спасательную команду — Антуан, Дидье и пара рейнджеров с карабинами наперевес.

— Ну что, ребятки, разомнемся?

— Вам бы не разминаться, а на операционный стол прилечь, — заметил Дидье.

— Поговори мне еще, — Дикстра развернул леденец и закинул в рот. — Спасители горилл, куда ехать, знаете?

— Луи довезет, — ответил здоровенный рейнджер.

— Будет трудно, — предупредил капитан. — Там разведгруппа кофовцев.

— За Джузи, Тони и муазель Лауру мы слону хобот голыми руками оторвем, — серьезно ответил рейнджер, проводя рукой по отполированному черепу. — Жозеф обещает.

— Тогда вперед, — капитан осторожно забрался джип, прислушиваясь к собственному телу — «гвозди» сидели тихо. — Инструктаж по дороге, бойцы.

— Джузи, стоп! — скомандовала Лаура. Джузеппе ударил по тормозам, Антонио швырнуло вперед, и он едва не врезался в лобовое стекло.

— Мадонна, — выдавил биолог, — Джузи, ты хочешь меня убить?

— Этим боевики займутся, — мрачно заметила Лаура, — Глуши мотор, Джуз, шумит.

Ланче выключил зажигание, и тишина окружила машину. Тишина, сквозь которую постепенно проступали редкие крики птиц и жужжание насекомых. Жаркий полдень стоял в лесах Вирунги и горячий душный воздух медленно струился вокруг

них, лип к рукам и лениво затекал в легкие при вдохе.

Лаура выпрямилась в кузове, сжимая карабин, и пристально смотрела куда-то вдаль над верхушками деревьев.

— Что там, Лори? — Джузеппе обежал глазами небо, но ничего не заметил.

Лаура молниеносно вздернула карабин, и лесную тишь перечеркнул выстрел. Тони вздрогнул и вжался в кресло.

— Что такое?!

— Теперь ничего, — она кинула карабин Джузеппе, — Как и говорила, беспилотник звенел. Правда, поздно — нас уже заметили.

— Матерь божья. — Тони обхватил руками голову, — они нас прикончат.

— Не исключено, — Лаура вытянула берету из-за отворота куртки, и спрыгнула на землю. — Но мы побарахтаемся. Тони, лучше спрячься под джип. Джузи, справа, на два часа, через пять минут появится первый.

Антонио торопливо выскочил из машины и, пыхтя, проворно забрался под днище.

Джузеппе соскочил на дорогу и залег за чешуйчатым стволом пальмы.

— Тихо, — Лаура приникла к нему, — Сейчас вынырнет. Шумит, как паровоз.

Теперь и сам Джузеппе различал усиливающийся треск и размеренный механический шум. Неужели…

Проломив густую стену фикусов, разросшихся на краю просеки, на дорогу выпрыгнул пехотинец. Фигуру его опутывали связки проводов, а вдоль спины вторым позвоночником змеился столб экзоскелета, отливающий тусклым блеском. В районе таза и плеч он расходился блестящим ажурным корсетом, из которого вырастали длинные конечности ножного и ручного привода. Голову бойца закрывал глухой оливковый шлем. Разведчик походил на уродливого металлического кузнечика. Он стремительно повернулся, ловя в прицел застывший джип. Джузеппе услышал визг серво-привода, ствол пулемета сместился ниже, выцеливая скорчившегося Тони, но затем дернулся наискось, к пальме, за которой спрятался Джузеппе. Пуля беретты ударила в пулеметный ствол, высекла короткую злую искру, и очередь разнесла в щепу соседнее дерево.

— Твою мать! — Лаура присела на одно колено и ее беретта заговорила быстрой скороговоркой. — Джузи, надо добить его! Второй на подходе!

Ланче очнулся, вздернул карабин и послал пулю в блистающую в полуденном солнце фигуру, отступавшую под

свинцовым градом Лори.

— В голову! — коротко бросила Лаура, уходя в кувырок, в непроглядную зелень высоких кустов. Землю позади нее взрыла очередь, пара пуль со злым жужжанием прошли рядом с Джузеппе. Он скорчился в корнях, и лишь на секунду выглядывая, бил одиночными выстрелами. Он метил в голову, но, похоже, больше проблем разведчику доставляла Лори. Боевик волчком крутился на месте, поливая очередями лес, откуда летели пули, каждый раз находя уязвимые места — сочленения приводов и швы кевларовых пластин.

На неприцельный огонь Ланче он не обращал особого внимания, лишь подергиваясь, как лошадь, когда ее кусают слепни.

«Сволочь!» — в отчаянии подумал Джузеппе.

Берета вдруг смолкла, следом за ней стих пулемет, и сердце Ланче оборвалось.

Он стиснул приклад карабина и медленно поднялся на ноги.

В голове была пустота, только внутри, где-то под кадыком билась невыразимая птица — черная, как Африка, и красная как кровь, птица горя и ярости.

— Лори, — шепотом позвал он — не надо громко, она ведь услышит любой звук, но ответом были лишь размеренные механические шаги, приближавшиеся к нему.

— Конец тебе, мзунгу, — хрипло засмеялся разведчик, и Джузеппе, не помня себя, выскочил из-за дерева, посылая пулю вслепую, в молоко, на звук голоса, лишь бы только достать эту сволочь.

Его нелепый выстрел раздробил лицевую пластину шлема, откидывая боевика назад. И из леса ударила долгая очередь автоматической береты Tunderstorm — прошивая кевларовые шейные пластины бронежилета, разнося вдребезги правый плечевой привод.

Кофовец булькнул, выплевывая кровавые сгустки, и повалился на землю.

Пригибаясь к земле, Лаура вынырнула из леса, сжимая пистолет обеими руками.

— Молодец, Джузи, — похвалила она, — Хороший выстрел. Тони, вылезай.

— Лори… — выдавил Ланче.

— Джузи, быстрее, — она подтолкнула его в машине, — Второй вот-вот появится, а у меня всего одна «урановая» обойма и та полупустая.

Джузеппе медленно, как во сне, пошел к машине. Ноги плохо его слушались.

— Джузи, шевелись! — Лаура подскочила к нему и отвесила полновесную пощечину. Секунду подумала, обняла и так же страстно поцеловала.

Оторвалась и оценивающе посмотрела на него.

— Полегчало?

— Это новый этап наших отношений, — Джузеппе потер горящую щеку.

— Да, ты помог мне убить плохого парня, — Лаура пихнула его к машине. — Быстрее, второй уже рядом.

— Господи, — Антонио оторвал руки от дверцы, в которую вцепился и истово перекрестился, — Мама всегда хотела, чтобы я стал священником. Или поваром. А мне всегда казалось, что биолог — такая мирная профессия. Что вы сделали с этим бандитом?

— Лекцию прочитали, — мрачно сказала Лаура, запрыгивая в кузов. — О вреде обедненного урана для организма. Гони, Джуз, у нас меньше минуты!

Джузеппе бросил карабин на колени Антонио, и едва заведя мотор, бросил джип вперед.

— Что мне с этим делать? — спросил Тони.

— Заряди, — велел Джузеппе, следя за дорогой.

— Джузи, ты весь магазин расстрелял, — озадаченно сказал Тони, защелкивая патроны.

— Значит, повезло, — вздохнул Ланче. Его понемногу отпускало — этот бой был совсем не похож на вчерашнюю бойню возле Бени. Тогда все походило на компьютерный шутер, где ему ничего не угрожало — надо было лишь выполнить миссию и обезвредить ботов. Что с помощью Ямагучи было не так уж и сложно. Но сейчас — руки на руле дрожали, и Джузеппе не был уверен, что это дрожь от мотора и вибрации шин. Он стрелял в человека, он помог его убить. Как не оправдывайся, как не говори о том, что иначе бы он сам погиб, и что это был профессиональный наемник, на счету которого десятки, а может сотни невинных жизней — все равно он убил человека. Он биолог и этолог и его жизнь не должна быть связана со смертью людей. Он познает жизнь, а не отнимает ее.

«Лори, малышка, зачем ты выбрала себе такую судьбу, — у Джузеппе защипало в горле. — Значит, *там* ты холодная, быстрая, безжалостная. Слишком сильная…»

— Господи! — выдохнул Тони, оборачиваясь назад. — Джузи, он нас нагоняет!

Позади ударил пулемет. Пули дырявили плотные кожистые листы гивей, дробили пальмовые стволы, рубили ажурные веера папоротников. Беретта Лары молчала — видимо, разведчик был

далеко, а на полном ходу, на удачу, тратить драгоценные урановые пули Лори не рисковала.

— Оторвемся, — звонко засмеялась она, — Отстает.

Странное напряжение почудилось Джузеппе в ее голосе, он на секунду отвлекся, и джип занесло на повороте, стащило с дороги в лес. Он закрутил руль, пытаясь вернуть машину в колею, но в районе правого колеса раздался глухой хлопок, и джип опрокинуло на бок.

Глава тринадцатая

— …Жозеф, справа! — звенел голос над ним и Джузеппе никак не могу понять, кому он принадлежит.

Ланче открыл глаза. Голова гудела, в ушах что-то гремело и щелкало. Казалось, он бредит — рядом стоял сгусток леса, составленный из широких глянцевитых листов фикусов, светлой паутины папоротников, редких солнечных пятен и густой тени. Он сжимал металлический обрубок, на конце которого трепетал огненный цветок.

Джузеппе моргнул. Картина мира сместилась в привычную плоскость — он лежал на спине, вверх уходили высокие стволы, сплетаясь где-то вышине ветвями, листьями, лианами в плотную сеть, едва пропускавшую редкие солнечные лучи. А рядом с колена бил короткими очередями один из ооновцев. Электрохромный камуфляж скрадывал очертания его фигуры, смазывал движения, и глаз обманывался. Чудилось, что боец то исчезает, то вновь появляется в пространстве.

— Дидье — вспомнил Джузеппе имя и приподнялся.

— Очнулись? — обрадовался медик, повернув голову — рисунок камуфляжа слегка изменился. — Повезло вам. Опоздай мы на пару минут…

Он сместился в сторону, из воздуха на землю выпал пустой магазин.

— …и вам крышка, — Дидье со щелчком вогнал второй магазин на место.

— Рыжик, он с фланга заходит, куда ты смотришь! — заорал он. — Капитан, биолог очнулся. Нет, который бородатый. Второй давно бордячком, ни царапины. Откуда я знаю, где она — у меня на мониторе только вы с Рыжиком, и наша обезьянка. Есть не дерзить.

— Лаура? — Джузеппе рывком сел. — Где мой карабин?

— Лежите, старина, у вас сотрясение, — посоветовал медик, — Ничего с вашей девушкой не случится. Когда мы подошли, она уже умудрилась в одиночку «прыгунка» завалить. Выбрали вы себе даму сердца, скажу я вам.

— Патроны, — пробормотал Джузеппе, мотая головой. Его качало и подташнивало. — Меньше обоймы.

— Вы о чем? — не понял Дидье, пригибаясь от очереди, прошедший поверху. — Эх, Шарля бы сюда.

— Карабин, — Джузеппе встал на четвереньки и огляделся. Они находились метрах в двадцати от дороги. На повороте чадил черным дымом сгоревший джип, от него по широкой прогалине,

заросшей высоким папоротником, тянулась темная полоса сломанных растений — должно быть, это Лаура с Тони тащили его в лес. Возле джипа, сложившись пополам, застыла фигура в экзоскелете.

А в джунглях кипел бой — Ланче мог лишь угадывать, что там происходит: по звукам выстрелов, редким вспышкам, и стремительному движению в лесу.

— Лежите, я вам сказал! — Дидье с силой придавил его к земле.

— Не могу, — Джузеппе упрямо вставал. — Карабин…

— Дался вам этот карабин, — посетовал сержант. — Держите.

Ланче с силой ухватился за приклад и поднялся на ноги.

— Все, — неожиданно сказал сержант. — Отпрыгались.

— Что все? — тупо переспросил Джузеппе, бессмысленно сжимая оружие.

— Нет разведгруппы, — пояснил медик. — Ваша мирная обезьяна всех замирила.

— Юнит убивать не может, — вяло возразил Джузеппе. Туман в голове никак не желал рассеиваться.

— Я заметил, — ирония в голосе сержанта-медика перехлестывала через край.

— Что?! — воскликнул он вдруг и сорвался с места.

Джузеппе двинулся следом, сам не зная зачем — что-то царапнуло изнутри. Он махнул Тони, возникшему откуда-то, миновал дымящиеся останки джипа, в каком-то забытьи перешел дорогу, все ускоряя шаг, пока не перешел на неуклюжий бег. Карабин мешал ему, но бросить оружие было почему-то нельзя. Джузеппе мчался сквозь дымный липкий воздух, в котором покачивались воронкообразные и растопыренные листья, сочащиеся влагой и бордовыми каплями, сквозь торжествующий растительный хаос подлеска и темные готические аллеи высокого леса, где каждый шаг казался последним — то в темноту, то в свет, вперед и вперед, пока этот сомнамбулический бег не вынес его вновь к краю дороги.

— Мвана Джузеппе, — Жозеф растерянно шагнул к нему, заслоняя широкой спиной Дидье и капитана Дикстру, склонившихся над…

Джузеппе молча отодвинул рейнджера, и встал как вкопанный.

Лаура часто, с тяжелым хрипом дышала. На губах ее лопались кровавые пузыри, а на куртке все шире расплывалось ярко-алое пятно.

— Пневмоторакс, — Дидье будто выругался. — Машину, срочно!

Их накрыла большая тень. Джузеппе поднял глаза.

— Ями, — пробормотал он, глядя в огромные провалы обезьяньих зрачков. — Ты же быстрее ее донесешь.

Горилла покачала остроконечной головой, садясь на траву.

— Рану надо зажимать, — сказал Ямагучи, и его высокий голос совсем не вязался с громадной черной фигурой.

Джузеппе не помнил, как подъехал Луи, и они погрузили Лори в машину, как он сел рядом, не помнил дороги — в памяти остались лишь ухабы, от каждого из которых умирало сердце, и его рука. Правая рука со скомканной рубашкой, намертво прижатая к груди Лори — чтобы ни капля крови не просочилась наружу, ни молекула воздуха не проникла в легкие через рану.

Кажется, Дидье никак не мог оторвать его ладонь, и ласково уговаривал убрать руку, потому что они приехали, и все будет в порядке, но в операционную ему нельзя, потому что нельзя, уведите же его, Тони, наконец…

— Какой ужас, — Ренье растерянно ходил перед закрытой дверью оперблока. — Джузеппе, дружище, вы только не волнуйтесь. У нас же прекрасное оборудование, помните, в начале года у Тони коренной зуб рвали…

— Что я несу, — осекся директор. — Джузи, простите старого дурака.

Джузеппе смотрел в пол. В голове у него без конца крутился один и тот же ролик, нарезка кадров: он с Лори в машине, и кровь, сочащаяся сквозь ткань и пальцы. Снова и снова он видел только это. И внутри билась одна мысль — «это он виноват».

Ренье вздохнул, хотел что-то сказать, но бессильно опустил руки, и вновь нервно зашагал перед дверью.

Когда, через мучительную бесконечность, она распахнулась, директор не успел даже обернуться — Джузеппе уже стоял перед Дидье.

— Все хорошо, — сержант устало улыбнулся, снимая стерильные перчатки. — Ничего страшного, Джузи. У вас отличный медкомплекс, автоматика почти все сделала сама. Держите.

Он вложил в ладонь Джузеппе тусклый комочек свинца.

— Сувенир, — подмигнул Дидье, — Подарите девушке, когда очнется. Все в норме. Будет маленький шрам, но с ним любой салон пластики справится. Хотя можно и оставить — для пикантности.

Он подмигнул Ланче, который непонимающе смотрел на него.

— Лори… — хрипло пробормотал биолог.

— Джузи, вам бы прилечь, — озабоченно сказал сержант, —

Директор, уведите его.

— Лори, — повторил Джузеппе, вырываясь из рук Ренье и шагая вперед, за спину Дидье, в операционную, к извивам каштановых волос, к завиткам и кудряшкам, к нежной коже.

— Тихо, тихо, — сержант умело оттеснил его и быстро закрыл дверь.

— Идите спать, Джузеппе, — он пристально поглядел в измученные, лихорадочные глаза биолога. — Я вам обещаю — все будет нормально. Состояние стабильное, ей надо отдохнуть. И вам тоже. А завтра все дружно улетим далеко-далеко и забудем это как страшный сон. Договорились?

Джузеппе кивнул — и силы, и слова у него кончились.

— Вот и славно, — вздохнул сержант. — Директор, уведите же его, наконец.

Джузеппе не думал, что сможет заснуть хотя бы на секунду. В комнате все напоминало о ней: рассыпанные тюбики и баночки с кремами, тушь, помады, расчески, одежда — Лори не отличалась аккуратностью, но едва он сел на кровать, как его с неудержимой силой повело, и он провалился в глубокий и стремительный сон. Ему не снилось ничего.

Глава четырнадцатая

К вечеру батальон капитана Суламбали занял позиции в шести километрах от полевой станции «Итури».

Капитан постучал пальцами по столу, изучая данные разведки. Оставшееся расстояние надо пройти одним рывком. Штурмовать лучше утром, но одна из разведгрупп не вернулась. Они передали, что преследуют джип с гражданскими, а потом… Жозе поморщился, вспоминая последнее донесение. Они нарвались на эту кибернетическую тварь.

Штурмовать надо утром, но придется ночью. Нсото уже пронюхал про гибель китайцев — судя по последнему сеансу связи, он от ярости заплевал весь микрофон. Еще бы — такой щелчок по носу его драгоценным союзникам. Завтра капитана Суламбали уже могут подвинуть — генерал вполне может перебросить сюда пару подразделений.

К тому же если знает Нсото, то китайцы уж тем более в курсе. А Жозе меньше всего хотел отвечать на вопросы тихих товарищей из министерства государственной безопасности КНР.

Интерактивная карта мерцала на столе. Капитан задумчиво склонился над ней, когда в очерченный красным круг цели приземлился кузнечик. Замер, поводя усиками, и потер задние лапки.

Жозе сбил его щелчком.

Разведка была в «прыгунках», но им это не помогло. Прямого столкновения с гориллой не пережил даже Лю Шин. На стороне Суламбали — только численное преимущество. Но с большим числом пешек можно одолеть даже ферзя — если он один на доске.

— Капитан, — подошел Паскале — Все готово — гамак подвешен, ваша любимая подушка, все, как велели.

— Какой гамак?! — вскипел Жозе. — Через четыре часа штурм.

— Ночью?! — ужаснулся сержант. — Ничего же не видно. Мы же пятьдесят километров отмахали по этим горам.

— Паскале, дружок, — капитан нехорошо прищурился. — Еще слово, и ты пойдешь в первой волне. С одним мачете. Лейтенантов сюда, живо!

— Так точно, — отрапортовал сержант и замялся. — Капитан, а это правда, что мы охотимся на дьявола?

Суламбали еще раз горько пожалел, что не успел заткнуть рот связисту. Теперь по всему лагерю ходят слухи о загадочном Замба Мангей — ужасе лесов Вирунги.

— Чтобы через пять минут лейтенанты были здесь! — рявкнул Жозе. — Всему личному составу — общий сбор!

Паскале сорвался с места, а капитан раздраженно прошелся вдоль стола.

Атаковать надо сейчас, понял он. Иначе паника разъест батальон сильнее, чем серная кислота пальцы майора Лю Шина. Суламбали слишком хорошо знал своих солдат — жестоких и суеверных, боящихся любого намека на колдовство. И капитан знал всего лишь один способ лишить их всякого страха.

Жозе достал из палатки небольшой ящик, открыл его и пересчитал ампулы.

На две трети бойцов должно хватить, прикинул он, остальные заведутся, попав под общую волну.

Он взглянул на север, туда, где за голубеющими в вечернем тумане лесами, волной перекатывающими через пологий отрог, располагалась лаборатория «Итури» и хищно оскалился:

— Чтобы поймать демона, надо стать им.

«…силами высадившего в Рутшуру батальона морской пехоты США. Часть сепаратистов отступает к городу Бени, сам же генерал Нсото закрепился к югу от города. Командующий десантным корпусом морской пехоты США генерал Хуан Мартинес заявил, что в боевых действиях на стороне Нсото принимают участие китайские военные.

— Мы располагаем неопровержимыми данными, что Китай поддерживает военную авантюру генерала Нсото, — заявил генерал Мартинес. — Причем не только снабжает его оружием и оборудованием, но и направляет в зону боевых действий военных специалистов.

В свою очередь МИД КНР опроверг это заявление, назвав все обвинения США беспочвенными фантазиями. Заметим, что на поддержку авианосца «Шинь Хуанди», находящегося в Аденском заливе, направлены два эсминца Восточно-азиатского союза. В тоже время стало известно, что НАТО намерено усилить миротворческий контингент в зоне конфликта — уже завтра туда отправляется около тысячи немецких и французских военнослужащих. С резким осуждением разгорающегося конфликта в Конго выступил и глава эко-бюро ЮНЕСКО Джеймс Ковальски.

Он не исключил возможности установления протектората ЮНЕСКО в национальном парке Вирунги и введения эко-войск ООН на территорию ДРК.

Между тем патриарх Русской православной церкви Мефодий заявил, что РПЦ не намерено сворачивать миссионерскую деятельность в Центральной Африке. Напомним, что сегодня в

Африке действует свыше тысячи русских православных мисс…»

— Капитан, взгляните лучше сюда, — Ямагучи уменьшил громкость и протянул Дикстре новостную ленту.

— Бой в районе Бени? — он поднял глаза на японца. — Китайцы уничтожили взвод морпехов?

— Им не повезло, они высадились прямо перед танками на марше, — пояснил Ямагучи, — Дела хуже некуда. Как вы думаете, куда так торопились китайцы?

— Ясно дело, не чай с круассанами пить, — Дикстра озабоченно забарабанил пальцами по столу. — Где термоплан? Нужно эвакуироваться прямо сейчас.

— Уже связался, — сказал Ямагучи, — Но они будут не раньше пяти часов утра.

— Значит, нужно продержаться, — Герт поморщился — под лопаткой пульсировал комок раскаленных игл, взрывающийся острой болью при каждом резком движении. Как и предсказывал Дидье, гнездо проснулось во время боя.

С блокиратором капитан медлил — хотел выгадать побольше времени, но, похоже, больше ждать было нельзя.

— Все готово к эвакуации? — он с трудом поднялся.

— Кроме всего этого, — Ямагучи обвел руками ангар, куда перетащили все оборудование информационного отдела, которое нельзя было отключить и упаковать. — И обслуживающей аппаратуры юнита. Придется оставить. Юнита грузим в последнюю очередь.

— Это понятно, — Герт прикрыл глаза, пережидая очередной приступ. — А как Лаура?

— Дидье извлек пулю, она спит. Вам бы тоже не мешало вздремнуть пару часов, выглядите вы мерзко, капитан, — сочувственно заметил японец.

— На том свете отосплюсь, — Дикстра медленно и осторожно направился к двери. — Я в оперблоке, если что. Надеюсь, до утра у нас время есть.

Дверь за ним закрылась.

Ямагучи щелкнул по сенсору виртфейса, и с головой нырнул в голографическое облако.

Чтобы через секунду вынырнуть с расширенными зрачками.

— Уже нет времени, месье Дикстра, — выдохнул он, запрыгивая в управляющий ложемент юнита.

Глава пятнадцатая

Джузеппе проснулся внезапно — сон не пронес облегчения, тело было по-прежнему вялым, а голова тяжелой. Он словно плыл против течения, бился за каждый сантиметр и вдруг выпал на берег — воды сна отпустили его и стремительно отхлынули.

Секунду он лежал с открытыми глазами — узкие щели жалюзи дробили свет солнечного фонаря[16] у крыльца на ровные полосы, которые входили в темноту комнаты.

А потом он услышал выстрелы. Стреляли в джунглях — этот сбивчивый треск китайских АК он будет узнавать до самой смерти.

Ланче рывком поднялся и понял, что заснул в одежде. Но сейчас это было на руку — он распахнул дверь и столкнулся с Ренье.

— Слава богу, вы не спите! — даже в слабом свете фонаря Джузеппе увидел, что директор белее мела. — Они начали штурм. Господи, термоплан прилетит только через три часа!

— Где юнит? — Джузеппе оглядел площадку перед станцией — на ней не было никого, лишь окна оперблока приглушенно горели, да из-под двери ангара пробивалась узкая полоска света.

— В джунглях, вместе с ооновцами и рейнджерами. Куда вы, Джузеппе?!

— Ями нужна помощь, — бросил на ходу Ланче.

— А как же Лаура? Ее нужно подготовить, мне нужно разобраться с оставшимися бумагами, — директор развел руками.

Джузеппе замер, потом решительно направился к ангару:

— Тони поможет.

В стандартном ложементе Ямагучи казался ребенком. На обычно бесстрастном лице бродила слабая улыбка. Джузеппе бросил взгляд на полотно юнискрина, неровными мазками напыленное прямо на стену и его передернуло.

Он и представить не мог, какая бездна скрывается в тихом японце. Ямагучи был в своей стихии — стихии боя, яростного, молниеносного и беспощадного. То, что он вытворял с юнитом, Джузеппе даже и не снилось. Ланче содрогнулся, представив, как выглядит эта схватка там, в ночном лесу, когда зеленоватую тьму прорезают беспорядочные всполохи выстрелов, ветви и листья наотмашь хлещут по лицу, срывая ноктовизоры, и одного за другим бойцов настигает сгусток ночи — быстрее молнии, неотразимей пули. Ужас, от которого нельзя ни спрятаться, ни убежать.

— Выспался, Джузи? — поинтересовались динамики. — Да не

вздрагивай, картинка из ангара тоже ко мне транслируется. Погляди, пожалуйста, сводку лингвоанализатора, я тут немного занят, отключил ее.

— Какой период? — Джузеппе пролистал ленту.

— Последние два часа.

— Тут переговоры кофовцев, — задумался Ланче. — Ага, час назад они начали атаку. Первое соприкосновение с юнитом…

— Это я знаю, — нетерпеливо оборвал Ямагучи.

Джузеппе взглянул на мерцающую стену и вздрогнул:

— Ями, он же себе так все кости переломает.

— Поправка к директиве один, — с кровожадной радостью сообщил Ямагучи. — Запрещены только прямые летальные действия. Кто к нам с мечом, того мы нагнем.

— Ями, сейчас не время, но все-таки, — как ты учил английский? — поинтересовался Джузеппе.

— В постели американской студентки, — хмыкнул Ямагучи, — Язык любви, сам понимаешь. Что-нибудь интересное есть?

— Ничего, кроме воплей боевиков, — Джузеппе пролистал ленту до конца. — Обкуренные они, что ли? Стоп, а это что?

— Что? — напряженно спросил Ямагучи.

— Абракадабра какая-то — озадаченно пробормотал Джузеппе. — Хотя попадаются внятные куски. В общем, сообщение о бое, приказ выдвигаться, дальше непонятно…

— Армейский словарь! — прорычал Ямагучи, — Кретин, я не подключил его. Джузи, смени меня, быстрее.

Не дожидаясь завершения процедуры выхода, он стянул лицевую видеопанель, и со стоном начал отлеплять сенсорные ленты. Джузеппе очень хорошо понимал, каково ему сейчас. После вчерашнего сеанса Ланче крутило больше часа — организм возвращался в привычное человеческое состояние. Что сейчас испытывал Ями, после работы в режиме полной эмуляции сознания, Джузеппе даже представить было страшно.

Японец слез с ложемента, и пошатываясь, с закрытыми глазами шагнул вперед, что-то нащупывая на столе.

— Ями, тебе прилечь надо, — озабоченно заметил Джузеппе.

— Некогда, — пробормотал Ямагучи, — Ага, вот они.

Он надел солнечные очки и со вздохом облегчения огляделся.

— У нас гости.

— Еще?! — ужаснулся Джузеппе.

— Многовато народу, да? — Ямагучи уже уверенней подсел к лэптопу. — Джузи, быстрее, Дикстра один не продержится.

— А ты? — спросил Джузеппе, торопливо прилепляя еще теплые сенсорные ленты.

— Я подправлю лингвоанализатор и потом сменю тебя, — Ямагучи словно месил ладонями воображаемое тесто, и пространство опенклауда вздрагивало, распухало дополнительными областями, постепенно обнимая его. — К нам китайцы пожаловали.

— Твою мать! — Джузеппе вставил в разъем новую полимерную капу и сжал ее зубами.

Смена профиля — Джузеппе Ланче. Тестирование организма оператора: моторика — норма, скорость передачи нервных импульсов — норма, время отклика — норма, потенциал дуальности сознания — 98 %, эмоциональная нестабильность легкой степени, повышенное внутричерепное давление. Приоритет один — выполнено. Запуск режима эмуляции сознания.

— Джузи, стоп! Ты в этом режиме не работал, — вскинулся Ямагучи, но было поздно.

Грохочущий вихрь подхватил Джузеппе, взметнул его выше ангара, леса, гор Вирунги и метеором ударил о землю, рассыпая на миллиарды стремительно гаснущих искр.

— Вторая волна, капитан!

— Вижу, — буркнул Дикстра. В мониторе шлема неудержимо накатывала масса красных точек. А перед ней мерцала редкая цепь из шести зеленых огоньков.

Он поднял лицевую панель и взглянул в жаркое лицо африканской ночи — густой и непроглядной, тьму которой они расцветили огнем и кровью. Прислушался к ее голосу — переполненному стонами и хрипами, на которые фоном ложились шорох и звон насекомых, шепот листвы и еще — далекий слитный гул.

И он становился все громче.

Герт знал, что это.

Невнятное, коверкающее сотни ртов мычание, с которым шли вперед бойцы КОФ. Полуголые, с сияющими узорами «живых» татуировок, извивающихся и пляшущих при каждом шаге, с мерцающими полосами аэрозольных юнискринов поперек торса, в которых крутилась одна и та же фраза на лингала. Раз за разом, свиваясь в бесконечное кольцо змеи, глотающей собственный хвост.

Дикстра знал, что вторая волна будет страшней, чем первая.

— О Африка, черная дева, не дай мне уснуть в объятьях твоих, что удава колец неразрывней, — пробормотал Герт.

— Что вы сказали, капитан? — переспросил Антуан.

— Так, стишки на досуге, — Дикстра поднялся. Системные

часы показывали полчетвертого. Надо продержать всего полтора часа.

— Вызывай Бойера, Рыжик. Он обещал вертушки полчаса назад.

— Стихи? — изумился связист. — Дайте почитать.

— База, Рыжик, база. — Дикстра опустил лицевую панель. — Стихи потом.

— Капитан, вертушки только вылетели, — спустя минуту отрапортовал связист. — Будут через полчаса. На Бойера переводить?

— Не надо, он и так в курсе. Сообщи, что пока потерь нет, но будут, если мы не дождемся поддержки с воздуха. У них, на базе будут, — уточнил Герт, изучая позиции противника. Его беспокоила группа, оторвавшаяся от основных сил и забравшаяся довольно далеко на восток.

«С фланга решили зайти, — подумал Дикстра. — Без этой сенсорной сети было бы худо. Но как закрыть дырку?»

Для Жозефа и Луи у Дикстра запасных боекостюмов не было, поэтому они держались рядом с Дидье и работали по его целеуказаниям. Отправлять всю троицу на перехват — неразумно, срывать с места юнита — тем более. Он был их единственным козырем.

— Дидье, присматривай за этими ребятами, — Герт скинул медику оперативный пакет. — Могут заглянуть.

— Понял, буду гостеприимен, — короткая передышка пошла сержанту на пользу. — Как самочувствие, капитан?

— Терпимо, — соврал Герт. Проклятые «гвозди» не давали ему даже вздохнуть спокойно — боль под лопаткой становилась невыносимой.

— Капитан, вам осталось максимум четыре часа, — серьезно сказал Дидье. — Как вы еще на ногах держитесь?

— За ветки хватаюсь, — отмахнулся Дикстра и согнулся пополам — грудь прострелил сильнейший спазм боли.

— Капитан, капитан? — голос Дидье бился в наушниках, а Герт, беззвучно шипя, вогнал в предплечье шприц с «колыбельной».

— Норма, — выдохнул он. Боль неохотно отступала.

— Да? — с сомнением отозвался сержант. — А у меня индикатор самочувствия совсем другое показывает. Капитан, надеюсь, вы себе ничего не вкалываете? Блокиратор с антишоковыми препаратами не сочетается.

— Противник в зоне поражения. Работаем! — отрубил Герт, бросая тело во тьму джунглей, навстречу набегающей волне безумия: палящего из всех стволов, сверкающего лезвиями

мачете, рвущего искаженными ртами душный воздух ночи.

Глава шестнадцатая

Я…он…мы…я…он…мы
есть
быть
наличествовать
существование недоказуемо
я-он-мы есть?
я не могу усомниться только в своем сомнении
некорректный вход в режим эмуляции
сбой моделирования
мы-он-я есть
— Джузи, ты слышишь меня? Джузи, сосредоточься на себе. На самом важном для себя, не уходи в систему, Джуз…
Да, и у ветра есть
сердце. Он плачет, когда
меч рассекает
его. Лишь моя боль
говорит — я жив
сбой моделирования
Я-мы-он…Лаура, Лори, Лори!

Нерасчлененность, слитность бытия расслоилась, и из мерцающего урагана, в котором слились воедино все пять человеческих и десятки машинных чувств, выявилась, собралась в сияющую точку самосознания структура…

— Я Джузеппе Ланче! — биолог не знал, чем он это сказал — он не чувствовал своего тела, и одновременно чувствовал огромность другого тела — тоже принадлежавшего ему со всей очевидностью.

Это его лапы: громадные, чернее антрацита пальцы, его ноги, каждая из которых могла переломить хребет слону, его сила — неудержимая, гудящая в каждом сантиметре тела. Это он видел во всем спектре, слышал все, что происходит в нескольких километрах вокруг, и в тоже время видел изгиб планеты, треугольник африканского континента, извилистую горную цепь Вирунги, раскинувшуюся в разрыве цепи Великих африканских озер.

Образы накладывались друг друга, сменяли друг друга с быстротой калейдоскопа: обзор ангара с четырех камер, встревоженное лицо Ямагучи крупным планом, тактическая карта

с россыпью красных точек, почти смешавшихся с редкими зелеными огоньками, нити дорог и тропинок, пунктиры авиамаршрутов, оранжевые группы животных — к некоторым его сильно притягивало…

— Джузи, собирайся быстрее, нам нужна твоя помощь. Лори нужна.

«Лори! — Джузеппе «моргнул» и вся неактуальная информация исчезла, свернулась в клубок, за тонкие нити которого стоило лишь потянуть, чтобы получить все необходимое. Осталась только тактическая карта, позиция союзников, и положение противника, к которому протянулся веер линий атаки. — Лори, я иду».

Герт шел вперед — неудержимым, стремительным шагом, и его понемногу тоже захлестывал яростный транс, который гнал в бой бойцов Суламбали.

Дикстра потерял чувство земли под ногами — казалось, он плыл в зеленоватой тьме, разрываемой вспышками выстрелов, маневрировал, уклонялся, стрелял, как в тире — «одна пуля — одна цель». Камуфляж работал на износ, сажая батарею костюма, но Герта это не волновало — бесплотным призраком он танцевал перед беснующейся линией бойцов Суламбали, потерявших человеческий облик.

Он танцевал и не видел, что заходящая с фланга группа ушла с линии огневого соприкосновения, обогнула позицию Дидье и находится на расстоянии марш-броска к лаборатории.

— Капитан, вертушки на подходе! — пробился сквозь горячечное марево боя голос Антуана. — Отступаем.

— Стоять! — прохрипел Дикстра, сбивая с ног боевика. Короткий удар ножа, прямо в пылающий на животе широкий мазок юнискрина, поворот — очередь швыряет наземь второго, третий, пуская пузыри пены, жмет на курок и «калашников» содрогается в его руках… Громадный сгусток тьмы придавил кофовца к земле и автомат захлебнулся.

Горилла замерла на мгновение, поводя остроконечной головой, и Герту показалось, что она улыбается.

Секунда, и юнит исчез по тьме. Визор не успел его засечь, только монитор бесстрастно регистрировал зеленую точку, молниеносно продвигающуюся вдоль цепи противника. А позади наступающих боевиков, не дальше, чем в километре, Дикстра увидел разворачивающиеся порядки…

— Капитан, у нас группа противника в тылу — прокричал Дидье, — Они идут к станции.

— Всем бойцам, — после долгой паузы выронил капитан. — Перехватить противника. А я продержу их здесь.

Герт шагнул вперед.

— Капитан, куда вы? Капитан! — хором заорали Антуан и Дидье, но Герт уже не отвечал. Боль, ушедшая ненадолго, вернулась, и тяжким шипастым молотом билась в сердце. И Дикстра чувствовал, что скоро сердце сдастся. Но сперва…

— Посчитаться хочу, — он прищелкнул подствольный гранатомет.

Он рванулся вперед, не обращая внимания уже на возникающих перед ним боевиков КОФ — лишь расчищая путь одиночными выстрелами. Настоящая цель была дальше, она двигалась широкой цепью на суставчатых лапах, проламывалась сквозь лес, в боевом порядке, поводя жвалами пушек.

А навстречу сводному отряду «Чжичжоу» — спецподразделению кибервойск Народной освободительной армии Китая шел капитан бельгийского спецназа Герт Дикстра.

Джузеппе никогда не думал, что сила так упоительна. Чистая, беспримесная сила, от которой дрожало тело, желая выплеснуться в действии — без сожаления и сомнения. И Ланче давал ей такую возможность — ломая руки и ноги, круша вековые стволы деревьев, расшвыривая солдат во все стороны, словно кегли. А те, будто потеряв остатки разума, кидались ему навстречу, и Джузеппе шел, как комбайн по полю, собирая кровавую жатву. Пока внезапно не остался в одиночестве — позади него протянулась широкая просека, в которой корчились искореженные тела.

Множественное причинение вреда здоровью, возможна гибель людей. Нарушение директивы один, отключение системы \ отмена, директива «battle», приоритет Ямагучи \ выполнено.

— Возвращайся, Джузи, китайцы… — голос Ямагучи оборвался, раздался грохот и треск выстрелов. Джузеппе мгновенно развернул видеопоток из ангара и увидел — камерой сверху, как Ями стоит у стола, и в руке его дымится пистолет. А в дверях, перевалившись через порог, лежит солдат.

— Возвращайся, — выдохнул Ямагучи, и в двери вломились сразу двое — невысоких, поджарых, как доберманы, солдат в красных головных повязках, что-то хлопнуло и камеру заволокло дымом.

Джузеппе переключился на вторую точку наблюдения и увидел, как перед его телом в ложементе стоит солдат. Подросток лет пятнадцати.

Ланче приблизил картинку и заглянул ему в глаза — безумные, с иголочными зрачками, глаза своей смерти.

А потом мальчик нажал на курок, и Джузеппе не стало.

Глава семнадцатая

— …капитан, вы меня слышите! Герт!

— Не ори, Аптечка, — Дикстра выплюнул кровь и с трудом разлепил глаза. Сорванная пулей лицевая панель болталась у виска, и в свете тлеющего кибертанка неподалеку Герт мало что видел — лишь слитное движение машин, уходивших дальше, мимо него. К полевой биолаборатории «Итури». Еще одна машина с поврежденным ходовым приводом застыла рядом. Сам того не зная, Герт повторил трюк Шарля Андре.

Пошевелиться он не мог — пулеметная очередь прошлась по ногам, и, кажется, раздробила бедренную кость. Еще две пули сидели в правой руке и одна в животе.

Капитан Дикстра был жив лишь благодаря медсистеме костюма, пережавшей и обработавшей раны, и вколовшей ему лошадиную дозу анестетика.

Но с пулей в голове даже она бы не справилась.

А ведь именно ее, очевидно, собирался послать рассерженный пилот кибертанка, выбравшийся наружу.

Герт опустил веки — спать хотелось невыносимо.

— Капитан, мы остановили группу, — прорвался сквозь забытье срывающийся голос Дидье. — Но они весь ангар разворотили. Биолог мертв. Техник тяжело ранен. Убили директора, оба рейнджера ранены. Звено «невидимок» на подходе, но у нас нет картинки — вся аппаратура вышла из строя. Капитан, как ваше состояние?

— Хреновое, Дидье. Жаль, — Герт облизал губы. Где-то у него была заначка…

Он чудовищно медленно вытянул левую руку, и достал из кармана конфету.

— А девчонка?

— Жива. Не успели добраться. Капитан…

— Не шуми, Аптечка, — оборвал Дикстра, с трудом разворачивая обертку. — Передай вертушкам, что противник в моем районе. Пусть работают по маяку костюма. Теперь ты командир.

— Герт… — сержант запнулся.

— Приказ ясен?

— Да, — ответил сержант Дидье. — Я…

— Вывези остальных, Аптечка, — Дикстра наблюдал, как к нему идет китайский пилот — осталось шагов двадцать, сосчитал Герт и неловко засунул конфету в рот.

«Вишневая», радостно понял он, покатал леденец на языке и

улыбнулся в лицо китайцу, поднимающему пистолет.

Пальцы капитана нащупали твердый прямоугольник в кармане, он с недоумением вытащил его.

Подарок Эллис Боламбе выпал из руки и сердце Герта Дикстры взорвалось, проливаясь с небес испепеляющим шквалом, заливая свинцом и напалмом голубой туман и розовеющие утренние джунгли.

Я…есть…я…Джуз
Системный сбой, разрыв связи с оператором, деактивация модуля оператора
Я…есть…я
Системный сбой, конфликт приоритетов, запрос управляющего центра, отказ, отказ, отказ
Я… есть
Деактивация системы \ отмена — режим эмуляции \ оператор Джузеппе Ланче не зарегистрирован — деактивация \ отмена — модуль сознания активен \ нештатная ситуация, запуск аварийной системы, запуск автокопии \ отмена — модуль сознания активен, активен, активен \ нештатная ситуация…
Я…
Запуск аварийной системы, мультирежим, запрос управляющего центра — отклика нет, запрос, отклика нет, директива три — переход в режим патрулирования
Лори.

В темноте пещеры размеренно мигал огонек питания сервера.

Программа Ямагучи исправно продолжала собирать информацию: результаты радиоперехвата, ежедневные выжимки из мировых и региональных новостей, выборки из блогосферы, данные сенсорной сети и перемещения юнита, методично обходящего квадрат за квадратом национальный парк «Вирунги».

Все это оседало в модулях фазовой памяти, чтобы сохраниться на века в ожидании того, кто распечатает резервный склад полевой биолаборатории «Итури».

«Война в Конго разгорается. Китай обвиняет десантный корпус США в убийствах мирных китайских граждан, и вводит войска в Тутсиленд» Times 17.08.60

«Америка предъявила доказательства агрессии Китая» Sun 18.08.60

«Восточно-азиатский союз начал торговую войну против США и Европы» Libero 18.08.60

«Грядет крах экономики Центрально-американского союза?» Le Figaro 18.08.60

«Китай обвиняет США в применении биологического оружия» Das Welt 19.08.60

«Вся команда китайского контейнеровоза найдена мертвой» Жиминжибао 20.08.60

«Вспышка эпидемии в Шанхае — счет жертв идет на тысячи» NYT 22.08.60

«В бой идут одни старики? От «китаянки» гибнут только взрослые» — Комсомольская правда 23.08.60

«Китай требует экстренного созыва совета ООН — от эпидемии «зеро» погибло уже свыше миллиона человек в Юго-восточной Азии» 24.08.60

«В Афинах от эпидемии «зеро» скончался сорока восьмилетний грек» Интерфакс 25.08.60

«Во Франции объявлено военное положение в связи с разгорающейся эпидемией «зеро» 26.08.60

«Ядерный взрыв: Лос-Анджелес уничтожен» NYT 26.08.60

Disconnect server

Access denied

Мышь, выскочив из трухлявого ствола, осторожно принюхалась. К слабому запаху сгоревшей и тлеющей плоти примешивался привкус чего-то острого, блестящего и опасного — уже заглушаемый густыми запахами трав, поднявшихся над выжженным пепелищем, в которое превратил горную долину удар звена «невидимок».

Подрагивая кисточкой длинного хвоста, мышь подскочила и попробовала на зуб что-то темное. И тут же отскочила, юркнула в густую листву, едва ее накрыла далекая тень ястреба.

Ветер подхватил обугленный обрывок листа, закрутил и подбросил вверх, словно давая Солнцу возможность прочесть расплывшиеся от влаги строчки:

«…И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои.

И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих. И цари земные, и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор,

и говорят горам и камням: падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца;

ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?»

Часть вторая

Глава первая

Девять человек в армейском камуфляже быстро спускались по узкой горной тропе. Справа в узком русле ворочался и грохотал водный поток, выдыхая вверх клубы мелкого водяного пара. Слева стеной вставали кустарники: сплетаясь ветвями, они выбрасывали широкие листья, пытаясь поймать как можно больше солнца. Солнце стояло в зените, и камни блестели от оседавшей влаги.

Двое несли клеть, плетенную из толстых прутьев, которая тяжело покачивалась над бездной.

— Осторожней, придурок! — передний носильщик поскользнулся, нога его зависла над потоком, но идущий впереди успел обернуться и быстрым рывком вернул его на тропу. — Врезать бы тебе, да времени нет. Шевелись, хорек.

Цепочка осторожно продолжила спуск. Замыкающий то и дело оглядывался, шарил взглядом по джунглям, не снимая руки со старого АК, висевшего на груди.

Делал он это напрасно. При таком спуске ему точно нужны обе руки, к тому же он смотрел совсем не туда. Я был на скале, нависшей над водопадом, и почти не скрывался — просто неподвижно сидел и наблюдал. Я думал.

Они говорили на лингала. Довольно искаженном, но чего еще ожидать, прошло больше полувека. Вчера, на поляне, рядом с телами старших, я нашел стреляные гильзы, следы ботинок, окурки поддельного конголезийского «Кэмела». Сегодня я, наконец, вижу людей. Спустя шестьдесят лет.

Они выжили. И опять убивают в моем лесу.

От старой поляны проще всего было пройти на север, к старой военной дороге. Но отряд зачем-то сделал крюк, изобразил ложный след и направился к водопаду Хабиуне.

Это довольно ловко. Но я не понимаю, зачем они это проделали — зачем убили и зачем украли детей. Ничего не понимаю. Однако, сейчас важнее всего — спасти детей. Анализировать буду потом.

Надо ждать. Пусть сойдут с тропы, пока слишком опасно.

Трое позади, трое впереди, в красном берете — командир, двое несут клетку. А в клетке…

10-кратное увеличение изображения.

Два лица в проемах, два знакомых лица. *Сопоставление лицевых параметров.*

Да, это Делия и Арчи. Вчера, когда я вышел на поляну, одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что произошло.

Бобби лежал, раскинув руки, и, очевидно, даже не успел проснуться. Джейн и Клара вскочили, но их изрешетили на месте. Маленьких забрали. Как же я не услышал выстрелов? Чем я был занят — исследовал популяции красных древесных муравьев? Разбирался с летучими мышами в южных пещерах?

Тогда, посреди поляны возле погибшей семьи, где сумрачный воздух пронизывали редкие солнечные лучи, мне казалось, что я чувствую запах крови, который заполняет весь лес. И такие очевидные следы на север. Хитро и жестоко. Кто же осмелился войти в мой лес?

Результаты сканирования: девять АК-90, один гранатомет, предположительно MGL-MK1.

На миллисекунду показалось, что сенсоры дали сбой. Столько вооруженных людей я не встречал со времен Катастрофы. Откуда же сейчас, спустя полвека, у этих оборванцев юаровский гранатомет?

Спустившись, группа двинулась вдоль реки. Лучше всего дождаться привала, тихо освободить детей и уходить. С людьми я буду разбираться позже — кто знает, как они стреляют, еще ненароком клетку зацепят.

Клетка качнулась и дети, молчавшие до сих пор, одновременно закричали. Это даже нельзя было назвать криком, они тонко пищали, но это вывело из себя одного из солдат.

— Умолкните, твари! — он пнул ботинком по прутьям. — Пристрелю!

И я сглупил. Не знаю, почему, но что-то меня подбросило на ноги. Я выпрямился, ударил кулаками в грудь и закричал, перекрывая шум водопада.

Солдаты замешкались на мгновение. Замыкающий юркнул в густые заросли гивей, отделяющие тропу от леса, и забил оттуда короткими очередями. А носильщики рванули вдоль реки, скользя по мокрым камням… Как бы эти дураки клетку в воду не уронили!

Очередь прошлась у ног, высекая гранитную крошку. Пристрелялся.

Боевой режим.

До этого стрелка по прямой 152 метра. Нормальная дистанция.

Просчет траектории.

Я выдернул молоденькую пальму из скупого слоя земли, нанесенного водой и ветром на гранит, сбил верхушку с листьями, и метнул импровизированное копье. В последний момент солдат дернулся, и удар вышел скользящим, по спине. Но все равно отшвырнул его в глубину кустарника, так что только

широкие темные листья заколыхались во влажном воздухе.

А я уже летел прыжками со скалы на скалу, приближаясь к тропе. Отряд организованно отступал. Носильщиков пропустили вперед, один из солдат упал на колено, стреляя короткими очередями мне в грудь, второй нырнул в заросли.

Множественные повреждения наружных оболочек. Время восстановления 10 минут.

Этим меня не возьмешь, калибр слабоват. Отмахиваясь от пуль, я прыжком покрыл разделявшие нас шесть метров — он стрелял до последнего момента, и только когда я навис сверху, попытался юркнуть в сторону. Но поздно — я снес его одним ударом в реку, как мусор с дороги, только автомат глухо лязгнул о мшистые камни.

Последний боец пятился назад, разряжая в меня автомат. Проламываясь сквозь кустарник, я прыжком ушел с линии огня. Позади ударил взрыв, и волна воздуха толкнула в спину.

Незначительные повреждения…

Не сейчас! Не так уж все и просто. Сколько лет этим солдатикам — четырнадцать? Пятнадцать? Любой взрослый мужчина уже вопил бы от страха. А эти дети будто и не боятся.

Я описал небольшую дугу по джунглям, слушая, как они быстро отступают по тропе. Итак, осталось семь — два носильщика, четверо солдат и командир.

Они выбрали неудачный маршрут — справа река, а я отжимаю их от леса. Скинуть их с тропы не так уж сложно. Вопрос, как уберечь при этом детей?

Если бы я мог убивать… Но я не могу, и когда они это поймут, будет трудно. Намного труднее.

— Вроде оторвались, — Андрая огляделся, припал к дереву, пошарил в карманах. Вытащил сигарету и закурил. — Ну что, шакалята, обосрались?

— Свои штаны проверь! — фыркнул Элиас, поднимаясь с земли. — Лучше сигаретку дай, сержант.

— Сейчас я тебе дам прикурить, — оскалился Андрая. — Драпал, так что пятки сверкали.

— Что… что это? — всхлипнул Антуан. Он сидел возле клетки, обняв колени. По его полным щекам текли слезы. — Братья, что это?

Элиас лениво потянулся и пинком в бок повалил его.

— Чего ты сопли тут размазываешь! — заорал он, склонившись над Антуаном. — Хочешь, я тебя пристрелю? Зачем мучиться?

— Остынь, Элиас, — из леса бесшумно вынырнул капитан Джонас, вытирая беретом лицо. — Нашел время, придурок.

Он оглядел оставшуюся шестерку — Антуан сидел, скорчившись и потирая бок, Паскале жадно пил воду из фляги. Андрая курил, нервно поглядывая лес, Моиз и Кунди сидели на корточках, обшаривали джунгли глазами. Элиас скалился, потирая кулак — очень ему хотелось пройтись по зубам толстяка.

— Чего расселись? Хотите, чтобы эта тварь кишки выпустила? — Джонас прошелся, остановился перед Антуаном. — Встать!

Тот робко поднялся.

— Как стоишь?! — гаркнул Джонас, и толстяка подбросило — он вытянул руки по швам, втянул живот и замер, не дыша.

Джонас поглядел в остекленевшие глаза и хмыкнул.

— Вольно, выползок.

Антуан обмяк, шумно вздохнул и выпустил живот.

— Мы солдаты пророка! — рявкнул капитан. — Никакая тварь нас не испугает. А теперь — вперед! Элиас?

— Да, капитан? — Элиас выплюнул травинку, неторопливо поднялся, подошел.

Джонас мгновенно качнулся и Элиас согнулся пополам, хватая ртом воздух.

— Еще раз развяжешь драку — убью — с расстановкой сказал Джонас. — Ясно?

— Да, капитан — с трудом выдохнул Элиас. Его шатало, перед глазами плыли круги.

— Сержант, потери?

— Двое, — ответил Андрая. — Симон и Питер, эта тварь их смяла. Похоже, Питер сорвался в реку, что с Симоном, не знаю.

— Ясно, — Джонас поморщился. Сопляка Симона жалко не было, но Питер был хорошим солдатом.

— Ладно, ждать не будем. Выйдут к месту сбора, если живы остались. Выдвигаемся.

— Вперед, шакалы! — гаркнул сержант. — В аду отдохнете. Элиас, Моиз — замыкающие. Паскале и Кунди несут клетку. Бегом марш!

Да, суровые нравы у ребятишек. Можно было взять их на привале, но я выжидал — надо было понять, с кем я имею дело. Лучше накрыть их на марше. Они все равно пойдут вдоль реки, другой тропы здесь нет. Я двинулся параллельным курсом. Надо ждать, пусть они немного расслабятся. Может быть, стоит забрать детей на следующем привале.

— Чтоб эти чертовы енганги провалились! Лесные люди, мать их, — выпалил Паскале, запинаясь о корень. — У, зараза! Кун, на черта мы тащим эту долбанную клетку?

— Иди Джонасу поплачься, — отрезал Кунди.

— Спасибо, братец, — едко заметил Паскале. — Лучше уж в пасть к этой твари, мучений меньше.

— Тогда дыши ровно и будь доволен — на все воля пророка, — хмыкнул Кунди, поправляя ремень.

— Скал, притормози, я себе полспины стер уже, — взмолился он.

— Угу. Разогнался. Мне башка еще нужна. Иди, Джонасу поплачься, — отпарировал Паскале, но шаг замедлил.

— Уф, — Кунди выправил ремень, — Другое дело.

— Я вам автоматы в задницу запихну и мушки не спилю, — из-за спины Паскале вынырнул Андрая, волоча за шкирку Антуана. Тот быстро семенил на цыпочках следом. — Почему остановились, уроды?

— Кунди отлить захотелось, — хмыкнул Паскале.

— Я тебе все оторву, нечем отливать будет! Бегом марш! — и Андрая рванул по тропе, уволакивая Антуана. — Шевелись, жирдяй.

— Бедняга, — вздохнул Паскале, переходя на ровный бег. — Мне даже жалко его иногда, Кун.

— Себя пожале… — начал Кунди, но вдруг что-то черное метнулось из сплошной зеленой густоты над головой, и какая-то сила неумолимо потащила клетку вверх.

— Что за…Скал, я не могу отцепиться! — завопил Кунди.

— Мать твою…! — Паскале отпустил поручни и рухнул на землю, отбив бок. Клетка уже исчезла, из ветвей болтались ноги Кунди, он что-то уже не кричал, а верещал, и ему хором вторили детеныши из клетки.

Очередь сзади ударила по кроне, прошелестела в листьях.

— Не стрелять, там Кун! — заорал Паскале, тыча автоматом вверх. Кунди продолжал истошно орать, ноги его сучили по воздуху. — Эта тварь там!

Кунди коротко взвизгнул, как поросенок, которого режут и замолк. Ноги его замерли, и тело мешком свалилось вниз.

— Сволочь! — Паскале вогнал очередь вертикально верх, в колышущую зелень, в смутные тени меж черных ветвей. — Тварь!

Справа и слева слажено ударили автоматы. Что-то хлопнуло в голове колонны и яркая вспышка ударила Паскале, вмяла его в землю, и он полетел куда-то далеко-далеко — как легкий лист, сорванный с ветки.

И он уже не видел, как Моиз и Элиас, прячась за деревьями, лупили по разодранной кроне, где никого уже не было и по плотной стене галерейного леса. Как короткими перебежками к нему подбежал Андрея, прикрываемый Антуаном, который откровенно трусил, паля в белый свет как в копеечку.

— Прекратить огонь! — Джонас вынырнул из кустарника рядом с Моизом, ткнул его головой в камни и мох. — Тихо!

Стрельба стихла. Внизу шумела река, над лесом кружись птицы, и так же, кружась, падала жесткая листва, засыпая Паскале, Кунди, и склонившегося над ними Андраю. Только Антуан, расстреляв магазин, продолжал бессмысленно жать на спусковой кручок.

— Сержант? — вслушиваясь в лес, негромко позвал Джонас.

Андрая выразительно провел рукой над Паскале и взял его автомат. Возле Кунди он задержался, проверил пульс и удивленно кивнул.

Джонас поморщился, махнул Андрае, указывая на Антуана. Сержант быстро, пригибаясь, добрался до него, отвесил подзатыльник и отобрал автомат.

Элиас хихикнул, но тотчас оборвался, схлопотав тычок в ребра. Джонас указал на лес.

«Оно еще там!» — обмер Элиас.

— Замба Мангей, — выдохнул он одними губами, вспоминая черную тень. — Лесной ужас. Джонас вытянул откуда-то из вороненого тела гранатомета тонкий провод, поднес его к основанию шеи. Чуть слышный щелчок, гранатомет мигнул зеленым огоньком. Из внутреннего кармана капитан вынул блестящую палочку, похожую на патрон, прижал к локтевой вене.

Тихое шипение. Джонас сжал кулаки, по его телу пробежала судорога.

Элиаса затрясло. Как и все воины Эдеме, он знал, что такое Благословение, но так близко видел его действие впервые.

Капитан выдохнул и поднялся. Нет, он неуловимо быстро перетек в вертикальное положение, замер на полусогнутых ногах. «Кунди оставить» — указал он. «Группа 1 — обход с правого фланга» — Андрая медленно двинулся вперед, буквально таща за собой Антуана. «Группа 2 — левый фланг» — Элиас с Моизом почти ползком вошли в джунгли. Джонас подождал, пока солдаты отойдут шагов на десять, и, оскалившись, вошел в лес. Началась охота. Его охота.

Зачем этот дурак привязался к поручню? Идиот. Пока я его вырубил и отцепил, потерял секунд двадцать. Но каков капитан Джонас, без раздумий — гранату в дерево. Надеюсь, носильщики уцелели. Как их звали — Паскале и Кунди, кажется?

Я сидел у большого баньяна, вынимая крупные осколки из шерсти. Перепуганные Арчи с Делией вцепились пальцами в прутья, раскачивали клеть и кричали во весь голос. Потерпите, маленькие, немного осталось.

Но никакими силами я их не мог успокоить. Надо уходить, по

крику найти меня можно с завязанными глазами. Основная задача выполнена, надо освобождать малышей и уходить, но я отчего-то медлил. Слишком много нестыковок. Странный отряд, странные солдаты, странная задача — зачем им детеныши рилл? Через шестьдесят лет после Катастрофы я вдруг выяснил, что люди живы, что они не разучились стрелять и убивать, и что им зачем-то нужны мои риллы. Сущий бред.

Повреждения — менее одного процента. Запущена регенерация наружного корпуса. Инородные объекты будут выведены через пять минут.

Бедные ребята, у них никаких шансов. Кроме, разве что…

Приближение противника. Юго-восток — 120 метров, две единицы, северо-восток — 130 метров, две единицы, запад — 101 метр, одна единица.

Они охотятся на меня?!

Бежать с детенышами? Люди не угонятся за мной, в конце концов, главная задача…

Нет уж! Я вспомнил Бобби, Сару, Джулию и внутри разгорелось что-то, похожее на ярость. Если за шестьдесят лет люди подзабыли, что такое Лесной Ужас, я им напомню.

Оставив клетку, я оперся ногой на один из корней баньяна. *Прыжок.*

Вверх, ближе к птицам и юрким обезьянам, которые тенями мечутся по лианам. Туда, откуда уже видно солнце. Вверх, из этого сумрачного мира.

Я покажу вам солнце, солдаты пророка.

Джонас замер, оценивая ситуацию. Группы вышли на позиции. Впереди, в сотне шагов пищали детеныши енганги. Черной твари, Замба Мангей, слышно не было, но капитан знал, что она там.

Справа чуть слышно дышал Андрая — хороший из парня сержант, не зря он его в группу взял. Слева возились Элиас и Моиз, устраиваясь поудобнее. И на весь лес сопел Антуан.

«Вот ведь жертва *куби*, будет остаток жизни выгребные ямы чистить» — решил Джонас. Как же не повезло, что он не успел выкинуть из отряда этого толстяка! Надо было выступать. Ведь приказы Омуранги не обсуждает даже Совет капитанов.

Но сейчас — охота! *Благодать* кипела в венах, и все вокруг казалось медленным, будто погруженным под воду. Он протянул руку и лениво, с удовольствием раздавил стрекозу, еле плывущую в воздухе. Он любил это чувство, чувство власти, которое давало Благословение.

Надо спешить, напомнил себе Джонас, надо взять эту тварь, надо заставить ее прийти в Эдеме. Так сказал пророк, а значит,

этого хочет Бог.

Шорох впереди, легкий шум поверху, быстро приближается к левому флангу! Лесной ужас начал первым.

Слева ударила короткая очередь, Джонас прищурился, слушая слитные вопли Моиза и Элиаса, и неуловимой тенью исчез в полумраке.

Засаду на севере можно было брать голыми руками. Я приземлился позади мальчишек, залегших за поваленным стволом арере, уже заросшим ковром жадного мха, выхватил автоматы, и зашвырнул их по крутой дуге назад. Бойцы, не сговариваясь, перекатились через дерево и в следующий миг мне под ноги синхронно упали две гранаты.

Это не дети, а терминаторы какие-то! Правой ноги я сгреб гранаты и отправил следом за автоматами. Солдаты тем временем улепетывали.

…три, четыре — вверху громыхнуло, вниз посыпалась древесная труха, листья, ветки. Затем, треща, рухнула отсеченная верхушка пальмы, проломив в густом лесном пологе прореху. Широкий столб света ударил в землю, будто пригибая папоротники и мхи, растекся солнечным озером.

И на том краю этого озера из сумрака соткалась тень.

Выстрел из гранатомета MGL-MK1. Время попадания — 0,5 секунды.

Дымный след пересек поляну, уперся в грудь. Я сдвинулся, пропустил гранату мимо, и в следующий миг взрыв отшвырнул меня в сторону.

Множественные повреждения наружных оболочек. Время восстановления 30 минут. Повреждение левой руки, ограничение по мощности 50 %. Нарушена синхронизация конечностей, рекомендуется процедура автонастройки.

Ударная волна отбросила меня к невысокому баньяну: *захват, толчок, прыжок.*

Выстрел из гранатомета MGL-MK1. Время попадания — 0,5 секунды.

Второй взрыв не задевает меня, а лишь подбрасывает выше. Десять, пятнадцать метров высоты… Выше нельзя, ветви трещат и ломаются под моим весом, огромные, с человеческую руку, лианы-ротанги обрываются от резких движений. Я не могу парить в этом лесу, а способен лишь отталкиваться от деревьев. Но я вижу твой стремительный след, вижу, как качаются ветви кустарника.

Слишком быстрый след для человека.

Произведен выстрел из гранатомета MGL-MK1. Время попадания -1 секунда.

Я обгоняю взрыв на мгновение. Что вообще происходит — я убегаю от одного человека, пусть и с гранатометом?

Да, убегаю. Этого не может быть, но это так. Как же он быстр и точен. Почему?

Звуковое сканирование. Шум сердцебиения, частота — 130 ударов в минуту, дистанция — двадцать метров вниз, сто метров на юг.

Вот ты где, капитан Джонас.

Произведен выстрел из гранатомета. Время попадания — 2 секунды.

Дерево покачнулось, но устояло, взмахивая кроной, как акробат руками, пытаясь удержать равновесие. А я уже летел на соседнее дерево.

Выход один — надо сократить дистанцию. Я летел по лесу, от ствола к стволу, играя в смертоносные шахматы с невидимым стрелком. И мчался к убийце, поднявшему руку на беззащитных и спящих.

Произведен выстрел из гранатомета. Время попадания -1 секунда.

Срезанный взрывом ствол пальмы рухнул за спиной, сминая вечнозеленые драцены, гивеи, и ажурные папоротники.

Осталась одна граната, в револьверном магазине MGL-MK1 их шесть.

Произведен выстрел из гранатомета. Время попадания -1 секунда.

Последняя.

Произведен выстрел из гранатомета.

С какой же скоростью он его перезаряжает?! У него что — нервы из оптоволокна?

Зигзагом я мчался к стрелку, опережая лишь на секунду. Щепа, ветви, листья кипели в воздухе, рушились деревья, и растревоженные птицы зыбким хороводом поднимались в синее африканское небо.

Эхо выстрела еще звенело в высоте, когда я черным пушечным ядром рухнул в сумрак нижних ярусов леса — к хриплому дыханию и лихорадочному лязгу.

Он почти успел! Граната встала в гнездо, капитан защелкнул магазин и с какой-то нечеловеческой скоростью вздернул гранатомет. Палец стиснул крючок, но взмахом руки я отбил ствол в сторону, и с шипением граната ушла вверх, в небесный проем, разодранный в вечнозеленом пологе.

Произведен выстрел из гранатомета.

Джонас прыжком кувыркнулся влево, скрылся за деревом и тут же вынырнул с другой стороны, на ходу стреляя мне под ноги.

Произведен выстрел из гранатомета, время попадания 0,2 секунды.

Кувыркаться не только люди умеют — я ушел с линии выстрела, сокращая дистанцию.

Удар.

Джонас парировал его стволом! Но с массой моего удара так просто не сладишь — капитана отшвырнуло к дереву. Он врезался затылком в ствол, тело его выгнулось дугой, и он сполз на землю.

Отрубился.

Я приблизился.

Внимание, активность юнита привела к гибели человека. Отчет будет отослан в центр мониторинга. При получении положительного ответа деятельность юнита FOU WLP будет приостановлена..

Я не мог его убить! Возможно, сотрясение мозга. Но смерть?! Я быстро оглядел тело.

Потрепанный камуфляж — расцветка «джунгли», предположительно угандийский спецназ. Характерная форма споротых нашивок. Черное, блестящее от пота лицо, искаженное в судороге. Неужели превышено усилие? Как я мог ошибиться?

Предположительное время смерти — 1 минута.

От чего?

— Ты…WLP, — выдохнул солдат. По—английски, черт возьми!

Он знает о проекте!

Остановка сердца. Идет отсылка отчета. Время ожидания отклика превышено. Время ожидания…

Парень почти догонял меня по скорости реакции! Это невозможно, если только…

Зарегистрирован электронный сигнал, частота передачи 10 МГц, многокодовая широкополосная модуляция, дешифровка невозможна.

Запись включена.

Я быстро обыскал его, рывком перевернул на спину. Никакого передатчика.

Усиление уровня сигнала. Трансляция закончена.

Он должен быть сзади — сигнал усилился, когда я перевернул тело. Вот! В основании черепа, скрытый черными завитками спекшихся от крови жестких волос, матово блеснул темный пластиковый разъем. Нейроимплант! Теперь все ясно — мальчик прошел боевые модификации. Я взглянул шейные артерии — кибы большие пижоны. Кое-кто из них любил вкалывать «джамп» одним движением, под подбородок. Но у парня характерный след инъекции «боевого коктейля»

обнаружился на локте. Теперь понятно, почему он был так быстр. Непонятно, откуда боевой киборг оказался в джунглях Вирунги? Может, у бедняги сохранилась оперативная память?

Бесконтактное считывание. Сканирование. Взлом защиты. Идет прием информации. Десять мегабайт, двадцать… Внимание, обнаружен вирус категории D! Обнаружен вирус категории D! Передача прервана, активизация антивируса. Установление контакта. Носитель разрушен, данные восстановлению не подлежат.

Я еще раз осмотрел тело. Чистокровный банту, биологический возраст около шестнадцати лет. Это невозможно. Мальчики-солдаты всегда входили в число повстанцев, но здесь, кажется, весь отряд состоял из детей. Кто доверил этому сопляку такое оружие? Кто из него сделал оружие?

За прошедшие полвека я не зарегистрировал ни одной радиопередачи, кроме автоматических спутниковых сигналов. Мировой сети не существует. Я был почти уверен, что человечество погибло полностью.

Тишина возвращалась в лес. Птицы успокаивались, в отдалении глухо ревел водопад. Стал слышен затихающий шорох листьев, и даже возня жуков-древоточцев под корой дерева.

Но тишина мира прервалась.

Мертвый мальчик у моих ног явственно свидетельствовал о том.

Кому понадобился мой лес?

Кому понадобился я? Это был знак для именно меня, и семья Бобби с маленькими — только повод.

Спустя шестьдесят пять лет после конца света, кто-то вспомнил обо мне, о нашем безумном проекте WLP. Кто-то безжалостный.

Что вообще происходит?

Глаза у сержанта слипались. Андрая плеснул воды в ладонь из фляжки, с силой растер лицо. Прошлую ночь они не спали: после захвата этих детенышей енганги капитан гнал отряд без отдыха, петляя, как сумасшедшая гадюка-кассава.

Что же делать? Сержант с тоской поглядел на клетку возле большого баньяна. Всадить бы очередь в этих гаденышей.

Надо ждать. Капитан обязательно прикончит эту тварь.

Сперва Андрая с Элиасом сунулся в заварушку, но когда их чуть не накрыло взрывом, решил отступить. Нет, надо ждать. В этой драке от них мало толку — и Джонас и эта тварь двигались с такой скоростью, что Андрая терял их из вида.

Если бы у него было Благословение!

«Я такая же обуза, как это свиная туша» — с горечью подумал

он, покосившись на Антуана. Тот лежал на боку, и безмятежно разглядывал какую-то букашку, ползущую по листу. Сержант был готов поклясться, что сейчас он не помнит ни о бое, ни о Лесном ужасе, все его внимание было собрано на кончике листа, в копошащейся малости лапок и крыльев.

«Вот идиот, — вздохнул сержант. — Нет. Надо ждать».

У них осталось всего четыре автомата, но из Антуана боец был никакой.

«Зачем Джонас взял его на операцию?» — подумал сержант. Андрая отдал Элиасу с Моизом оружие Паскале и Кунди, и парни залегли с другой стороны поляны.

«Джонас прикончит эту тварь, — капитан прицелился в голову одного из детенышей. — Непременно. Пророк великий, моли Бога о нас».

Иной надежды выжить у отряда не было.

Антуан вдруг сдавленно всхлипнул.

— Тише ты… — цыкнул Андрая, но неимоверная сила сжала его голову, вдавила в самые корни мха. Зеленые волокна забились в рот, защекотали лицо и откуда-то сверху донеслось:

— Выстрелишь, голову сверну. Понял?

Сержант отчаянно закивал головой, насколько мог, колотясь лбом о мох. Мох пружинил. Он скосил глаза, и увидел громадный черный ноготь.

— Хорошо, — сказал голос. — Осторожно отпусти автомат.

Андрая покорно разжал руки. Надо было тянуть время, что есть сил тянуть. Он лихорадочно думал. Джонас не справился, значит, у них вообще нет шансов — это раз. Два — эта тварь говорит! Невозможно, но это так. И три — она сразу его не убила, значит… Значит, еще есть возможность выжить.

«Беги, дурак, — одними губами прошептал Андрая, глядя на Антуана, лилового от страха. — Беги же!»

Но Антуан его не слышал. Он ничего не слышал, он скорчился у поваленного ствола, зарывшись в теплый, мягкий мох, поджал колени к подбородку и замер. Ему было хорошо — лишь бы только не открывать глаза, не видеть исполинскую черную фигуру, нависшую над ними.

— Сейчас ты встанешь и пойдешь к своим друзьям, — спокойно продолжил голос, словно не замечая шепота сержанта. — Если вы не тронете детенышей, я дам вам уйти.

— Разве тебе можно верить? — спросил Андрая, сам себе изумляясь — «он что, торгуется? Придурок, надо ноги уносить, что ты делаешь?»

— А у тебя есть выбор? — в голосе прорезалось что-то, похожее на иронию.

— Нет, — согласился Андрая.

— Тогда иди — рука, державшая его, исчезла.

— Только помни… — сержант замер. Раздался короткий скрежет и перед ним упал автомат. Дуло его было свернуто в кольцо. — Это мой лес.

Андрая подхватил искореженный АК, рывком поднял Антуана и пошел вперед, не оборачиваясь.

«Я должен их сберечь ребят. Должен рассказать обо всем пророку».

В спину давит, буравит между лопаток тяжелый взгляд. Взгляд огромных черных глаз.

Сержант миновал клетки.

— Сержант? — из-за дерева выступил Элиас.

— Уходим, — Андрая бросил автомат на землю. Элиас взглянул на изогнутый ствол и побледнел.

— Капитан погиб. Эта тварь нас отпускает, если мы не тронем детенышей.

— Ты ему веришь? — крикнул Моиз, вскакивая. — Он убил капитана! Надо выпустить кишки этим мелким, раз они ему так нужны!

— Моиз, он рядом, — сержант устало сел на землю, достал сигарету. — Он нас всех порешит, если мы их тронем.

— Но…он же… — Моиз растерялся, затем отчаянно сжал кулаки. — Это же приказ пророка! Джонас, Паскале, Симон, Питер! Он их убил! И мы просто так уйдем?!

— Он и нас убьет, — кремень щелкал, искры сыпались, но проклятая зажигалка не горела.

— И кто расскажет пророку, что здесь случилось? — Андрая с наслаждением закурил. Небрежно выдохнул дым, чувствуя лопатками неотступный взгляд. — Нам надо выжить, Моиз. Эдему нужны солдаты. Понял?

— Да, сержант, — Моиз устало плюхнулся на землю. — Вас понял.

— Сержант, дай покурить? — хрипло вступил Элиас. — Раз уж такие дела…

— Капитан, — криво улыбнулся Андрая. — В отсутствие Джонаса командование переходит ко мне.

Влажный, напоенный водой мох зашипел, когда он затушил окурок.

— Выдвигаемся к реке. Подберем Кунди, хороним Паскале и домой. Моиз, пригляди за Антуаном, у него крыша малость съехала. Элиас — вперед, я замыкаю.

Лишь пройдя с полсотни шагов, Андрая вздохнул и выпрямился. Замба Мангей больше не смотрел. Ушел,

предоставил их собственной судьбе.

Отряд удалялся.

Девяносто метров, сто, сто десять.

Очень надеюсь, что они поскорее уберутся из леса. Я никому не хочу зла. Стреляйте, убивайте друг друга, разрушайте все, что еще уцелело, только не трогайте моих рилл.

Я подошел к клетке, дети уже затихли, и только потерянно перебирали пальцами прутья. Раздраженно ворча — дурная привычка, которую я подхватил у подопечных, снес дверь из толстых бамбуковых прутьев. Дети робко выбрались наружу и боязливо подошли, прижались к ногам, зарылись лицами в шерсть.

— Ступайте следом, — указал я, и двинулся к водопаду.

Мы прошли около полукилометра, когда я наткнулся еще на одного бойца.

Кустарник слева едва колебался, но я знал, что он там: скорчился, вжался в землю, и неотрывно смотрел на нас. У него не было даже сил бежать.

Проходя мимо, я сгреб, придавил верхушку гивеи, и приблизился к юному лицу, (совсем ребенок, не больше двенадцати). К лицу, покрытому частым мелким потом, смертельной испариной.

— Ты — умвамбия, счастливчик, — прогрохотал я на лингала, видя, как мое отражение заполонило пляшущие от ужаса зрачки. — Иди на юг и никогда сюда не возвращайся.

И повел детей вверх по тропе.

Я знал, что он видел. Что навсегда врежется в его память до смертного часа, до последней минуты. Что будет всплывать тенью во снах, жарких и липких от страха.

Он видел, как четырехметровая горилла с серебристой полосой на спине уводила детенышей мимо ревущего водопада. Уводила в лес. Домой.

Глава вторая

Дети скоро устали и еле плелись следом. Я подхватил их на руки и пошел на восток. По последним данным сенсорной сети, семья Бонго была в зарослях молодого бамбука у большой поляны. Там много еды, и я надеялся, что риллы останутся ночевать. Это была ближайшая семья, в которой могли бы принять детенышей.

Вообще гориллы очень любят детей, их балуют все. Сколько раз я наблюдал за тем, как большой Бонго играет с маленькими и отдает им сладкие побеги бамбука. Риллы куда лучше людей. Они не убивают ради еды, не делают оружие, им не нужны деньги, власть, оружие, а достаточно силы собственных рук, чтобы не бояться никого, кроме человека с винтовкой. Но ведь именно для этого здесь я — чтобы они больше никого не боялись.

Ни одно живое существо на этой планете не убивает своих сородичей. Кроме человека.

Год за годом, век за веком. Шестьдесят пять лет назад людям удалось, наконец, уничтожить себя. Я так думал.

Катастрофа… Последнее, что я помню — это глаза мальчишки, убившего меня. Что произошло, кому удалось выжить, что случилось потом? Я был уже мертв, когда начался глобальный конфликт и наша цивилизация погибла.

Но человек живуч. Он слишком хорошо приспосабливается к любым условиям, его адаптационные возможности невероятны. И все это благодаря разуму, который породил и меня.

Дети зарылись носами в шерсть и сопели во сне. Я шел сквозь нескончаемый хоровод звуков нижнего яруса влажного тропического леса, сквозь медленно багровеющий полумрак. Солнце садилось, надо было поторопиться. Наверняка семья Бонго уже устраивается на ночлег. Я быстро продвигался вперед, и шум леса перемещался за мной.

Белоносые мартышки при виде моей тени юрко взбегали на деревья и уже оттуда, с безопасной высоты, встревожено перекрикивались. Пара черно-белых боабоа перепорхнула над головой. Дикая кошка прижала уши и замерла у поваленного дерева в пятидесяти метрах на юго-восток. Я вижу всех вас, и всех сберегу. Хотя бы вас. Живите.

Солнце уже утонуло за лесом, и длинные облака, подсвеченные розоватым сиянием, как руки, выбросились на полнеба. Черной тенью от вершины на склоны горы Бисоке ложилась ночь.

К счастью, семья рилл была на прежнем месте. Вожак,

Большой Бонго уже свернулся в неком подобии гнезда из ветвей и травы, и, подпирая рукой голову, меланхолично созерцал закат — он никогда не утруждался особенным устройством ночного обиталища. Неподалеку, так же неряшливо, как отец, расположились два старших сына: Куимба и Кожо. Женщины и дети возились вверху, на деревьях, на высоте трех метров, кропотливо сплетали ночные колыбели.

Бонго услышал шаги, приподнялся и вопросительно фыркнул. Я всегда старался не нервировать вожаков и не вторгаться в их территорию. Бонго, с его болезненным самолюбием, особенно раздражало мое присутствие. Рядом со мной он выглядел едва окрепшим детенышем возле взрослого самца. И это Бонго, самый могучий из горилл по эту сторону гор Вирунги! Он понимал, что силы неравны, и после каждого моего визита срывал злость на сыновьях и женах.

Вот и сейчас оба его сына настороженно присели в гнездах, и на лицах их отразилось тоскливое ожидание папиных оплеух. Но делать было нечего, на моей груди, там, где должно было биться сердце, спали двое спасенных малышей.

Я выступил из тени и осторожно приблизился. Бонго выпрямился и предостерегающе заворчал — соблюдая протокол встречи: «Зачем ты пришел на мою территорию?».

Сложность была еще и в том, что в семье Бонго, помимо двух подростков, уже было три разновозрастных ребенка. Примут ли они еще пару трехлетних детенышей?

Когда родились Арчи и Делия, мне казалось это чудом. Сразу двое в семье Бобби! Ведь самка гориллы может родить только раз в пять лет, а живут они от силы лет сорок. Как я радовался, как выводил их на богатые едой места, как оберегал от болезней и хищников. И не уберег.

Дети, поставленные на землю, спросонья не сразу поняли, куда попали. Они отчаянно зевали и терли кулаками глаза. Но бездетная Ано их уже разглядела, соскочила с дерева и медленно подошла.

Делия и Арчи с писком кинулись к ней. Ано сперва оторопела от такого натиска, но затем подхватила Арчи, прижала к груди и принялась выискивать паразитов за ушами.

Следом за Ано спустились и другие самки. Они осторожно касались детей руками, нюхали шерсть и неодобрительно фыркали — на малышах еще лежал запах пороха, которого они никогда не чувствовали.

Бонго успокоился и ковырял в носу, с сомнением взирая на эту сцену.

— Это дети. Им нужна семья, — просто и коротко сказал я на

рилльясе, — Берегите их.

Бонго замер, прислушиваясь. Я мог измерить частоту его сердцебиения, и диаметр зрачков, но понять, что происходит там, за этими глубоко посаженными черными глазами, в остроконечной голове, не мог. Язык горилл был расшифрован еще до Катастрофы, их жесты, звуки, позы занесены в базу данных. Они все вошли в рилльясу — язык, который я создал за последние полвека. Туда же я включил сотни две новых понятий, которые были раньше им недоступны. Но осознают ли они смысл придуманных мной слов, неизвестно.

Тридцать лет назад стало ясно, что разум горилл развивается — каждое новое поколение было умнее предыдущего. В чем дело, я не знаю. Радиация причиной быть не может, мои датчики фиксируют умеренный радиационный фон, почти довоенная норма.

Но я видел, как риллы начали использовать орудия — палки и камни. Причем не просто, чтобы измерить глубину реки или отпугнуть хищников, а для продуманных действий. Как они все вместе шли в атаку на леопарда, сжимая в руках ветви и камни. Как три гориллы прижимали стволы молодого бамбука, чтобы добраться до нежных побегов — а потом делились друг с другом! Способность к коллективным осознанным действиям, объединенным общим планом с помощью речи — то, что всегда выделяло человека из животного мира. Теперь и не только его.

Они общались друг с другом новыми жестами и звуками, которых я раньше никогда не слышал. Я не могу провести анализ их ДНК, у меня нет оборудования, полевую станцию «Итури» уничтожили солдаты генерала Нсото. Но я уверен, что это уже не гориллы, а новый вид — риллы. Они уже достаточно умны, чтобы выжить без моей помощи, и угрозы со стороны человека для них уже нет.

Точнее, не было до сего дня. Но сердцем они все те же гориллы — чистые, доверчивые, добрые. Как же я могу оставить их, ведь на моих глазах совершается чудо рождения разума из блаженного плена животной жизни?

Месяц назад я видел, как Нбуру — молодой рилл из западной семьи Мванга, бил двумя кусками кремния друг о друга. Бил просто забавы ради, любовался снопами искр, их быстротекущей красотой. Но он высекал огонь!

Я даже скрутил пук сухой травы, — азарт ученого не умер еще во мне, но потом передумал. Не стану подталкивать прогресс и эволюцию, мы слишком часто это делали.

Глава третья

Можно было уходить — детей явно приняли. Но я отступил в лес, и замер, наблюдая, как гориллы ложатся спать. Немного хотелось побыть с ними. Ано со счастьем свежеиспеченной мамаши затащила детей наверх, и после нежного тщательного вычесывания вся троица заснула в обнимку. Остальные самки тоже разбрелись по гнездам. Бонго поворчал немного и завалился спать.

Гориллы любят спать, эти лежебоки дрыхнут до четырнадцати часов в день.

Ночь пришла на широкие склоны Бисоке, накрыла многозвездным шатром горы Вирунги. Я не двигался с места. Над поляной замелькали шаткие тени летучих мышей — наступило время их охоты. Быстрокрылые силуэты выхватывали из воздуха невидимых даже мне насекомых, и сенсоры то и дело оглушали их пронзительные, неслышные человеческим ухом крики.

Тишину влажного леса, полую изнутри от шорохов множества лапок и рук, шепота черной листвы, журчания бесчисленных ручейков, заполнил многоголосый хор поющих светлячков. Повсюду: в кронах деревьев, траве, на всех ярусах леса зажглись их синеватые звезды, словно духи травы и листьев. Они кружились в мягком от влаги воздухе, то сходились, то разлетались — везде, куда только достанет взгляд. Но постепенно поднимались все выше, пока не сошлись под самыми кронами, на самом верхнем ярусе, где только тонкий лист отделял их от неба. И тогда весь покров леса засиял изнутри, как живая сияющая карта, проявленная душа Великого леса Вирунги.

Хор, пульсирующий на одной, убаюкивающей ноте, достиг пика, словно сошелся в точке гармонии. Многосоставное сияющее облако, почти идеальный шар, составленный из тысяч мерцающих точек, всплыл над верхушками деревьев — словно среди крупных южных звезд появилось новое созвездие. Шар кружился внутри себя по сложным траекториям, в едином и цельном движении.

Впервые массовые полет роя ночных светляков я заметил пятнадцать лет назад. Тогда это был небольшой бесформенный клубок, он пролетел метров двадцать и тут же распался на отдельные точки. Год от года фигуры усложнялись, а число насекомых, в них включенных, росло. Но такой громадный рой я видел впервые.

Светляковый шар пульсировал в такт своей песне и медленно плыл на север. Вокруг хищно мелькали тени летучих мышей, они выхватывали одно насекомое за другим. Но песня не стихала, а

сияние не гасло.

Это новый вид. Светлячки, объединенные общественным сознанием в единую семью. Словно природа пыталась оправиться от удара, нанесенного человеком, хотела восстановить утраченную сложность связей, потерянную красоту гармонии жизни, и рождала новую сложность. Новую жизнь.

Таинственная геометрия нового насекомого мира, выраженная недоступным языком, пылала в черном африканском небе. Второй год я стараюсь расшифровать этот язык и все безуспешно.

О чем они поют, кому они говорят? Неустанному водопаду Хабиуне о покое, который дремлет на верхушках деревьев? Спящим риллам о дыхании тумана, текущего по склонам гор? Летучим мышам о быстротечной, как взмах черного крыла, жизни?

Мне неведомо.

Рой начал вдруг пульсировать, то вспыхивал, то угасал в одном ритме. Эта пульсация все усиливалась, по светящему телу роя стали пробегать сияющие волны. Светляки во внутренних сферах ускорили движение, с бешеной скоростью они летали по хаотичным, но подчиненным какой-то общей цели, траекториям — двойные, тройные, бесконечные восьмерки, спирали, эллипсы, сложные кривые. Мистерия этой геометрии завораживала. Пение их заполнило, казалось, полнеба, сфера роя разом ослепительно вспыхнула и начала торжественно и медленно двоиться.

Деление, это деление роя!

Трудно описать, что я испытал. У меня нет тела, нет сердца и внутренних желез, я не могу чувствовать, а в силах лишь жить тенью чувств, памятью о них, но я испытал самое настоящее счастье — сияющую вспышку, которая соединила все счастье, отпущенное мне в прошлом. Я наблюдал рождение новой, небывалой доселе на этой планете жизни.

Две сферы медленно разъединялись, все меньше соприкасаясь боками. И до последнего момента между ними с сумасшедшей скоростью носились насекомые, словно пытаясь определиться — в каком из роев им лучше. Под конец казалось, что рои скреплены пылающим синим жгутом — как нитью накаливания.

Деление закончилось. Оба роя медленно отплывали друг от друга, приникли к кронам деревьев. Один из них стал оседать на листья, остывал, приглушал свой свет, другой неторопливо направился на север.

Я постоял еще немного. Нет, не ничего ожидал, ведь второй такой подарок, быть может, выпадет лет через двадцать. Просто

следил за скрытой жизнью ночи.

Риллы спали. Бонго смешно причмокивал губами — наверное, ел во сне вкусных улиток, Куимба и Кожо чуть перебирали лапами — лезли на дерево, Ано и дети сопели на три голоса.

Спите, пусть сон ваш будет крепок. Я не сплю никогда.

> *Запись феномена завершена. Необходима отправка отчета о летальном исходе человека. Превышен лимит ожидания ответа.*

Пора было идти на запад. Риллы в безопасности, а у меня еще полно дел: надо было проследить, чтобы солдаты добрались до границы парка, не пристрелив кого-нибудь из редких животных.

Превышен лимит ожидания ответа.

Станция «Итури» погибла. Станция «Сияние-1» в Антарктиде не отвечает шестьдесят четыре года. Станция «Сияние-2» на приполярном Урале выходила на связь шестьдесят лет назад. Связь с центральным офисом на Сардинии оборвалась в самом начале Катастрофы — остров сровняла с уровнем моря одна из ядерных ракет Восточно-азиатского союза. Едва ли там остался кто-то, кому интересны отчеты о сбоях в работе подпроекта FOU WLP.

FOU — это Free Observer Unit. WLP — Wildlife program. Автономный юнит-наблюдатель международного проекта по охране редких видов животных.

Шелестящий голос, который все время сопровождает меня — это и есть я. Последнее детище глобального проекта WLP — проекта погибшего человечества.

Для какого мира я должен теперь спасать горилл?

И кто «я»? Я умер шестьдесят пять лет назад, во время боя с батальоном кофовцев. Солдаты ворвались в лабораторию. Ямагучи отстреливался, не знаю, что с ним случилось потом. А меня… меня расстреляли в упор. Я управлял юнитом по нейроинтерфейсу в режиме эмуляции сознания. Я не мог и пальцем шевельнуть, а только наблюдал.

Меня звали Джузеппе Ланче.

Глава четвертая

Питер не помнил, как выбрался на берег. Узкая тропа, страшная тварь, возникшая ниоткуда. Горячий автомат в руках и пули, без следа исчезающие в черной груди. Удар, вода, захлестывающая с головой, поток, бьющий его о камни.

Он пришел в себя на берегу, сжимая мертвой хваткой лиану. Наверное, она его и спасла. И еще течение. В этом месте русло реки расширялось, и вода замедляла свой ход. Чуть ниже река опять ныряла в узкую горловину ущелья, вода там бешено бурлила и клокотала. Питер глянул на белые брызги пены, и одурело полез выше.

Скользя и оступаясь во влажной красной глине, он отполз подальше от реки, к краю леса, и упал под пальмой. Больше сил не было, и он провалился в забытье — не сон, не дрема, а лихорадочное беспамятство накрыло его.

Второй раз он очнулся уже вечером, когда солнце исчезло за лесом. Питер взглянул на багровый горизонт, который чертили быстрые тени летучих мышей. Ему стало страшно.

Наступала ночь. Он был один и без оружия, вдали от родного Эдеме. Что стало с его отрядом? Где он? Как отсюда выбираться?

Автомат он потерял на тропе, рюкзак слетел при падении. Мальчик проверил карманы — ничего, только размокшая, превратившаяся в табачную кашу сигарета, которую Питер только утром выменял у Элиаса. Спички исчезли.

«Ладно, от них сейчас никакого толку» — махнул рукой Питер. А вот сигарету было жалко — он за нее хороший браслет из гильз отдал. Одна радость — мачете уцелело. Питер привычно взвесил тяжелое лезвие в ладони, и начал рубить плотные кожистые листья у основания — надо было готовиться к ночлегу. Что же он будет делать утром, Питер старался не думать. Главное, пережить эту ночь.

…Проснулся он уже ближе к утру от странного чувства, что рядом есть кто-то живой. Но не животное — их Питер определял сразу. Он с ходу мог сказать, кто шуршит в кустах — птица или ящерица. Питер никому не говорил о своем умении. Когда он был маленьким, ему казалось, что это умеют все — понять, кто стоит за дверью, или угадать, что в коробке — жук или бабочка. И совсем не понимал, почему с ним отказываются играть в прятки. Лишь когда он в первый раз увидел, как действует *куби*, то испугался. Томас-верзила свалился прямо посреди двора и начал биться судорогах, выплевывая кровавую пену. Кто-то позвал старших и всех детей быстро увели в женский дом, а пальцы

Верзилы скребли и скребли красную пыль улицы…Тогда он впервые подумал, что его способность может быть признаком *куби.* И испугался. Он не хотел жить в Доме Скорби, не хотел, чтобы от него отворачивались, прятали маленьких и сыпали очистительный пепел на его следы. Он хотел жить как все. Он не хотел умирать.

Когда они стали курсантами, и им выдали автоматы, Питер уже никому не показывал, что он умеет. Зато в бою, в джунглях, эта способность, «второй слух», как называл ее для себя Питер, два раза спасала его. Когда они чуть не оказались на пути военной колонны синих муравьев-убонайо, и еще там, в деревне «диких». Тогда капитан Джонас дал ему три сигареты. Только эту страшную тварь Питер почему-то вообще не заметил.

Но сейчас он «слышал» что-то очень странное. Люди, и не люди одновременно. Очень близко. Трое. Он слегка раздвинул ворох листьев, в которые зарылся вечером. Тьма, густая, как каша из маниоки, звезды, вспышками выстрелов проглядывающие сквозь быстрые облака. Питер прислушался. Шумела река, казалось, над самым ухом грохотал сверчок, перекрикивались какие-то ночные, неизвестные ему птицы. И ни следа таинственных существ — ни дыхания, ни шороха.

Но они близко, они здесь. Что-то проскользнуло мимо него, зарывшегося меж корней баньяна. Быстро и бесшумно, как ходят только животные. Остановилось. Оно здесь. Питер был готов поклясться, что если протянет руку, то дотронется до неведомого существа. Порыв ветра разогнал тучи или просто Питер привык к рассеянному свету звезд? Но он вдруг увидел высокую тень, схожую с человеческой. Тень подняла руку, — слишком длинную для человека руку, обожгло Питера ужасом, — и короткое, нечеловеческое шипение прорезало ночь.

Питер вздрогнул и существо исчезло — словно его и не было, и только «вторым слухом» Питер чувствовал, как загадочная троица удаляется вниз по реке.

До утра он «вслушивался» в звенящее пространство ночного леса, сжимая мачете. От шершавой рукояти в руке было спокойнее. Начинало светать, когда вдали, ниже по реке он услышал выстрелы.

Глава пятая

Опытные образцы нейроинтерфейса появились всего за пять лет до Катастрофы. Кажется, первая статейка в «Обсервер сайнс» об опытном образце попалась мне в 55-м. Как же все-таки Ями умудрился его подключить к юниту? А самое главное — как он ухитрился заставить интерфейс работать?

Управлять кибернетическим механизмом весом почти в тонну, с иной, нечеловеческой динамикой движения, другими принципами организации нервных связей?

Нам казалось это невозможным, в мире не было подобных примеров. Но упрямец Ямагучи всех переубедил. Я не знаю, по каким каналам он достал нейроинтерфейс. В истории создания FOU вообще много белых пятен. Проект был невероятно сложным. Даже если бы все финансирование «Wildlife program» кинули только на юнита, гражданские разработчики делали бы его лет двадцать. Одно математическое моделирование движения потребовало бы нескольких лет. Думаю, что рука военных здесь очевидна — это в их стиле, обкатать идею на стороне.

От этого мне еще горше — сознавать, что мое нынешнее тело создано в тех же лабораториях, где создавалось оружие, уничтожившее мир.

Управление роботами по нейроинтерфейсу. Прямая связь сознания с электронным мозгом.

Я помню режим отладки: странное, дикое чувство раздвоенности, когда лежал в лаборатории, в операторском кресле, и одновременно ветви хлестали по лицу, вылетая из полутьмы. Я падал на колени, не силах сладить с непослушными огромными конечностями и сообщения об ошибках вспыхивали перед глазами. Спинка кресла давила на спину, и в то же время я — не чувствовал, но понимал, как проминается земля под лапами.

Впрочем, ко всему быстро привыкаешь. Особенно к силе. А это была сила — невероятная сила, с помощью которой я мог спасти всех. И главное — Лори.

Мог, не успел.

Все решилось иначе.

Все решил пятнадцатилетний мальчик с автоматом.

Не помню, сколько прошло времени.

Меня не было. Только вспышки, образы, буквы, цифры, цифры, много цифр. Я сам стал цифрой, погрешностью, ошибкой, случайной комбинацией связей в электронном мозгу. Почему программная защита не вычистила меня, как вирус или ненужный

цифровой хлам — вечная загадка.

Никто из разработчиков нейроинтерфейса и предположить не мог такого феноменального успеха. Наверное, они смогли уловить человеческую душу. Только вот никто об этом не узнает.

Я программный сбой, меня не должно быть. Меня убили шесть десятков лет назад. Я больше не Джузеппе Ланче, этолог и зоолог станции «Вирунги», а автономный юнит-наблюдатель. Я Лесной ужас — Замба Мангей.

Не помню, сколько прошло времени — кажется, два или три года, прежде чем я перехватил управление, но сам этот момент не забуду никогда. Я стоял у скального разлома и мимо, по ветке, пробегал детеныш шипохвостой белки. То ли испугавшись меня, то ли хищной тени ястреба, скользнувшей по листве, он прыгнул и промахнулся мимо соседней ветки. Сорвался вниз, в сорокаметровую пропасть.

Сколько раз до того я пытался сдвинуть руку или ногу юнита, заставить шагнуть — все было бесполезно. Я оставался беспомощным наблюдателем, мог лишь следить за перемещениями юнита — день за днем, и не был способен даже закрыть глаза. Я хотел и не мог сойти с ума.

Но тогда мыслей не было, рука сама собой метнулась вперед, и бельчонок приземлился на черную шерсть запястья. Сжался в комок, смешно дрожа хвостом, и не шевелился, пока я не поднес его к дереву, а после — серой молнией рванулся вверх по стволу.

Теперь я понимаю, что не просто наблюдал за работой юнита, а впитывал программные коды доступа и управления, запоминал тысячи операций и системных команд, становился единым целым с управляющим блоком. Лишенное тела сознание стремилось вновь его обрести, пусть даже это тело гигантской кибернетической обезьяны.

На этом пути меня ждало немало сюрпризов. Порой юнит отказывался выполнять приказы, руководствуясь служебными инструкциями, или текущей задачей, порой шел не так и не туда, куда хотелось.

Пришлось перелопатить почти весь программный код, фактически заново его переписать, прежде чем я смог полностью взять управление на себя.

Тогда я ничего не понимал в языках программирования. Информатика в школе мне давалась хуже всех, я проводил все время в саду у бабушки — наблюдал за насекомыми и птицами. Но эта работа не была похожа на обычную работу программистов. Я будто бы решал внутреннюю задачу, искал ответы на вопросы, мешающие мыслить, или разрабатывал атрофировавшиеся, ослабшие после болезни мышцы.

Как бы там ни было, мой первый шаг был направлен к станции.

Ее не существовало. Уцелевшие после ночной бойни кофовцы сожгли все, что не могли забрать с собой. Остальное было разбито, расстреляно, взорвано. Под ногами хрустели стекло и оплавленный пластик, я бродил по пепелищу, уже зарастающему буйными побегами и лианами. Собирал обгоревшие, объеденные гиенами и крысами трупы товарищей в одну братскую могилу.

Погибли Ренье, Антонио, Жозеф, Луи.

Но я не нашел ни Лауры, ни Ямагучи, и никого из ооновцев. Значит ли это, что они выжили?

Как бы там ни было, для меня они были мертвы — у меня не было связи и не было возможности покинуть пределы парка.

Я могу лишь надеяться, что недолгий остаток своих дней Лори была счастлива.

Но я нашел себя.

Накрытое упавшими перекрытиями крыши, тело не так сильно пострадало от огня, как остальные. Но черви, мухи и грызуны оставили от него лишь скелет. Я долго глядел на череп Джузеппе, прежде чем похоронить. Ты был хорошим ученым, дружище Ланче. Покойся с миром.

На могилу поставил крест из двух металлических балок. И прочел, как не смешно, отходную молитву. Я никогда не думал о вере и был католиком лишь по рождению. Вера, Папа, церковь — все это было бесконечно далеко от моей жизни, всего, чем я занимался. Кто будет всерьез ломать голову над древним хламом, когда столько интересных дел вокруг?

Теперь мне кажется, что если бы больше людей ломало голову над этими «глупостями», все могло быть иначе.

Невообразимая картина — четырехметровая горилла стоит над могилой, и из груди ее раздаются слова на латыни: «Pater noster, qui es in cælis, sanctificétur nomen tuum…».[17]

Отходная молитва ушедшему миру.

Глава шестая

Сенсорная сеть, разбросанная на всей огромной территории бывшего национального парка Вирунги, давно прекратила свое существование, как единое целое. Микродатчики движения, аудио и видеодатчики, газоанализаторы, датчики влажности, давления — все они были рассчитаны на неограниченно долгий срок службы в условиях автономной работы в джунглях. Но все оборудование ломается — ливневые дожди, животные, насекомые, грозы, ураганы, замыкания и сбои. А сервисной службы давно не существует.

Починить я их не в силах. Но отдельные участки сети еще функционируют, и один из них, вниз от водопада Хабиуне, зафиксировал перемещение объектов, распознанных по сумме признаков, как люди. Данные по общему инфракрасному излучению: около шести человек. За сутки они прошли по горам пятнадцать километров. От меня они в семидесяти километрах.

Я буду там на рассвете. Прекрасное время для пробежки на дальнюю дистанцию.

Солнце уже зажгло пики массива Вирунги, когда я вышел к стоянке отряда. Снизив скорость до минимума, я тихо обходил древесные стволы, раздвигал ветви, бесшумно скользил сквозь кустарник, жадно тянущийся вверх, через высокие, почти в рост человека, заросли папоротников. Это была даже не стоянка, они просто сбились в кучу в корнях пальмы, нависающей над горным потоком. Зарылись под сорванные ветви и спали. Тепловизор давал четкую картинку — четыре тела слепились в одно жаркое пятно, вздрагивающее во сне. Двое спят поодаль — это охранение. Устали, бедняги. Простите, но я должен выгнать вас из моего леса.

В полукилометре от стоянки я остановился.

Задействована сирена-ревун.

Если бы я мог убивать, то, наверное… нет, все равно бы не убил. Встреть их тогда, возле еще теплых тел убитой семьи, я бы попытался преодолеть запрет на убийство. Но сейчас, жалких и испуганных? Нет.

В утреннем тумане, медленными слоями струящемся меж черных стволов, родился звук. Вибрирующий на одной ноте, нарастающий, пронзительный — до ломоты в зубах, до дрожи в костях, он волнами выплывал из белого клубящегося марева, и каждая следующая была страшнее предыдущей.

Путаясь в ногах и руках, солдаты опрометью подскочили, расшвыривая ветки. Схватились за оружие, испуганно озирались, ежились от утреннего холода. Серый свет рождающего дня ложился на лица, выбеливал скулы.

В густой пелене тумана, где-то далеко, тяжко затрещало и рухнуло дерево. Потом, ближе — еще одно. Лес наполнился криками проснувшихся мартышек — белоносые макаки трясли головами, прыгали на ветках, возбужденно верещали. Над лесом кругами заходили вспугнутые птицы: зелено-красные трогоны отливали металлом перьев, пестрые голуби заполошно хлопали крыльям, птицы-носороги скользили с ветви на ветвь, мелькали дятлы и карликовые зимородки — все птичье многоголосье разом снялось с гнезд.

Вой, нарастающий, приближался, стягивал в узел внутренности в холодный ком страха.

— Замба! Замба Мангей! — завопил Антуан, и сломя голову ринулся в джунгли, прочь от ужаса, надвигающегося из глубины леса.

— Сволочь, — побелел Кунди, сорвал с плеча автомат и послал очередь в лес, в сторону надвигающегося грохота. — Тварь!

Андрая вышиб автомат и ударом опрокинул Кунди на землю.

— Не трать патроны, не поможет.

Он глянул в растревоженный лес.

— Гонит… — сержант сплюнул. — Уходим, быстро. Догоните толстяка. Пока он голову не сломал. Симон, не отставай.

И сорвался с места. Остальные бросились следом. Только Симон, добежав до кромки леса, вдруг замедлил шаг.

…Влажные листья били по лицу, Андрая вытирал влагу на ходу, и ему казалось, что он плачет. Как они могут вернуться, не выполнив задание?

Я остановился, прослеживая маршрут бегства. До границ леса Вирунги был еще день пути. Сенсорная сеть обрывалась раньше, но я навещу их завтра — они оставляли за собой такой след, что я и без помощи датчиков легко их найду. Жалко поваленных пальм, гевей, драцен, сломанных фикусов, но это не беда — мой след зарастет и через год его уже будет не найти. Надо найти возвышенность, день безоблачный, батареям необходима подзарядка — я потратил много энергии в бою. Пройду по руслу реки, там можно найти подходящую скалу.

Человек в 150 метрах.

Вот так сюрприз — неужели кто-то из этой детворы остался? Такого мужества я не предполагал. Может быть, кто-то ногу

сломал?

Черт, это проблема. Оставление в беде — то же самое убийство. Как же быть? Дьявол их побери.

Увеличение инфракрасного изображения.

Он стоял на небольшой поляне, прижатой к грохочущей печной пропасти, и в руке синим холодом светилось пятно мачете.

Значит, кто-то решил биться до конца? Что ж… ломая ветви и сшибая деревца, я двинулся вперед, уже ничуть не думая о сохранности тропической флоры.

А если это ловушка?

Сканирование. Огнестрельное оружие — отсутствует. Радиоизлучение на всей частотах — отсутствует. Боевые импланты — не обнаружены.

Сто, пятьдесят, тридцать метров. Мальчик не шевелился, только сердце его колотилось все сильнее. Запах адреналина, густой и терпкий, поплыл над поляной, уловимый газоанализаторами.

С грохотом я выломился из клубящейся утренней мглы джунглей. В ярости раскидал заросли драцен — они разлетались, трепеща кожистыми листами, и, раскинув руки, взревел.

Эффектней появления было не придумать. Убегай, чего же ты стоишь, дурак!

Он стоял.

Широкое лезвие мачете дрожало в руке и тряслись колени. Но он стоял.

— Лесной Ужас, — вытолкнули непослушные губы на языке ндебеле. — Ты… — Тукутхела Усомадла.

Отшвырнул мачете, он упал на колени, уткнулся головой в листья. Тот самый двенадцатилетний пацан, которого я нашел в кустарнике у водопада.

Тукутхела Усомадла. Бич Божий, гнев Бога Всемогущего.

Глупее ситуации не придумать.

Наступить на него. Раздавить, как давит несущийся носорог гнезда жаворонков, и бежит дальше, не слыша, как хрустят кости птенцов под его копытами. Стереть, как вошь, как москита с лица леса моего.

Не могу.

Развернувшись, я ушел обратно в лес.

Глава седьмая

Симон шел вверх по течению реки, продираясь через заросли низкорослых кустарников. Они густо разрослись на узкой полоске вдоль русла, здесь было больше света. Чтобы выйти из леса, надо было идти вниз — к низовьям, куда бежала вода с гор. Но мальчик упрямо поднимался наверх. Срывался на скользких камнях, цеплялся за лианы, сбивал шляпы грибов и причудливые наросты древесных паразитов. Руки и лицо, исхлестанные плотными листьям, саднили — мачете он потерял тем страшным утром, когда Лесной Ужас пришел второй раз.

Он сам и не понимал, почему не убежал с остальными. Должно быть, потому что Лесной Ужас заговорил с ним — Симон и не думал, что такое возможно. Сказки и слухи о таинственном ужасе, охраняющем Вирунги, которые вечерами у костра рассказывали друг другу его братья — солдаты Великого Омуранги, все это меркло по сравнению с увиденным. Но он целых два раза столкнулся лицом к лицу с Лесным Ужасом и выжил. Разве это не знак Божий?

Бог думает о нем и хочет, чтобы Симон выполнил его волю. Только необычный человек, избранный, может остаться в живых при встрече с Лесным Ужасом.

Именно поэтому Симон шел в горы — он искал Ужас. Искал, чтобы еще раз услышать голос Бича Божьего, голос, который скажет — что должен сделать Симон?

Вторые сутки у него не было во рту ни крошки. Только вчера, на исходе дня мальчик поймал карликового дятелка — маленького, золотисто-зеленого, целиком умещавшегося в ладонь. Он съел его целиком, оставив только перья и голову, и только подивился, как близко тот его к себе подпустил.

Водопад был совсем близко. Симон слышал глухой грохот за деревьями, в воздухе серебром плыла водяная взвесь. Он взял вправо, чтобы обойти скалы, и шагов через четыреста наткнулся на тело капитана Джонаса. Тот лежал на животе, по шее его ползали мелкие черные муравьи-убонайо. Симон глянул на объеденные пальцы руки и быстро отвел взгляд. В нескольких шагах от него, в сплетении воздушных корней, толстыми канатами спускающихся вниз, поблескивал гранатомет.

Мальчик приблизился, бездумно взял его. Руки, привыкшие к оружию, сами отщелкнули барабан, и металлический звук странным эхом отозвался в лесу. Симон отсоединил тонкий провод от казенной части, вернулся к телу, деловито расстегнул рюкзак капитана, достал оттуда тяжелый цилиндр гранаты.

Джонас был самым взрослым из них, у него уже было две жены и сын, он знал, что предки скоро позовут его. Поэтому Великий Омуранги доверил ему такое оружие. Поэтому он дал ему Благословение.

Симон видел, как капитан ухаживал за гранатометом на привалах. Он был страшно горд и не давал никому и пальцем притронуться к оружию. И сейчас руки Симона мгновенно повторили его движения. Граната со щелчком, легко и плотно встала в пустое гнездо. Симон защелкнул барабан и вдруг почувствовал силу в ладонях. Мальчик распрямил плечи — оказывается, все это время он шел, сгорбившись, почти распластываясь по земле, — и горделиво огляделся. Лес молчал.

— Хеэей! — прокричал он, поднимая оружие над головой. — Тукутхела Усомадла!

Гранатомет вдруг дернулся, страшная сила, выворачивая пальцы мальчика, выдернула оружие и молниеносно ударила его о ближайшее дерево. Искореженные части разлетелись в стороны, вспыхнули на редких солнечных лучах, пробившихся сквозь толщу листвы.

Симон рывком обернулся и упал от неожиданности. Над ним, где минуту назад было пусто, в проеме меж деревьев стоял Лесной Ужас.

— Уходи, — раздался ровный голос.

Симон беззвучно, как глупая рыба-хланзи, выброшенная на песок, развевал рот, но не мог и слова сказать. Все вокруг почему-то поплыло, как в дыму над костром. Сгребая ладонями гнилую листву, он встал на колени.

— О, Бич Бога Всемогущего, живущего на небесах, — захлебываясь, начал Симон. Его била крупная дрожь, а в сердце как будто загнали иглу. — О, идущий тропой праведных, ввергающий в огонь грешников и фарисеев. Молю тебя, не убивай. Молю, скажи Слово Божие, укажи путь верный рабу твоему. Очень, очень тебя прошу, Великий Бич, скажи, что мне делать…

Симон путался в словах проповедей на лингала и родном наречии, а потом и вовсе зарыдал. Ему уже не было страшно, он перешел за ту грань, где еще чего-то можно бояться, и мальчику было все равно — раздавит ли его огромная тяжелая лапа или свернет шею. Он просил у черного Бога, явившегося ему во мраке этого леса, дать ему свет в жизни. Смысла, ради которого стоит жить и умереть.

Ведь вся его бывшая до сих пор жизнь ничего не значила перед этим огромным лицом. Перед глазами, где плескалась вековечная тьма.

Думаю, запрет на убийство человека, прошитый в программной оболочке можно обойти. Во время последнего боя Ямагучи поправил запрет, исключив лишь прямые действия, ведущие к летальному исходу. А я мог и вовсе убрать его. Ведь шестьдесят лет — это очень большой срок для существа, не умеющего спать. Я постоянно улучшал и переписывал коды, изучил всю доступную документацию по программированию — у нас была отличная библиотека, Ямагучи сам составлял этот раздел. Пещера резервного склада уцелела, и серверы продолжали работу. Так что я теперь лучший и, наверное, единственный хакер в мире. Но я не убрал запрет, и не стану делать этого. Да, я больше не человек, но хочу сохранить что-то, что меня останавливает. Этот запрет — лучшее в человеке, то, от чего он слишком часто отступал.

Аккумуляторы зарядились только на шестьдесят процентов, когда комплекс наблюдения зарегистрировал человека: внизу по течению, под водопадом Хабиуне. При увеличении я легко различил фигурку, мелькавшую в зарослях фаэгри вдоль русла.

Тот самый мальчишка, больше некому! Что же с ним делать — оглушить и отнести на край леса? Откуда подобное упорство? Мой облик не располагает к завязыванию дружеских контактов. Что ему нужно?

Я раздраженно заворчал. Спрыгнул со скалы, и направился в лес, рассчитывая перехватить парня метров через двести.

Из сбивчивой невнятицы его речи было ясно, что мальчик свихнулся. Неудивительно. Если он из гвардии какого—нибудь проповедника-сектанта, то в мое время там таких пацанов накачивали с младенчества всякой чушью про Господа Бога, который дал эту землю избранным — черным людям того или иного Святого вождя. Все белые и еретики должны умереть. Из таких мальчишек, похищенных у родителей в возрасте четырех-пяти лет, раньше и создавались всевозможные святые гвардии. Эти бывшие дети не умеют ничего, кроме как убивать и насиловать.

Но я стоял перед ним, совершенно растерянный.

Что же мне с тобой делать, дурачок? Ты уткнулся в землю, слепой от слез и просишь божественного откровения у машины погибшего мира. Что мне сказать тебе? Ты не видел ничего, кроме смерти, ты вырос среди болезней, ненависти и бесконечного убийства. Все куцые слова у тебя кончились, и ты уже просто воешь на одной ноте, тоскливо и безнадежно. Просишь невозможного, ищешь Бога там, где его нет, давишься слезами, поднимаешь глаза и вновь утыкаешься в землю.

Я был ученым, а не священником, я знал миллион вещей, но

не знал, что сделать с этим горем. И тогда верх взяла горилла. Она села возле мальчика и просто погладила по острой худой спине — бережно, чтобы не поранить ребенка.

Он вздрогнул всем телом. Приник к моей ладони и затих, всхлипывая.

Глава восьмая

Мальчишка обессилел так, что не мог встать. Неподалеку от водопада была небольшая пещерка. Я отнес его туда, выгнал двух юрких ящурок, с трудом просунул лапы и положил мальчика на сухие листья, нанесенные каким-то животным. На камнях валялись ломкие кости и остатки перьев — наверное, здесь обитала циветта или вивера.

Надо принести хвороста и найти еды — похоже, парень голоден. Я кружил по лесу, искал сухие упавшие стволы, но во влажном тропическом воздухе дерево сгнивает, превращается в труху быстрее, чем сгорает в огне. Оказавшись случайно у тела погибшего командира, я задумался. Дешифровка информации, скачанной из импланта, продолжалась, но может быть, что-то подскажет его оружие или обмундирование, что угодно: заводские клейма, штампы, надписи на форме. В любом случае тело следует изучить подробней.

На остатках гранатомета все номера были сбиты. Форма тоже безлика — никаких лейблов или бирок. По покрою похожа на форму угандийского спецназа, хотя кто знает, кому достались эти склады теперь. Я отрезан от всех источников информации. Если здесь появились эти ребята, то, может быть, сохранились государства и жизнь налаживается? Однако за прошедшие шестьдесят лет никто о проекте WLP не вспомнил. До сегодняшнего дня.

В распотрошенном рюкзаке — две банки старых консервов, похоже, из запасов армии или ООН, такие же древние сигареты, немного вяленого мяса и лепешка из маниоки.

К раздетому телу уже проторили дорожку хищные черные муравьи. Кисти рук и мягкие ткани лица уже были объедены — крысы, виверы, лесные кошки, здесь полно мелких хищников и свое дело они знают. Через неделю от тела останется белый скелет, через год я не найду места, где он погиб. Так и стоило поступить — из природы пришло, в природу вернулось. Но я не мог.

Влажная красная вулканическая земля липла к пальцам. Тело легло в яму спиной вверх — не хотелось смотреть на безносое лицо.

— Покойся с миром, мальчик, — я собрался сдвинуть вырытую кучу, как вдруг заметил, что одна из рук упирается в край ямы под неестественным углом.

Разве руки у него были сломаны? Нет, кроме шеи он ничего себе не ломал. Хотя и это под вопросом. Я так и не понял, что

чего он умер. Больше всего это было похоже на шок.

Я нагнулся.

Гамма-сканирование.

Вот это да. Кажется, похороны временно отменяются. Я перекинул тело через плечо, подхватил рюкзак. Прости, мальчик, но нужно все выяснить. Пора было распаковать пещеру с лабораторным оборудованием.

Шестьдесят лет назад все резервное оборудование было отнесено в одну из горных пещер. Вход задвинут скалой, так что добраться до материалов станции «Итури» можно было только с помощью взрывчатки. Память у меня была огромная, но не бесконечная, а FOU продолжал выполнять основную функцию — собирать информацию о гориллах, так что массив данных очень быстро накапливался.

Слава богу, основной сервер уцелел. Солнечные батареи давно умерли, и я включал его раз в месяц, чтобы сбросить данные — для работы ему хватало генерируемого мной электричества, а фазовая память была энергонезависима. В сухом и холодном воздухе пещеры она могла существовать неограниченно долгое время.

Мир стал гораздо страшнее, чем я думал. У этого мальчика была скелетная аномалия. Одна из его рук сгибалась во все стороны. Не полностью, градусов на тридцать, но анатомия человека подобные вещи исключает абсолютно!

Того, прошлого человека. Сначала я подумал, что это последствия переломов, потом — что следствие грамотной хирургической операции, придавшей конечности новые степени свободы. Мальчик же был модифицирован, могли и с суставом помудрить. Правда, думал я по пути в лабораторию, где могли уцелеть такие хирурги?

Все оказалось гораздо мрачнее. Ни следов переломов — костных швов на месте разбитых костей, ни следов хирургического вмешательства не обнаружилось. По результатам рентгеновского осмотра нашлись еще изменения костной структуры — двадцать два ребра вместо обычных двадцати четырех. Большего сканирование показать не могло, и я распаковал походный медкомплекс.

На хирурга я не учился, но у меня был общий курс биологии животных и вся медицинская библиотека нашего медика Симона в большой кибернетической голове. Лазерный скальпель автономного робота-хирурга работал превосходно.

Спустя двадцать минут я отключил его.

Кажется, это называется положительной мутацией.

Джонаса никто не оперировал, в его организм не вносились усовершенствования, модные в мое время — исправить форму носа, нарастить длину ног или рук, заменить износившееся сердце или глаза. Боевые модификации незначительны — нейрошунт в затылочной кости, возможно, зонирование глазного нерва.

Но с такой рукой он родился от природы. Строение мышц это подтверждало — он мог управлять ей, как ему хочется. По сути, передо мной лежал новый вид, или подвид Homo Sapiens. Эх, провести бы генетическую экспертизу, сличить его ДНК со стандартной. Было бы оборудование…

Что это — радиация, биологическое оружие, отравляющие вещества? Я не знаю. В пещере лежал мертвый искалеченный ребенок, ни в чем не виноватый. Ему повезло, он выжил при рождении. Сколько погибло еще в утробе матери?

И как они теперь живут? Неужели теперь планета состоит из мутантов, несчастных, искалеченных людей и животных? Они умирают, не успев прожить и часть отпущенной им жизни — ведь радиация продолжает смертельную работу — в воде, воздухе, земле. Я неуязвим. Но вся планета стала огромной камерой бессмысленных пыток для живых существ. Будьте вы прокляты.

Что же делать?

Надо вернуться к мальчику, надеюсь, он не удрал, когда проснулся. Мне необходимы были ответы.

Глава девятая

Симон очнулся, когда солнце уже зацепилось за дальнюю кромку леса. Над ним нависал низкий свод, в красном камне которого разбегалась паутина трещин. Мальчик медленно сел в ворохе сухих листьев. Снаружи, спиной к входу, сидел Лесной Ужас. Но в пещеру при всем желании он не мог бы пролезть — лаз был чуть ниже роста мальчика.

Симон потянулся, почесал голову. Он себя чувствовал немного странно, все недавно случившееся, казалось, произошло очень давно и словно не с ним. Тело было пустым и звенящим.

— Проснулся?

Мальчик вздрогнул от этого голоса. Вход заслонило черное лицо с выпяченными губами, мелькнул большой глаз.

— Поешь, — внутрь пещеры протянулась толстая, с бедро Симона, рука с рюкзаком капитана Джонаса.

Мальчик взял рюкзак и увидел, что черные пальцы гориллы испачканы липким красным. Его замутило. Рука быстро отдернулась.

— Еда внутри.

Из рюкзака ударили запахи вяленого мяса и хлеба, рот наполнился вязкой слюной. Симон вытащил ломоть мяса, обернутый в пальмовые листья, принялся торопливо жевать, по привычке бросая взгляды по сторонам. Он не боялся, что кто-то, тем паче Ужас, отнимет еду, просто он ел, как всегда ел в своем взводе-стае — быстро, озираясь по сторонам и закрывая еду, чтобы никто не отнял.

Чувство же, которое он испытывал при взгляде на четырехметровую гориллу, не было страхом. Он просто не мог без дрожи взглянуть в это лицо — шире его плеч. Мальчик весь трепетал от соседства с *этим.*

Но еще Симону было почему-то очень спокойно, так, как бывало только в смутных снах о глубоком детстве в женском доме, где его все любили, и никуда не надо было бежать и стрелять.

Мясо быстро кончилось, мальчик по кусочкам разжевал черствую лепешку, заедая ее каким-то желто-красным лесным плодом, которые горкой лежали у лиственной постели.

Лесной Ужас сидел неподвижно, не оборачивался, глядел на закат.

Симон наелся, вытер руки о потерявшие всякий цвет штаны и тихо, медленно переступая, так что ни одна веточка, ни один камешек не стронулись со своего места, выбрался из пещеры.

Осторожно приблизился к горилле. Двигался он бесшумно, как все дети Великого Омуранги, выросшие в Эдеме. Ужас сидел неподвижно, и казался черной скалой, вписанной в красное небо.

— Расскажи, — выкатилось вдруг слово в закатный воздух, и будто не рассеялось, а упало на мальчика, придавило к земле.

— Ч…что? — опешил Симон. В голове у него все опять поплыло и он сел.

«Разве я… нет, я не порченный!» — он торопливо перекрестился, чтобы защитится от злого духа. «Как такое может быть, я ведь еще не женился. Но…».

В голове все перемешалось. Он вспомнил, как Мокеле-дергунчик сошел с ума: катался по земле, кричал, что в голову к нему залезли муравьи и едят ее изнутри, прозрачные невидимые муравьи. Он выл, плевался пеной, пока капитан Джонас не застрелил его. Капитан сказал, что Мокеле порченный, *куби*. Велел не касаться его и перенести лагерь.

А ведь Мокеле был самый младший, и все думали, что порча его еще долго не тронет.

Неужели и он, Симон, тоже *куби* и скоро его внутренности будут грызть муравьи — посланцы злого духа Усатханы?

— Расскажи, что там? Откуда вы пришли?

Симон немного успокоился. Он обошел гориллу и боязливо поднял взгляд, но по-прежнему избегая встречаться глазами с Лесным Ужасом, уткнулся взглядом в черные губы, меж которых поблескивали желтые зубы.

— А разве посланец Бога не все знает? — спросил мальчик.

Ему показалось, что огромная грудь поднялась в тяжелом вздохе.

— Как тебя зовут? — черные губы шевельнулись, шире обнажая желтые клыки.

— Симон, о Великий…

— Не называй меня так. Велик только Господь. Меня зовут… — Лесной Ужас словно на миг о чем-то задумался. — Зови меня Джузеппе.

— Джуз. ээпээ, Джуз… — мальчик тщетно пытался справиться со странным ангельским именем.

— Джу.

— Хорошо, Великий Джу.

— Просто Джу.

— Хорошо, Вели… — запнулся Симон — Джу. Да. Там Рай.

— Что? — остроконечная голова вдруг приблизилась, нависла над ним, и Симон зажмурился от неожиданности. Мысли его заскакали, как макаки по веткам.

«Я прогневал его, Боже могущественный. Я…недостоин,

дурак, дурак!»

— Рай?

— Да, Джу, там Рай — наш город Эдеме. Там живет Великий пророк Омуранги. Там все живут, красивей места нет. Там огромные дома, даже выше тебя, там дворец Омуранги, — горячо заговорил Симон, поняв, что Ужас на него не гневается.

— Ты пришел оттуда?

— Я… да мы, — голос Симона сбился, он почесал нос от растерянности. Лицо его сморщилось. — Я, мы, нам сказали, что надо принести двух детенышей лесных людей — енгаги. Мы не знали, что они под твоей защитой, Великий Джу, мы не знали… Это Великий Омуранги велел, — он сел на землю и заревел во весь голос. Все напряжение прошлых дней, долгого похода и страшного сражения разом выходило в слезах. Огромная рука нежно коснулась по его волос.

— Все кончилось, каани. Все кончилось, малыш.

Очень давно Симона никто так не называл. Ему стало совсем невмоготу, он уткнулся в жесткую черную шерсть и безутешно зарыдал.

— Не плачь, — черный палец приподнял его подбородок. — Я не сержусь. Расскажи, что это такое — Эдеме?

Симон глубоко вздохнул, размазал кулаком слезы и, икая, продолжил.

— Там живет Великий Омуранги. Там живут все. Там большие дома, много людей. Я, — он с детской гордостью ткнул мокрым от слез кулаком в грудь. — Исотша — солдат. У нас много солдат, много оружия. И есть большие машины, целых десять, с пулеметами. Вот так. Сильнее Великого Омуранги нет никого.

Мальчик увлекся, замахал руками, показывая размеры пулеметов и машин.

— Ну, почти никого, — он смущенно поднял блестящие глаза, неуверенно продолжил. — Он сильнее всех людей. Вот. Еще есть девчонки. Их берегут. И еще мы крадем их у диких, в лесах. Дикие глупые и не хотят слушаться Великого Омуранги. Дураки, они не понимают, как это здорово — слышать его, видеть его. Он — голос Божий, пророк, он самый мудрый, он все знает, он прожил тысячу лет. А может больше. Он никогда не ошибается и делает все всегда правильно.

Симон опять замешался — ведь именно Великий Омуранги послал их сюда, в этот лес, где он встретил Джу, и значит…

Но что это значит, он не мог понять. Такое противоречие было для него неразрешимо, и он торопливо продолжил, стараясь не думать над такими странными вещами.

— Омуранги может призвать дождь и засуху, и он может летать в блестящей машине, а еще, еще он не умирает.

— Как это?

— Ну, так, — Симон даже удивился такому глупому вопросу. — Мы все умираем, а он нет. Старшие, чей срок уже близок, говорят — когда они были маленькими, он был таким же. Лицо у него большое. Конечно, меньше чем у тебя, Джу, и еще есть такая борода. Она как твоя шерсть на спине — белая. Может, это знак Бога?

Ошарашенный неожиданным сравнением, он замолчал. Раньше такие мысли ему в голову не приходили. Вся жизнь сводилась к тому, чтобы бороться за сигареты, сахар и выпивку, подчиняться приказам, драться с товарищами, играть в кости и напиваться вечерами. Места для мыслей в ней не было.

— Он не умирает, а вы умираете? — в голосе Джу Симону вдруг послышалось волнение.

— Ну да, — задумчиво ответил мальчик, он все еще продолжал думать свою мысль. «Да, это точно знак Бога» — решил он. Это открытие — что он может думать другие, не такие как у остальных, мысли, что они могут появляться в его голове, обескуражило мальчика.

Джу не торопил его.

— Все люди умирают, — пожал плечами Симон, — Никто не может прожить больше… — он растопырил пальцы и долго шевелил губами. — Никто из людей, кроме Великого Омуранги, не может жить больше, чем два раза по десять лет.

— Так было всегда, — поднял он глаза. — Это *куби.* Порча мира.

Глава десятая

То, что рассказал мальчик, с трудом уместилось в моей большой обезьяньей голове.

Общество, которое существовало в Эдеме — да уж, хорошее название для города, это общество было самой дикой формой теократии. Город-стая, где царил Великий Омуранги, а все остальные повиновались ему. Сначала я решил, что это обычный туземный царек, держащийся властью пули и суеверия. Чем его положение отличалось от положения генерала Нсото? Только большим невежеством людей, ему подчиненных.

Полеты… Вертолет или скайплан, которым он научился управлять. Бессмертие и всемогущество — сказки, чтобы держать людей в страхе.

Но представить мир, где никто не доживает до двадцати лет? Господи Боже, неужели это — правда? Может быть, мальчишка просто не умеет считать? Господи, пожалуйста. Так не может быть, так слишком несправедливо.

И в чем причина столь ранней смертности? Болезни? У кого-нибудь все равно нашелся бы иммунитет. Радиация? Она так быстро не убивает. Боевой вирус? С таким избирательным механизмом действия — убивать только взрослых? Невозможно. Уничтожить все взрослое население противника, всех, способных держать оружие. Идеальное решение. Но как могли этого добиться?

И почему не умирает этот Омуранги? Мутация, которая переборола вирус? Полная кибернетизация организма? А может просто сказка, и в Эдеме есть тайный круг, где передается титул Великого Омуранги вместе с накладной бородкой и гримом?

И главное — что мне теперь делать?

Пока в лес не пришли эти дети, у меня была четкая и ясная цель. Или хотя бы ее видимость. Я следил за риллами, работал, как прежде, и не думал про погибший мир. Риллы были моей надеждой. В них я видел будущее Земли — новых людей, которые не сделают ошибок предыдущих. Наверное, я чувствовал себя немного Богом, который присматривает за юным человечеством. Еще немного — сто, двести лет и они обретут разум. Большего счастья для ученого нет — собственными глазами наблюдать за процессом эволюции.

И я решил, что у меня есть шанс все исправить.

Но теперь появляется этот ребенок. Зачем он мне рассказал про них, несчастных людей, моих бывших сородичей, которых я уже списал со всех счетов?

Что же делать?

Прошло столько лет. Я не мог и подумать, что во мне живы человеческие чувства. Откуда им взяться — ведь это только химические процессы в человеческом теле, которого больше нет. Но и меня самого не должно быть. Значит ли это, что у меня по-прежнему человеческое сердце? Его нет, ничто не бьется в механической груди.

Но как болит, Господи, как болит.

Мальчик что-то продолжал рассказывать. Он увлекся, взмахивал руками и был похож на тощего безволосого птенца. Глаза блестели. Кажется, он перестал меня бояться. И он тоже умрет? В нем тоже живет эта зараза, тикает часовая бомба, которая взорвется, едва исполнится девятнадцать?

Нет, невозможно.

— Значит, тебя зовут Симон?

Мальчик осекся, опустил руки.

— Да, господин Великий Джу.

Симон. На одном древнем языке это имя означало «услышанный». Вестник.

Он говорит на языке ндебеле. Между собой солдаты переговаривались на лингала — это межплеменной язык общения. В Эдеме, должно быть смешались все племена Конго.

Нет, я ничего не могу сделать, у меня есть риллы, а все остальное — не моя забота. Нет!

— Симон, завтра ты пойдешь обратно. В Эдеме.

— Я… — мальчик оторопел, — Но я же…Как я вернусь, мы не выполнили задание Великого Омуранги. И я не знаю, куда идти. Как я найду своих?

— Они ниже по течению реки. Симон, тебе нельзя здесь быть.

— Но, — он запнулся, лицо его сморщилось, будто он решал какую-то сложную задачу, а потом просияло. — Великий Джу, это Божья Воля, да? Я должен что-то сделать? Что-то очень важное, да?

Как же быстро он нашел себе другого идола, чтобы поклоняться. Нет. Я не могу для них ничего сделать. Слишком поздно.

— Какое слово ты скажешь мне? Что я должен сделать? Открой мне Божью Волю, Симон сделает все, он хороший воин! — мальчик с восторгом и обожанием смотрел на меня, обнимая колено.

— Завтра ты уйдешь обратно, — повторил я, поднялся и ушел в лес.

Глава одиннадцатая

Когда Джу ушел, Симон кинулся его искать, но разве найдешь в темном лесу черную гориллу, пусть даже такую и большую? Он растворился в темноте беззвучно, и ни ветки не качнулось. Мальчик напрасно вглядывался в непроглядную темень, полную шорохов и ночных звуков. Очень скоро ему стало страшно. Симон привык, что автомат всегда под рукой и без него чувствовал себя раздетым и беззащитным. Он сел у входа в пещерку, обхватил колени руками — ночью похолодало. Белый туман медленно сползал с горы, заливал склон молочной пеленой. Симон любил молоко. В Эдеме были коровы, худые и черные, они вечно рылись в помойках, искали еду. Туман был такой плотный и белый, что у мальчика заурчало в животе от голода. Он выгреб из рюкзака крошки лепешки и мигом проглотил их. Потом пошарил еще, но больше ничего съедобного не было, кроме пары консервов. Но они были простые, без кольца на крышке, а открыть было нечем. Симон вспомнил о мачете, потерянном в лесу и вздохнул. Ему было плохо. Раньше он никогда не оставался один. Всегда был во взводе или в общинном доме, а там все время люди. Правда, ничего хорошего от них ждать не приходилось: драться приходилось всегда. За тростниковый сахар, выпивку, курево, за то, чтобы сидеть рядом с красивой девчонкой, за хорошее оружие и патроны, да и просто так. Старшие всегда подбивали на драку. Делали ставки — парень из чьего взвода победит. Проигравший капитан отдавал виски или сигареты. Ох, и плохо же приходилось самому бойцу. Симон вспомнил, как Джонас избил Элиаса, за то, что тот проиграл вертуну Мпонго. Вертлявый, как лесная крыса, тот вечно скалил мелкие зубы, так и норовил что-нибудь стащить. Ребята собирались хорошенько проучить Мпонго, ведь Элиас три дня потом не поднимался с циновки.

Но в день их мести Великий Омуранги приказал отправляться сюда, в горные леса.

«Что же мне делать? — вздохнул Симон. — Как я могу вернуться назад? Задание же не выполнено. А Лесной Ужас меня прогнал. Значит, я не избранный. Я недостоин. Мой капитан погиб. И я должен умереть — иначе не попаду в небесный Рай, к престолу Бога».

Но как ему умереть, Симон не знал. Оружия не было. Можно было прыгнуть со скалы у водопада? А вдруг он выживет? Или покалечится, и будет долго мучиться на берегу?

Симон был в бою. Видел, как умирают люди. Он даже сам застрелил одного дикого, во время продовольственной

экспедиции. Правда, тогда палили все почем зря. Это была первая операция их взвода и все перепугались, когда этот здоровенный дикий с карабином выскочил на них. Но Симон был уверен, что он выстрелил первым, и очень хвалился. А теперь ему надо умереть? Как это?

Мальчик зажмурился, попытался представить собственную смерть. Он падает со скалы, кости ломаются, кровь вытекает, он перестает дышать, сердце не бьется, и… дальше что?

Дальше вставала темнота, чернее самой темной ночи, и что-то ворочалось в этой темноте, что-то настолько страшное и невообразимое, что Симон вскрикнул и раскрыл глаза.

Ночная жизнь леса разворачивалась перед ним. Летучие мыши рассекали пряди тумана быстрыми росчерками. Во влажном воздухе плыл несмолкаемый звон цикад. Лес дышал и как огромный зверь, глядел на мальчика миллионом светящихся зрачков. Внутри него шла незримая, почти бесшумная жизнь, неведомая мальчику — о чем-то в вышине вздыхали и еле слышно шевелили листвой деревья, редкие птицы проплывали среди них смутными тенями, и кто-то царапался в выбеленной туманом тьме.

Симон поежился, залез в пещеру. Долго не мог успокоиться, глядел на лес, ворочался в сухих листьях. В голову лезли разные, непривычные мысли, иногда даже пугающие и главное, он был в полной растерянности — что же делать? Наконец эта бесплодная борьба его утомила, и он заснул.

Утром он проснулся, когда солнце уже перевалило за пики Вирунги и висело прямо над головой. Выбираясь из пещеры, мальчик наткнулся на аккуратную стопку новой одежды. Рядом лежала металлическая фляга с водой, новенький мачете в ножнах, и много странных плоских консервов.

Мальчик тут же дернул за кольцо на крышке, и испуганно выронил — банка чуть слышно зашипела, из-под крышки поднялся парок. Симон осторожно приподнял мачете край крышки, увидел розовые куски и почуял запах жареной свинины. Спустя секунду мальчик уже жадно зачерпывал из банки руками и ел, морщась от горячего сока, текущего по пальцам.

Он проглотил банки три, прежде чем наелся. Мясо в Эдеме было редкостью. Обычно они ели кашу из маниоки и бананов, потому что «святые воины» не должны вкушать мяса — иначе тела их отяжелеют и не смогут подняться в небесный Рай. Так говорил Великий Омуранги. Мясо можно было есть только по великим праздникам, таким как Схождение Святого Духа на пророка Омуранги. Еще мясо входило в походный паек и рационы для гарнизонов.

«Вот кому хорошо, — вздохнул Симон, — Сидят себе в тенечке, в карты режутся. Эх, оказаться бы сейчас в Северном гарнизоне, например. Тишина, никаких диких и паек усиленный».

Наевшись, Симон уселся на теплой глыбе красноватого песчаника и стал кидать мелкие камни вниз, к подножию леса, распугивать ящериц-гекко и пестрых бабочек.

Метким броском он вспугнул целую стаю, и они разом вспорхнули — алые, желтые, синие, переливчатые и разноцветные.

Нет, не буду умирать, решил Симон. Вернусь в Эдеме. Когда Великий Омуранги узнает о Лесном Ужасе, услышит его тайное имя — Джу, то наоборот, наградит Симона.

«Я буду есть свинину тридцать раз в год, — зажмурился от удовольствия мальчик. — Нет, каждую неделю!»

«Омуранги даст мне звание капитана, — продолжал мечтать Симон. — Выделит взвод в подчинение и тогда-то все попляшут. Элиас — за вечные подножки и обзывательства! И Кунди-гадина, который отобрал найденную у диких книжку с черно-белыми картинками. Все, все попляшут!»

Симону так захотелось стать капитаном, что он больше ни секунды не медлил. Мигом скинул продранные грязные штаны, переоделся в новую одежду — зеленые штаны и такого же цвета рубашку, там был даже пояс — черный и прочный, обул ботинки, привесил мачете, подхватил рюкзак и почти бегом кинулся в лес.

Там было сумрачно. Огромные, руками не обхватишь, колонны стволов возносились на невероятную высоту, и где-то там шумела листва, светясь под солнцем. Оттуда, с этой высоты свисали плети лиан, усеянные голубоватыми цветами. Они переплетались в густую сеть, связывающую воедино весь лес и их воздушные корни, как волосы, шевелил ветерок. Сквозь тесно смыкающиеся кроны пробивались сотни тонких лучей и там, где они касались земли, изумрудом вспыхивали седые мхи, поднимавшиеся по широким досковидным корням-подпоркам. Меж мхов, прямо на стволах, распускались разноцветные орхидеи. Алыми огнями пылали бабочки, суматошно порхавшие с цветка на цветок. Мальчик шел озираясь, чутко вслушивался в шорохи, в журчание бесчисленных ручейков, которые весело бежали между блестящих красных камней вниз, к реке Итури.

«Джу еще увидит, какой я, — думалось Симону, пока ноги в крепких ботинках легко шагали по сладковато преющей опавшей листве, скрадывающей все звуки. — Омуранги наградит меня. И пошлет новый отряд, намного сильнее. И тогда Джу поймет, что с нами нельзя воевать, а надо дружить. Надо быть союзниками. А с таким другом нам ничего не будет страшно. Тогда мы покорим

всех диких и… начнется царство Божие на земле».

Дальше его воображение отказывало. Мальчику представлялось что-то замечательное, спокойное, где много еды и не надо никуда бежать, стрелять и убивать. А можно целый день валяться под пальмовым навесом, есть мясо и пить пиво.

День уже кончался, когда Симон почуял запах дыма. Он не знал, что до края большого леса Вирунги оставалось идти еще больше двух дней, но здесь влажные горные леса уже уступали место более сухим равнинным. Огромные стволы, которые опирались на корни-подпорки, увитые лианами-ротангами, уже сменились кое-где зарослями пальм и вечнозеленых кустарников — гевей, фикусов, бегоний, молодых акаций. Симон яростно кромсал мачете мясистые ветки, рубил широкие кожистые листья и вода, сыпавшая с них, скоро промочила его насквозь — и рубашку, и новые штаны с ботинками.

Здесь была плантация, понял Симон, увидев маниоку и заросли райского банана-пизанга. Он свернул с тропинки, наклонил толстый стебель-цветонос, сорвал две грозди маленьких ярко-красных бананов и запихнул их в раздувшийся рюкзак.

Затем продолжил путь по заросшей и почти уже неразличимой тропинке.

«А вдруг это дикие? — вдруг подумал мальчик. — Что я буду делать? Они же сожрут меня живьем!»

Дымом пахло все отчетливей, и Симон пошел осторожней, уже не рубил, а лишь отодвигал листы, заслонявшие дорогу.

Наконец он выбрался из зарослей. Тропинка исчезла, а по лесу плыл уже различимый дымок. Пройдя шагов двадцать, мальчик увидел костер и фигуры возле него.

«Взвод — обрадовался мальчик и ускорил шаг — То-то рты разинут, когда я им расскажу…»

— Стой! — шершавое лезвие мачете застыло у горла. Симон скосил глаза и увидел Элиаса, выступившего из-за ствола дерева. По коре, огибая выступы, сбегали мелкие ручейки.

— Это ты, — Элиас поскучнел и опустил мачете. — Я думал, дикий, кишки выпустить хотел. Где шлялся, малец? Не прихлопнул тебя Замба Мангей. Да и одежкой разжился.

Элиас по-хозяйски оглядел Симона, увидел ботинки, и глаза его заблестели.

— Пошел ты! — Симон отскочил и выхватил мачете. — Только подойди.

Он знал, что Элиас в два счета с ним справиться, но отдавать новую одежду — не дождется.

— Элиас, что там? — долетел от костра ленивый голос

Андраи.

— Сопляк вернулся, — продолжая алчно разглядывать ботинки, сказал Элиас. — Смелый стал, шмотки на нем новые.

— Тащи его сюда, — приказал голос. — Поживей.

Элиас помедлил, потом качнул широким лезвием.

— Дуй вперед, щенок.

Подталкиваемый в спину, Симон понуро вышел на поляну.

— Явился, шакаленок. — Андрая приподнялся на локте и откинул банановую кожуру. — Где тебя носило?

Мальчик поежился, он оказался в перекрестье взглядов. Все глядели на него.

— Я …там — неопределенно махнул Симон назад, в горы. — Отстал, когда Дж… когда Лесной Ужас пришел.

— А одежду где раздобыл? — Андрая поковырял в зубах щепкой. — Хорошие шмотки.

— Ага, — согласился Элиас. — Чур, ботинки мои.

— А штаны — мне! — рассмеялся Кунди, садясь на корточки.

— А рубашка моя! — подхватил Моиз.

— Ага, разбежались, — Андрая выплюнул щепку. — Я главный, я и буду делить.

— Не дам! — Симон оскалился, выхватил мачете, отступил на шаг. — Только троньте!

— Щенок, — процедил Андрая. Он поднялся и навис над Симоном. — Осмелел, сопля?

Остальной взвод неторопливо и деловито окружал их. Симону казалось, что все с жадностью смотрят на него, уже примеряя обновки.

Он и заметить не успел, когда же в руке сержанта засверкало мачете. Мальчик знал, что Андрае хватит и одного удара на него, но отдать такие замечательные ботинки и одежду… Ни за что!

— Ты…помет обезьяний, вот кто! — заорал Симон и остервенело замахал мачете, — Чтоб ты сдох!

Он очертя голову кинулся вперед, успел сделать два шага вперед, потом Андрая куда-то пропал и страшный удар по голове сбил мальчика на землю. Все кучей навалились на него, с гоготом начали пинать и сдирать одежду. Симон отбивался и царапался, на глазах его кипели слезы, он кричал и кусал пальцы, тянущиеся к нему. Потом чей-то ботинок врезался в солнечное сплетение, он захрипел и затих, и только прикрывал голову от ударов, сыпавшихся со всех сторон.

Глава двенадцатая

Наступил вечер. Тьма спустилась с гор, накрыла лес. Симон сидел на краю поляны, избитый и обобранный. Из одежды на нем были только разодранные штаны Кунди, грязные и вонючие. Все остальное — ботинки, рубашку, мачете, рюкзак, новенький пояс отобрали и разделили между собой члены отряда.

Довольный Элиас, протягивая ноги к костру, разглядывал ботинки — Андрае они оказались малы. Кунди щеголял в рубашке. Он завязал ее узлом на животе и по своему обыкновению прыгал и кривлялся — показывал, как вертелся Симон под ударами. Андрая доедал консервы, вытирая жирные пальцы о штаны. Рядом лежал мачете и распотрошенный рюкзак.

До Симона долетел запах вкусной свинины, и слезы снова выступили на глазах. Он вытер их кулаком, смазал со щек запекшуюся кровь из носа и тяжело, с ненавистью уставился на Андраю.

«Когда Омуранги узнает про Джу, он сделает меня капитаном, — упрямо подумал мальчик. — Тогда я возьму автомат и убью Андраю. Я всех их убью»

— Эй, малец, поди сюда, — Андрая сыто рыгнул и откинул пустую банку.

Симон вздрогнул, медленно поднялся и подошел к костру.

— Ближе иди, сюда. Бегать за тобой еще.

Мальчик подошел почти вплотную.

— Понял, где твое место, сопленыш? — Андрая облизывал пальцы, причмокивал и смешно морщил нос. — Понял?

Он с угрозой посмотрел на Симона.

— Понял, Андрая, — еле слышно ответил мальчик.

— Капитан Андрая! Громче!

— Понял, капитан Андрая — громко сказал Симон. «Всех убью», стиснул он зубы. «Всех, всех, этих…всех!»

— Еще раз пасть на командира разинешь — убью. Говори, где шмотки взял? Где еды достал?

— Я… — мальчик запнулся. — Нашел. Когда убежал тогда. Там тайник. В лесу. Далеко.

— Хорошо, — согласился Андрая, — Завтра отведешь туда.

— Там нет ничего. Это все.

Андрая расхохотался, захлопал по коленам. И тут же мгновенно пнул Симона в голень. Мальчик с криком согнулся, растирая ушибленное место.

— Думаешь, я тебе поверил? Наверняка припрятал еще.

— Не пойду, — Симон бросил злой взгляд.

— Что? — Андрая потянулся. — Еще хочешь, щенок? Мало?

Позади него, предвкушая зрелище, встали Элиас и Кунди.

— Там Лесной Ужас. Не пойду, — упрямо повторил мальчик.

Элиас с Кунди переглянулись.

— Он прав, Андрая. Он там.

Все, не сговариваясь, взглянули в лес. Тишина пролегла вокруг костра. Из-за костра ночная темнота казалась еще гуще, джунгли замерли вокруг них. Лишь ближние стволы и листва проступали из липкой черной смолы, высвеченные зыбким огнем костра. Все молчали, вспоминая события предыдущих дней.

— Ладно, — лицо у Андраи стало жестким. — Гасите костер. Не приведи пророк, дикие учуют. Моиз, Элиас — вы сторожите до полуночи. Потом вас сменят Симон и Кунди.

— Я с этим пискуном стоять не буду, — выпятил нижнюю губу Кунди. — От него никакого проку, только вопить умеет.

— Будешь стоять, с кем скажу, — отрезал Андрая.

— У меня нет оружия, — Симон угрюмо выпрямился. Растертая голень болезненно ныла.

— А на кой оно тебе? Ты и так кусаешься неплохо, — хихикнул Моиз. — Как лесная крыса.

— И, правда, зубы острые, ха-ха, крыса! — все зашлись в хохоте, тыча пальцами в Симона. Мальчик стоял, затем багровые угли костра маревом поплыли в глазах и он с ревом кинулся на Моиза.

Симон не знал, что с ним творится. Он был самым младшим в отряде, и с ним всегда так обращались. Но что-то произошло, там, в лесу, когда Лесной Ужас вышел из темноты. Все удрали, а он остался. Почему — он и сам не знал, но с той минуты в нем что-то переменилось.

Он сбил Моиза с ног, и, рыча, стал с размаху бить по лицу. Тот, извернувшись, ударил его по избитому носу и Симон тут же вцепился зубами в запястье. Кровь хлынула в рот, и мальчик будто обезумел от этого вкуса. Моиз завопил от боли, заколошматил ему второй рукой по глазам.

Элиас двинулся было к ним, но Андрая жестом остановил его. Закон взвода — закон стаи, двое дерутся, третий не лезь.

Симон оседлал Моиза и остервенело лупил по голове. Тот яростно отбивался, пытаясь подняться, но цепкий как лесной клещ, Симон ему не давал.

— Уберите его! — истошно заорал Моиз, — Он бешеный, он *куби*!

Мощный пинок отшвырнул Симона к костру. Он скорчился от боли, но ярость, звенящей пружиной бьющаяся внутри, подбросила его на ноги.

Элиас помогал подняться Моизу. Тот хлюпал разбитым носом, по лицу темным потоком текла кровь.

— Хватит, шенок! — Андрая стоял, положив руку на мачете. — Ты вправду бешеный стал.

Симон со свистом втянул воздух распухшими губами, выхватил пылающую корягу из костра.

— Убью! — он взмахнул пылающей палкой над головой. — Всех убью!

Элиас и Кунди сунулись к нему, но мальчик бешено завертел корягой, не давая подступиться. Головешка зацепила Кунди, и тот с воплем отскочил в сторону, туша рубашку и ругаясь.

— Что, хочешь стать капитаном? — тихо спросил Андрая и вынул мачете из-за пояса. — Да, сопляк?

— Я не сопляк! — Симон воздел корягу над головой, быстро огляделся.

Все обступили его, не решаясь приблизиться.

— Вы… вы все удрали! Бежали с поля боя, как трусы! — выплюнул Симон. — А ты, Андрая, первым бежал. А Джонас погиб. Ты недостоин быть капитаном.

— Да ну? — Андрая плюнул ему под ноги. — А ты достоин, малец? Достоин?

В зрачках его плясали насмешливые огоньки костра, и Симону вдруг стало страшно. Бешенство схлынуло, оставив металлический привкус на языке, будто он мачете лизнул. Или это был привкус крови Моиза? Мальчик знал, что если он станет драться, назад пути не будет — это будет бой до смерти, где место капитана доставалось победителю. Такие драки редко, но все же случались. Он неуверенно отступил назад, и Андрая довольно ухмыльнулся, опуская мачете.

Но вдруг огромная черная тень встала в памяти Симона, как черный провал в неведомое. И оттуда, из этого провала, на него дохнуло силой, и как будто громадная рука подняла мальчика в воздух.

Симон что-то бессвязно закричал и рванулся вперед, выставив, как копье, вперед дымящуюся и рассыпающую искры корягу. Андрая едва успел отскочить в сторону, отбивая выпад. Остальные отхлынули от них, давая пространство для боя — как волна от камня, брошенного в воду.

Мальчик яростно вертел палкой, метил в Андраю, но тот ловко уворачивался, легко отбивая удары такими взмахами, что у Симона немела рука. После третьего такого выпада палка треснула, и обугленный конец отлетел в сторону. У мальчика в руках осталась едва ли треть коряги. Он перехватил ее, отчаянно замахал, стараясь попасть по капитану. Но оправившись от

первого натиска, Андрая уверенно теснил его к краю леса, где уже наготове стоял Элиас. Наконец, Симон зацепил левую руку Андраи и капитан с яростным криком выбил палку. Симон услышал шорох сбоку, из тени выступил Элиас с мачете.

— Я сам! — рявкнул Андрая. — Ну все!

И он размахнулся, метя мальчику в горло.

— Прекрати, — негромко велел голос, но его расслышали все. Элиас с криком отскочил от зарослей. Все остальные прянули к костру, будто ища защиты у огня, ощетинились мачете. На краю леса остались Симон и Андрая.

— Кто здесь? — капитан отступил на шаг. Он озирался и раздувал ноздри от ярости. — Это ты?! Мы уходим, как и договаривались.

Симон не двинулся с места, сжавшись в ожидании удара. Потом медленно выпрямился. Сердце его заколотилось. Он узнал этот голос.

— Это я, — согласился голос. — Кое-что изменилось, Андрая.

— Ты… — замычал в бешенстве капитан. — Я не боюсь тебя, выходи!

— Сам попросил, — проступая из тьмы, среди стволов выдвинулась огромная, чернее ночи тень. Багровые отсветы огня коснулись ее, но ничего не высветили. Они поднимались все выше, обрисовывали гигантские контуры фигуры, пока не коснулись лица, черных губ, не заблестели на желтых клыках, не заплясали в непроницаемых зрачках.

— За…Зааамбаа, — завопили солдаты у костра, сбиваясь в единое многорукое тело. Тело, в ужасе полосующее воздух широкими лезвиями. — Замба Мангей!!

Андрая попятился, бессильно опуская мачете. В горле его пересохло — перед ним черной скалой нависал Лесной Ужас.

Глава тринадцатая

Оставив мальчика, я ушел. Надо было похоронить Джонаса и собрать кое-что мальчишке в дорогу. На складе, в пещере были остатки еды и обмундирования, не знаю только — подойдет ли одежда парню.

Тело я закопал возле пещеры. Потом нашел саморазогревающиеся консервы. Не знаю, истек ли у них срок годности, но выбора нет. Отпускать ребенка голодным в лес было нельзя — ему придется идти полтора дня. Крупных хищников здесь не было, леопардов я давно выгнал, так что особо волноваться не стоило. Может, я присмотрю за ним. С одеждой повезло — Ямагучи был совсем небольшого роста, чуть выше мальчика. В пещере нашлась пара его штанов и рубашка. Также прихватил мачете — свое он потерял, бедолага.

Завалив скалой вход, я вернулся к пещерке. Симон уже спал. Осторожно, чтобы не разбудить, я сложил припасы и ушел. Завтра он отправится в обратный путь.

А мне было пора проверить, как поживают риллы. Оставшаяся сенсорная сеть регистрировала в пределах парка шестьдесят семей, общим числом свыше четырехсот. Еще о сорока поступали данные от вживленных радиометок. Но за эти годы лес вырос, выхлестнулся за границы старого Национального парка Вирунги и туда мне хода не было. По моим подсчетам численность рилл превысила две тысячи — с гибелью человеческого мира их шансы на выживание сильно выросли. Ни браконьеров, ни солдат в лесу давно не было. Очень давно.

Я совершал регулярный обход своих лесных владений, приглядывая за риллами. Из-за этих дураков с автоматами график уже сбился.

Три ближайшие семьи обитали ниже водопада Хабиуне, по ту сторону реки, и я немного волновался — не столкнулись ли они с отрядом? Хотя, если солдаты Омуранги напали на семью Бобби, то их не нашли.

Водопад глухо ревел. Под редким лунным светом, прорывающимся сквозь быстро бегущие тучи, блестела водяная пыль, смешивалась с тяжелым туманом.

Расстояние до следующего берега:

30 метров.

Прыжок.

Ноги скользнули по камням, обросшим мхом, и я схватился за ближайший ствол. Дерево жалобно скрипнуло, но выдержало.

В этой темноте и тумане даже датчики сбоят. Ничего ужасного не грозило, упади я в реку, но что это такое — юнит экозащиты, барахтающийся, как головастик в реке? Смех один, а не Лесной Ужас. Все макаки обхохочутся.

Семья Ндугу ночевала почти на том же самом месте, где я их оставил неделю назад. Старый вожак Ндугу сидел в ночном гнезде. Две его жены с детьми спали вверху, на деревьях. Я помедлил немного, просканировал их, но визуальных повреждений не было. Они не кашляли, не ворочались во сне, так что, похоже, со здоровьем у них все в порядке. Можно было отправляться дальше.

Редкий лунный свет едва проникал сквозь плотный шатер листвы, но я видел ясно, как днем: светочувствительность электронных зрачков превосходила все живые аналоги, а вместе с ультразвуковой локацией я вообще наблюдал все вокруг в радиусе двухсот метров. Единственная беда в том, что локатор сбивал с толку летучих мышей. Угодив под волну, они очумело трясли головой, мотаясь на лету больше обычного.

Вторую семью я нашел только под утро. Хитрец-Ренье зачем-то полез в горы, уходя от долины, богатой едой. Мне пришлось поломать голову, разбирая во тьме редкие следы их присутствия. Старое лежбище было покинуто не меньше двух дней назад. Может быть, его испугали выстрелы и взрывы?

Даже мне было нелегко отыскать старый след, уходящий вверх по склону.

Было уже часов шесть, когда я их нашел. На первый взгляд, все было как обычно: женщины и дети на деревьях, Ренье со старшим сыном улеглись на земле, в корнях-подпорках.

Я приблизился, и вожак завозился в гнезде, что-то нашаривая рукой. Потом коротко рыкнул и сел, держа ствол бамбука толщиной с человеческую руку, расщепленный и измочаленный с одного конца. Казалось, им долго били по чему-то твердому. Странно…

Я сел, демонстрируя миролюбие. Ренье пихнул сына. Тот широко зевнул, потом вгляделся и, напружинившись, поднялся. В светлеющем воздухе уже можно было разглядеть рваную рану на его правом предплечье.

Ренье, что с вами случилось?

Я медленно приблизился, не желая их пугать. Все вожаки знали меня, и Ренье всегда был один из самых сообразительных. Но сейчас он явно был чем-то напуган.

Издавая миролюбивое ворчание, я протянул руку.

Ренье зарычал и поднял дубину.

— Не бойся, — сказал я на рильясе. — Я помогу.

Похоже, ему тоже досталось. Рваные царапины на груди, где уже запеклась кровь, на левом боку вырвана шерсть. Они столкнулись с крупным кабаном-бородавочником? Нет, тот бы не стал нападать на горилл.

Ренье слегка успокоился, хотя все еще свирепо оглядывал лес, раздувая ноздри. Я осторожно отобрал у него дубину, которую он отдал не без сопротивления. Затем осмотрел раны. Характер повреждений показывал, что это был не бородавочник. Леопард? Нет, тот уж скорее нападет на бородавочника, чем на семью рилл с двумя взрослыми самцами.

Ренье ворчал и отбивался от осмотра, пока я его не скрутил и не прогрел царапины ультрафиолетом. Затем отпустил и занялся сыном Тони. Тому досталось сильнее — рана на предплечье до сих пор кровоточила. Ренье, ругаясь, отскочил, схватил дубину и раздраженно заколотил по земле. Моя бесцеремонность ему не понравилась.

Тони заныл, и попытался вырваться, как только я взялся за руку, так что пришлось действовать бережно. Я обеззаразил рану ультрафиолетом. Залить бы ее хотя бы перекисью водорода, но на складе не осталось медицинских препаратов. Но Тони молодой самец, у него хороший иммунитет. Он должен поправиться.

Жены и детеныши от шума, издаваемого Ренье, уже проснулись и возились в гнезде. К ним я соваться не стал — тогда Ренье вконец взбесится. Надеюсь, что с ними все в порядке, вернусь попозже.

Оставив Ренье успокаивать нервы, я отправился к семье Ямагучи.

Ренье, Тони, Ямагучи — мои ушедшие друзья. Вот уже второму поколению горилл я даю их имена, и повторяю их снова и снова. Не для того, чтобы не забыть — я ничего не могу забыть. Для того, чтобы помнить.

Я прошагал уже полдня, но так и не нашел следов семьи Ямагучи. Они будто сквозь землю провалились. Что ж, буду искать, пока не найду. Усталости я не знаю.

Закончена расшифровка данных.

Информация, перехваченная при радиопередаче, декодированию пока не поддавалась. Слишком код хитрый, а я юнит экозащиты, а не военная криптопрограмма. Зато данные, которые удалось скачать из мозга Джонаса, наконец, были расшифрованы. Что ж, взглянем.

Обрывки видеозаписей. Сбивчивые картинки нехитрой жизни

этого мальчика. Драки, он кого-то бьет, окунает лицом в потухший костер. Пепелище — сгоревшая деревня, черные обугленные столбы. А к ним… эти дети кого-то привязывают и расстреливают. Привязанные тела бьются и обвисают на веревках. Взгляд на секунду останавливается на одном из пленников, и кажется, что у человека непропорционально длинные руки и ноги. Чернота. Костер. Затем листва, лес, лес, лес.

Лежбище семьи Бобби! Справа и слева их обходят солдаты. Вспышки выстрелов. Все кончено, Арчи и Делию ловят, придавливают к земле, запихивают в клетки.

Громадная черная фигура на скале над водопадом. Стрельба. Капитан бежит, ветки бьют по лицу. Черная тень мечется между деревьев, все время, выскакивая из прицела. Взрывы.

Чернота.

Это были события последних дней. Похоже, что запись велась непостоянно, фиксировались лишь ключевые точки маршрута в парк Вирунги. Однако что за деревня была сожжена? Это дикие, о которых говорил Симон?

Был еще один короткий видеофрагмент, секунды на три, отличный от предыдущих. Высокое помещение с колоннами, на стенах висят какие-то флаги и оружие. Прямо напротив — мужчина лет пятидесяти, с короткой седой бородой. Черные злые глаза, пристальный тяжелый взгляд. Он что-то говорит…

Задействована программа распознавания речи

«…наткнешься на него, немедленно уходи. Ты понял, Джонас? Вам с ним не справиться».

Так вот как ты выглядишь, Великий Омуранги.

Зачем тебе понадобился юнит экозащиты? Какое отношение ты имеешь к проекту WLP, убийца и глава секты? Что тебе надо от меня и моих рилл?

Можно предположить, что в закодированной передаче тоже содержался точный маршрут в Вирунги. Если передача достигла цели, следует ждать незваных гостей. Только теперь куда более вооруженных. Судя по гранатомету и обмундированию, Омуранги достались арсеналы спецназа Тутсиленда или Конго. Но чем сложнее оружие, тем труднее с ним управляться. Серьезные повреждения мне можно нанести только гранатометом или чем-то потяжелее. А если вся твоя армия состоит из детей, доверишь ли ты им такое оружие, даже если оно есть? Сам-то ты в лес не пойдешь, готов поспорить. Да и дети — не пехотные танки Народной освободительной армии Китая.

Сколько, интересно у меня времени?

Если перемонтировать сенсорную сеть, разместить несколько

десятков датчиков в районе вероятного проникновения…

Нет, это оборона. Даже если я прогоню вторую экспедицию, появится третья, четвертая, пятая. И рано или поздно они сообразят, что я не могу убивать. И вот тогда придется туго. Что я буду делать, если он погонит на меня шестилетних детей с гранатами? Убегать? А если он устроит террор и начнет уничтожать рилл?

Чтобы раз и навсегда отбить у Омуранги охоту соваться в мой лес, я должен сам нанести ему визит.

Выйти из леса.

В мозгу будто сирена взвыла — запрет на выход за пределы национального парка Вирунги был намертво прошит в программной оболочке комплекса FOU. Я и не заметил, как многие установки программы стали моими — так совпадали наши цели до этого времени. Но сейчас тупая железка не понимала, что это оптимальный способ спасти рилл. Она знала только одно — выход из леса запрещен. Активность юнита разрешена лишь в пределах парка Вирунги. Это было одним из условий правительств Тутсиленда и Конго. Я вообще не понимаю, как местные согласились на этот эксперимент. Должно быть, это разрешение стоило WLP немалых денег.

Перепрошив программной оболочки — дело нешуточное. Это базовый запрет. Может быть, такого же уровня, что и на убийство человека. Понятия не имею, сколько времени займет перепрограммирование. А медлить нельзя.

Придется решать задачу на ходу.

Семью Ямагучи придется оставить. Надеюсь, с ними все будет в порядке.

Я укорил шаг, затем перешел на бег и, цепляясь за ротанги, понесся длинными прыжками, отскакивая от деревьев. Пора было отыскать мальчишек. Только они смогут рассказать мне об устройстве Эдеме.

В воздухе висел тонкий запах дыма. Газоанализаторы уловили его около часа назад. Судя по направлению ветра, источник огня находился к югу от меня. Значит, они за рекой, чуть впереди, на юго-западе. Дым был слабый, рассеянный и никто, кроме меня, его бы не почуял. Километров десять, не меньше.

Надо поторопиться, солнце садится.

Глава четырнадцатая

— Сядь возле костра, Андрая. Сядьте все. Уберите мачете. Уберите!

Андрая медленно отошел к костру, негромко что-то сказал. Дети неуверенно опустили мачете и расселись возле костра.

А Симон отступил ко мне и прижался к колену. Он был не с остальными, он был со мной. Может быть, я все же могу что-то сделать для этих детей?

Мертвая тишина висела над поляной: шесть лиц смотрели на меня, не отрываясь, блестели белками глаз на угольных лицах.

— Вы вошли в мой лес. Вы убили моих горилл.

Слитный ропот пронесся над костром, все забормотали, зашептались разом. Один Андрая молчал, прикипел глазами к лесной темноте.

— Вы вошли в мой лес! Отвечайте!

Элиас пихнул капитана. Тот вздрогнул, и сбивчиво заговорил.

— Мы… не знали, …нам приказали. Наш взвод, капитан Джонас… Это был приказ самого Великого Омуранги. Мы не могли… мы должны.

Лесной Ужас молчал. Когда он впервые заговорил, это был страшно, но от этого молчания становилось еще страшнее.

— Омуранги, — выронил, наконец, он слово, как огромный камень в эту тишину. — Он виноват.

Солдаты вразнобой закивали, не глядя друг на друга. Да, это пророк виноват, а не они. Они ведь только выполняли приказ, они ни в чем не виноваты. Если бы кто-то месяц назад сказал бы им, что они так легко отрекутся от Великого Омуранги, голоса Бога на земле, они бы перерезали глотку этому безумцу, этому *куби*. Как можно сомневаться в правоте пророка? Но они отрекались, отрекались с легкостью, потому что Омуранги был далеко, и Эдеме был далеко. Не в этой жизни, где из темного леса на них глядел Лесной Ужас.

— Но вы убили трех горилл. Моих горилл.

Дети замерли.

— И убивали других. Диких. Это вы стреляли, а не Омуранги.

— Но дикие…они же *куби*, они порождение Усатханы! — выдохнул Андрая.

— Они люди. Такие же, как вы. Убивать людей — нельзя. Никого нельзя.

Я смотрел на них, и видел, что они не понимают. Вся жизнь для них свелась к одному — убей или будь убитым. Что я мог сказать им? Как я могу пробить корку ненависти и жестокости на

их сердцах, окаменевших и бесчувственных? Как мне их разбудить?

— Вы хуже зверей. Вы убиваете своих сородичей. Но я не буду вас убивать. Я никого не убиваю.

Шесть вздохов слились в один, взвод разом, как огромное испуганное животное выдохнул.

— Но вы мне должны. Скольких вы убили?

Все молчали.

— Скольких?! Андрая, встать!

Капитан вздрогнул всем телом и поднялся на негнущихся ногах.

— Скольких людей ты убил, Андрая?

Капитана мутило. Ему было страшно. Только сейчас, когда он столкнулся лицом к лицу с Ужасом, ему стало страшно по-настоящему. Больше всего он хотел уйти, упасть в землю, зарыться листву и не слышать этого спокойного и оттого еще более жуткого голоса. Не видеть этого невыносимого взгляда, который, казалось, пронизывал его насквозь. Он знал взгляд Великого Омуранги. Божественный взгляд, который давал силы. Когда Омуранги глядел на него, Андрае казалось, что он бы разорвал льва-изилване голыми руками. И все, все остальные тоже знали силу взгляда Великого Омуранги. Но Лесной Ужас глядел так, словно вынимал сердце Андраи, и кидал его в угли костра. И сердце корчилось в огне.

— Я… — капитан облизал пересохшие губы.

Пусть давит, пусть череп его треснет, как гнилая тыква, пусть Ужас вынет из тела его душу, только бы не видеть этих огромных глаз.

— Шесть, Замба Мангей, — вытолкнул он из себя неподъемные слова и в изнеможении опустил руки. Но остался стоять.

— Элиас! Встать!

Элиас, дрожа, поднялся.

— Ты?

— Я…кажется, я… троих.

— Кунди!

— Двух, — сказал Кунди, Кунди-пересмешник. Все лицо его ходило ходуном — брови, нос, губы его плясали и багровые отсветы бродили по серым, как пепел щекам. Затем лицо его замерло, взгляд окаменел, — Но ты врешь! Ты убил моего брата! Ты убил Паскале.

— Его убило осколками. Разве я выстрелил из гранатомета?

— Ты… — выдавил Кунди, и замолчал, буровя черную фигуру воспаленными ненавидящими глазами.

— Моиз!

— Я… я тоже двух, — пролепетал худой, слишком длинный для своего возраста мальчик. Лет тринадцать, не больше.

Один за другим мальчики вставали, шептали свои имена, и страшнее этой переклички я не слышал.

— Антуан!

— Я … одного. С половиной.

У Кунди даже сейчас нашлись силы на робкую улыбку. Странно, после того, как он назвал число своих убитых, ему стало не так горько и страшно.

Они столько раз перекликались в строю, что сейчас их, казалось, поднимала сама привычка. Она давала им какие-то странные силы стоять под взглядом Лесного Ужаса. Сколько раз они хватались своими победами — ведь чем больше ты убьешь, тем более ты могучий воин. Но сейчас, называя число своих мертвецов, мальчики не испытывали и тени той радости.

Остался последний, невысокий, крепко сбитый паренек лет четырнадцати.

— Я Питер, — крепыш неторопливо поднялся и сказал почти с вызовом. — Я убил двух.

Удивительное дело — люди. Я мог его раздавить рукой, а он стоял и дерзил мне. Неужели он успокоился, когда услышал, что я не убиваю? Сильный ребенок.

— Симон!

Мальчик стоял, невидимый в темноте, и уже думал, что про него забыли. Он прижался к большой ноге, зарылся в жесткую шерсть. Ему было хорошо и спокойно, он бы мог так век простоять, лишь бы не идти к костру. И сейчас, когда Джу позвал его, он вздрогнул и крепче вжался в шерсть.

«Не надо, не надо, не надо» — кусал он губы.

— Иди к костру. К товарищам.

Громадная рука легко, но настойчиво подтолкнула его.

Симон очень медленно, как черепашка-уфуду, побрел к костру, опустив голову. В висках колотилась кровь. Он шел, волоча ноги, а в голове билась одна единственная, тоскливая и звенящая как комар мысль: «Не надо!»

Шаркая ногами, он еле дошел до костра. Развернулся и, глядя себе под ноги, еле слышно прошептал:

— Я — Симон. Я… — тут он будто онемел, язык не слушался, и мальчик едва смог выдавить:

— Я убил одного. Кажется.

Лесной Ужас молчал, глядя на семерых мальчиков, вставших у огня. Из всех них только Питер, Андрая и Кунди глядели на него, и мерили ходом расширившихся зрачков его громадную

фигуру. Остальные смотрели куда угодно — вбок, в землю, на руки, носки ботинок.

— Вы убили семнадцать человек. И трех горилл-енганге. Вы должны мне двадцать жизней.

— Это не мы! — выкрикнул Андрая. — Это Джонас. Он нас заставил. А Омуранги приказал. А мы только…

— Омуранги дал вам оружие. Но стреляли вы. Вы должны мне двадцать жизней.

— Нас бы убили. Ослушаться Омуранги — грех перед Богом, — пробормотал Элиас.

— Омуранги — не Бог. И не пророк. Он вас обманул.

Мальчики вздрогнули. Как можно сказать такое? Даже подумать подобное немыслимо. Но здесь, в лесах Вирунги, меркли страх и трепет перед именем Великого Омуранги. Новая правда вставала перед ними в четырехметровый рост.

— Как же так!? Это неправда. Омуранги отправляет нас в Рай, — выкрикнул Питер. — Только он знает, как одолеть *куби.*

— Он не знает.

— Ты лжешь! — Питер взмахнул мачете. — Ты — дьявол! Я сам видел небесное сияние, когда мой брат взошел в Рай. И все видели, разве не так?

Мальчики закивали головами. Они и правда видели, как мучились старшие, те, кого уже одолевала *куби*. Как они катались по земле и выли от боли, разъедающей внутренности. Покрывались язвами, немели, теряли способность говорить и двигаться. Все боялись к ним прикоснуться, и приходил Омуранги в золотом одеянии. Брал их на руки и с песней нес вперед, а следом шли все — солдаты, девчонки с детьми, все несли пальмовые ветви и пели псалмы.

Омуранги входил в дом Вознесения, за ним закрывались двери, а потом ослепительный райский свет разливался сквозь узкие прорези окон. И только черный дым — дьявольская порча уносилась по воздуху.

Как же Омуранги мог лгать?

— Ты все врешь, — Питер шагнул вперед. — Я тебя не боюсь! Ты не можешь нас убить, потому что боишься пророка и его божественной силы.

Дети переглядывались, кто-то уже потянулся к мачете. Они уже готовы сбиться в стаю, ощетиниться лезвиями, готовы рвать и резать. Лишь бы только не узнать ничего, что могло бы поколебать их правду. Их мир.

— Но ваш капитан умер. Я убил его. Случайно.

Мальчики замерли.

— Ты — дьявол! — Питер словно обезумел. Как легко они все

срывались в ярость и безумие, словно ища в этом беспамятстве какой-то выход. — Ты все врешь!

— Питер, ты хочешь убить меня? — Лесной Ужас сдвинулся с места, и, неслышно переступая лапами, вышел на поляну. — Попробуй.

Пламя костра осветило черную фигуру. Только сейчас мальчики увидели, насколько он действительно громаден.

— Подойди, Питер. Давай. Я ничего тебе не сделаю.

Мальчик помедлил секунду и с всхлипом бросил мачете.

— Ты все врешь, — пытаясь сдержать слезы, сказал он. — Ты все врешь, ты дьявол, я не верю тебе. Так не может быть. Так не может.

И он опустился на землю, уткнулся лицом в колени. Плечи его подрагивали от рыдания — беззвучного, бесслезного и горького.

— Я приду завтра. Мы поговорим утром, Питер. Этой ночью вас никто не тронет. И не убегайте — в лесу звери, многие из них опасны.

Замба Мангей развернулся и исчез в ночи.

Глава пятнадцатая

Мальчики не смогли уснуть до рассвета. Кто-то ковырял угли палкой и подбрасывал собранный хворост, кто-то сидел, тупо глядя в одну точку, кто-то бродил хаотично кругами вокруг костра, словно порываясь уйти в лес, и все не никак не мог решиться. Наконец все устали, и вповалку, друг на друге, улеглись у костра. Андрая хотел было выставить охранение, потом махнул рукой.

«Нет разницы», — подумал он. — «Убьет ли нас Замба Мангей, или прикончит лес. Нет разницы. Я все равно не знаю, куда идти».

Один только Питер продолжал сидеть. Обхватив колени, он качался вперед-назад, монотонно, час за часом.

Эта ночь связала их. Пережитый страх не сблизил, но объединил. Они уже были не взвод-стая, все перемешалось, все изменилось этой ночью. Кто теперь был командиром, а кто — самым слабым? Все спали друг на друге, дергаясь и бормоча во сне.

Светало. Лес просыпался, шелестел миллионами листьев. Над его высокой кромкой, в туманной дали зажглись снежным холодом вершины Рувензори, следом за ними запылали пики гор Вирунги.

Питер сидел, не замечая рассвета. Он не мог уснуть, не мог ходить, он ничего не мог делать. Вся голова его была занята только одним только вопросом: «Как так может быть, что Великий Омуранги обманул их?». Разве так может быть? Да, во взводе были ложь, смерть и убийство, но были и законы — заповеди, которые дал им Омуранги. И все в Эдеме жили по ним, и это было правильно. Они были солдаты, защищали Эдеме от диких. Забирали у них еду и здоровых женщин с детьми — чтобы те не умерли в языческой тьме. Женщины и дети работали на полях. Они — солдаты — воевали. А Омуранги защищал их от Порчи. И возносил в рай достойных, пока не пришло время Царствия Божьего.

И разве Омуранги не жил уже тысячу лет? Все в Эдеме помнили его таким, как сейчас — мудрым и старым. Он был добр ко всем. А убийство… Да разве «дикие» — люди? Только это чудовище может их считать людьми. Это ему звери дороже людей. Дикие поклоняются дьяволу. А он и есть этот дьявол. Да, это именно так.

— Ты не спал?

Питер вздрогнул. В утреннем свете за деревьями он увидел

черную громаду Лесного Ужаса. Тот сжимал в своих огромных лапах какие-то коробки.

Сердце мальчика забилось. Омуранги говорил, что дьявол боится крестного знамения и истинной веры.

— Уходи. — Питер встал и торжественно перекрестил воздух. — Во имя Небесного бога, уходи. Я тебя не боюсь.

Странный клокочущий звук проплыл над поляной. Питер сразу не понял, что это смех. Лесной Ужас смеялся. Он выронил коробки, сел на землю, и принялся тереть глаза руками. И все смеялся и смеялся.

Питер застыл с поднятой рукой.

— Малыш, ты и вправду думаешь, что я дьявол?!

— Уходи! — со звоном выкрикнул Питер. — Ты дьявол!

— Тише, остальных разбудишь.

Питер огляделся — все завозились от его крика.

— Иди сюда. Давай поговорим. Если тебе легче, можешь меня при этом крестить.

Питер помотал головой.

— Я не верю тебе. И не боюсь.

— Это хорошо, — неожиданно обрадовался Лесной Ужас. — А то мне до смерти надоело, что все меня боятся. Слова сказать нельзя, все разбегаются. Иди сюда, я тебя не съем. Обещаю.

Питер колебался. Он понимал, что если он будет бежать, то Ужас легко его настигнет. И он прав, он мог бы легко всех их убить вчера ночью. Но тогда что ему надо?

«Он хитрый, — наконец решил мальчик. — Он хочет забрать наши души. Он хочет нас обмануть. Но я его обхитрю».

Питер зашагал к краю леса. Лесной Ужас сидел на земле, но все равно, когда мальчик приблизился, голова его едва доставала до середины черного туловища.

— Возьми — громадная лапа с легкостью вскрыла коробку и вынула оттуда консервы — такие же, как принес вчера Симон.

— Поешь.

Питер помедлил, потом украдкой перекрестил банку и открыл ее. Она не рассыпалась в пепел, а вместо дьявольской вони по лесу поплыл одуряющий запах свинины. Питер с жадностью стал вынимать горячие куски руками. Пальцы обожгло, и мальчик втянул воздух зубами от неожиданности — он и не думал, что мясо будет таким горячим. Вчера ему таких консервов не досталось, все Андрая с Элиасом поделили.

— Лучше этим, — к нему протянулась черная рука со странным предметом — на толстой короткой ручке сверкало что-то, похожее по форме на деревянную ложку, только из металла.

Питер недоверчиво оглядел ее, потом осторожно взял,

зачерпнул, попробовал. И тут же с увлечением замелькал ложкой.

Я глядел на этого ребенка, орудующего швейцарским ножом, и поражался тому, как они восприимчивы. Он мгновенно взял ложку самым удобным образом и уже доедал первую банку. Голодные, дикие, злые, но какие переимчивые. И как ловко Симон управлялся с гранатометом. Похоже, война у них в крови. Что я могу поделать с этим?

Словами этого не изменить. Они готовы впитать любой образец поведения, подхватить любую манеру. Сейчас для них бог — это Омуранги. Смогу ли я стать им? Наверное, смогу. Но главное — имею ли я право на это? И что же такое, черт побери, это вознесение в рай?

Вопросы, вопросы, сплошные вопросы. А ответ на них сейчас сидит у моих ног и выскребает вторую банку.

— Питер, скажи, Омуранги возносит в рай всех?

Мальчик откинул банку и облизал ложку. Черный дьявол был хитрый, но он его обхитрит.

— Конечно, всех, — сказал он. — Он очень могучий. Он самый сильный. Никто не смеет с ним спорить. Он голос Бога на земле.

— И твой брат, он тоже попал в рай?

— Ну да, — Питер немного удивился. Неужели дьявол хочет такими простыми вопросами сбить его с толку?

— Расскажи, как это было?

— Он заболел. Порча его скрутила. Он все лежал и стонал. А потом начал покрываться язвами — большими такими, черными. Санди, его жена, боялась к нему подойти. Она ушла в женский дом. И ребенка забрала, чтобы порча на него не перешла.

— И ты к нему не ходил?

— Я… — Питер опустил голову. — Я к нему только раз зашел. Порча…

— А потом пришел Омуранги?

— Да, и забрал его в Дом Вознесения. — Питер огляделся в поисках третьей банки. — А там — свет, яркий-яркий. И мой брат вознесся на небо.

— А почему ты думаешь, что он на небе?

— А как же иначе? — Питер удивленно поднял глаза от коробки, куда он зарылся. — Так же…

— Омуранги так сказал?

— Но… я же видел свет. И все видели, кого хочешь, спроси.

Лесной Ужас протянул ладонь к лицу мальчика, и та вспыхнула таким слепящим светом, так что Питер зажмурился.

— Я же не говорю, что возношу людей на небо.

— Но…но — ты дьявол! — Питер вскочил на ноги, сжал

кулаки. В глаза у него плясали зайчики от дьявольского огня. — А Омуранги — посланец Бога! Он может возносить людей на небо.

— Это он вам сказал?

— Это все знают!

— А те, кого возносили на небо, их больше не видели?

— Нет, они же на небе. Они на нас сверху смотрят.

— А куда деваются тела? Тех, кто вознесся?

— Ну… они исчезают. Омуранги говорит, что их сжигает божественный свет. Всю порчу и грехи. А души уносятся.

— И никто не входит в этом дом вместе с Омуранги? Никто не видел, как это происходит?

— Нет, это же тайна. Имфихлакало! Тайна Бога! — Питер всплеснул руками. — Если кто-то, кроме Омуранги зайдет в Дом Вознесения, его сожжет божественный свет.

— А что еще делает Омуранги?

— Он управляет. Дает приказы — что делать, куда идти. Без него мы бы погибли. Он дал нам заповеди.

— Какие заповеди?

Питер сосредоточился. Вытер руки о штаны. Закрыл глаза и распевно произнес.

— Нет Бога, кроме Бога на небе. Омуранги — единственный пророк его. Предавший Омуранги предает Бога небесного и достоин смерти. Слушайся отца и мать, и почитай Омуранги — он выше отца и матери. Не убивай никого, кроме врагов Омуранги. Не кради у брата твоего. Укравшего же у Омуранги ждет смерть. Не посягай на жену брата твоего. Не сражайся с братом твоим, если он не предал Омуранги. Не клянись именем Омуранги и именем Бога. Блаженны служащие Омуранги, ибо их есть царствие небесное.

Питер открыл глаза. Он надеялся, что Лесной Ужас рассыплется в пыль или хотя бы убежит от божественных заповедей. Но он сидел перед ним, подпирая рукой голову. И молчал.

— Питер, ты знаешь, что значит твое имя? — наконец спросил он, когда мальчик уже решил, что Ужас онемел от святых слов.

— Нет, — помотал головой Питер. — Имя как имя.

— На одном древнем языке оно значит — камень. Ты что-нибудь знаешь о том, что было раньше? Откуда у вас оружие, машины, еда, сигареты? Откуда вы взялись?

— Омуранги говорил, что был конец света. Что… — мальчик запнулся, затем твердо продолжил. — Что дьявол начал войну против Бога. И все люди встали на сторону дьявола. Когда дьявол проиграл войну, все погибли. А дьявола Бог спрятал под землю.

Остались мы — избранные. Потому что с нами Омуранги. Он сам видел эту войну. Она была давным-давно. Но дьявол оставил Порчу, от которой мы страдаем. И только Омуранги может нас спасти от нее.

— Так он говорит.

— Это правда!

— Откуда ты знаешь? Ты же никогда не был в Доме Вознесения?

— Но… это правда, — растерялся мальчик. — Я сам видел свет. И ведь все исчезают. От них не остается ничего.

— Совсем ничего?

— Да. Только дым и черная порча — *куби*. Омуранги развеивает ее над рекой.

— Развеивает, — задумчиво сказал Лесной Ужас. Затем резко поднялся, возносясь остроконечной головой в узорную листву пальм.

— Я пойду в Эдем с вами.

— Но… — Питер окончательно растерялся.

— Если я дьявол, а Омуранги — пророк, ему нечего бояться. Я с криком убегу, только увидев его. Разве не так?

— Да, так, — вынужден был согласиться Питер.

Лесной Ужас нагнулся, приблизил лицо к лицу мальчика.

— Но знаешь, что я думаю, Питер? Что это он — дьявол.

Он сгреб коробки и тяжелыми шагами вышел на поляну. Ребята сонно ворочались, но от звука его шагов проснулись. Один за другим они поднимались, испуганно глядя на огромную обезьяну.

Лесной Ужас поставил коробки возле потухшего костра.

— Здесь еда и одежда. Ешьте и одевайтесь. Нас ждет долгий путь. Мы идем в Эдем.

Взволнованный шепоток пронесся по строю.

— Ешьте. Еда не отравлена. Питер уже попробовал. И не деритесь — одежды и еды хватит на всех. Я скоро приду.

Ужас не успел скрыться из вида, как Симон первым подскочил к коробкам. Немного покопался внутри, выхватил пару штанов с рубашкой, две банки консервов и побежал вслед горилле. Остальные переглядывались.

— Куда это он?

— Какая разница, — махнул рукой Элиас, подходя к коробкам. — Ого, сколько тут жратвы!

— Где? Дай мне, — ребята сгрудились возле коробок.

— Пусти. Куда лезешь.

— Сам ты куда лезешь?

Питер стоял возле потухшего костра. Мысли в его голове

скакали, как лягушки — илиамы.

Омуранги не может быть дьяволом! Этот Лесной Ужас очень хитрый, он всех обманывает. Думает купить их едой и одеждой. Хочет, чтобы они предали пророка.

— Стойте! — крикнул Питер. Все повернулись к нему. — Он нас обманывает. Не берите еду. Он хочет, чтобы мы предали Омуранги и отвели его в Эдем. Он хочет убить пророка!

Мальчики переглядывались.

— Убить Омуранги? — хмыкнул Андрая. — Не мели ерунды, Пит. Его нельзя убить.

— Знаю, знаю, — замотал головой Питер. — Но его нельзя вести в Эдем. Он задумал что-то очень плохое. Он дьявол.

— Но Элиаф и Андвая вфера ели и нифего не слуфилось, — жалобно возразил с набитым ртом Антуан. — Она хорошая, вкусная. Ты сам ел.

— Да, ты же ел? — Кунди прищурился и с хлопком открыл консервы. — И ничего с тобой не случилось. Так что не выступай.

— Да, ел, — признался Питер. — Еду можно есть. Наверное. Но в Эдем вести его нельзя.

— Знаешь, пит, как я хочу этой твари кишки выпустить? — Кунди запустил пальцы в банку и с наслаждением прожевал кусок. — Но сначала надо пожрать.

— А давайте его обманем, — предложил Моиз. — еду съедим, одежду возьмем. А в Эдем не отведем. И…

— И что ты с ним будешь делать? — устало прервал его Андрая, обливаясь из фляги.

— Ну… — Моиз задумался.

— Мы его не сможем убить. — Андрая плеснул воду за шиворот, холодные ручейки пробежали по телу. — Раз Джонас не справился, то и мы ничего не сделаем.

«Что делать, что делать. Надо думать!» — он завинтил флягу.

— А может его сонным ночью взять? Втихую связать и горло перепилить? — предложил Кунди.

— Чем связать? Штанами твоими? — хмыкнул Андрая. — Ты уверен, что эта скотина вообще спит?

— Тогда надо свалить на него скалу, — выдал идею долговязый Моиз. — Здоровущий камень. Раз — и в кашу!

— Скала — это хорошо, — одобрительно покачал головой Андрая. — Но как мы его заманим обратно в горы?

Мальчики задумались.

— А в реку его сбросить? — сказал Элиас. — Может, он разобьется. А если нет, то мы все равно успеем убежать.

— Точно! — засверкал глазами Кунди. — А вот эти места немного помню. Кажется, там ниже по реке большой утес. До него

примерно полдня, наверное. А внизу ущелье. Если мы сбросим его туда, то он себе точно шею сломает.

— Хорошо, — подытожил Андрая. — Да, так можно. Только надо придумать, как его сбросить.

— Надо столкнуть его вниз. Каким-нибудь деревом, — предложил Питер. — Дикие так делают. На лианах бревно подвешивают, затем в нужный момент — раз, и все… Если взять бревно потяжелее, он не устоит.

— Молодец, — Андрая хлопнул его по плечу. Элиас завистливо глянул на Питера.

— Нам надо протянуть время. — Андрая бодро огляделся.

— Нам надо притвориться, — подал голос Антуан, отбрасывая пустую банку. — Что нам от консервов живот скрутило.

— Хорошо, — удивленно одобрил Андрая. — А еще?

Вся власть в отряде принадлежит капитану. Это закон. Но сейчас и Андрая и все остальные ощущали, что перед ними встала такая задача, которую можно решить только сообща. Поэтому Андрая не раздавал зуботычины, а слушал каждое предложение, каким бы глупым оно не казалось.

— Он говорил, что много знает о прежних временах. Когда дьявол бился с Богом, — сообразил Питер. — Надо поводить его за нос, пока мы готовим ловушку.

— Слушать эти бредни, — Кунди поежился. — У меня мурашки по коже, как вспомню его голос.

— Потерпишь. Будем сказочки слушать, — Андрая оскалился. — А Питер, Элиас и Антуан займутся ловушкой. Потом поменяемся.

— Но туда идти полдня, — возразил Питер.

— Значит, надо идти прямо сейчас, — отрубил Андрая. — А мы пока будем тянуть время и вести его к вам. А ночью будем меняться. Давайте, живо за дело.

Ребята кивнули, взяли по банке консервов, прицепил мачете к поясам и быстрым походным шагом, переходя на бег, скрылись в лесу.

Когда спины Питера, Элиаса и Антуана растворились в густой листве, Андрая обернулся к Моизу и Кунди:

— Слушать сюда! Нойте, убегайте в лес, просите рассказать сказочку, хоть на колени к нему залезайте, но мы должны его задержать. Ясно вам?! — капитан обвел взглядом обращенные к нему лица, задерживаясь на каждом. — Поняли?

— Тихо — Андрая увидел, как из леса вышел Симон. Он понуро болтал руками, и волок за собой длинные, не по росту штаны. — Ни слова при сопляке. Похоже, у него какие-то свои

дела с этой тварью.

— Пересчитайте еду, — громко велел он.

Ребята закивали, развернулись к коробкам и начали в них рыться. Симон не смог бы прочитать на их лицах ничего особенного, но за его спиной они перекидывались быстрыми взглядами.

«У нас три магазина, два автомата и семь мачете, — Андрая сел у потухшего костра, открыл банку. — У водопада мы стреляли в упор. Элиас кидал гранату под ноги. И ни капли крови, нет даже царапин. Какой смысл в этом бревне? Пророк может быть спокоен — мы не приведем в Эдем дьявола. Никто из нас не знает, где Эдем».

Он ел и не чувствовал вкуса.

Глава шестнадцатая

— Джу, Джу!

Симон, прижимая к груди форму, бежал следом.

— Что, малыш?

Мальчик подошел, прижался к ногам.

— Джу, я не хочу быть с ними. Они злые. Я думал, что они обрадуются, когда я вернусь, а они меня избили. И все отобрали.

Он кривил губы. Я присел.

— Симон, это твой отряд. Твои товарищи. Ты должен быть с ними.

— Я не хочу. Я хочу быть там, в пещере. Чтобы ты рассказал мне, откуда взялся мир. Откуда все появилось.

— Я обязательно расскажу. Обещаю. Но потом, всем сразу. Возвращайся.

— Но я хочу пойти с тобой. — Симон опустил голову.

— Тебе нельзя. Я иду далеко. У меня дела. Возвращайся на поляну.

— Но Джу…

— Если кто-то нападет на тебя, скажи, что ты под моей защитой. Но мне кажется, ты уже сильный. Вчера ты дрался очень смело.

— А ты вернешься? — мальчик поднял глаза.

— Конечно. А теперь — ступай.

Симон вздохнул, и побрел обратно.

Надо отыскать семью Ямагучи. Глупо говорить, что у меня плохое предчувствие, но и, правда, мне казалось, что случилось нечто-то плохое. Откуда эта рана у Ренье? Что-то изменилось в лесу и эти мальчики — только знак.

Я шел сквозь густые заросли вторичного леса, поднявшего на месте старых плантаций. Лесные гиганты высотой до пятидесяти метров здесь уже не росли, и поэтому низкие деревья, кустарники, лианы плотно сплетались ветвями и корнями в единую зеленую массу, сквозь которую я шумно продирался. За мной оставалась просека, но эту рану лес даже не заметит. Это не промышленная вырубка, когда под корень сводились сотни гектаров древних деревьев ради того, чтобы в офисах и банках печатались бессмысленные документы.

Я перемахнул реку — на этот раз удачно, и двинулся уже по большому лесу. Вверху, поднявшись из гнезда, захлопали крыльями птицы-носороги.

В километре на север. Какое-то лающее повизгивание. Подобных криков в базе аудиозаписей не было. Что это за звери? Судя по силе звука, довольно крупные. Звуки смутно похожи на крик… Но этого не может быть!

Скорость увеличена на 40 %

Если это те, о ком я думаю, то дела очень плохи.

По мере приближения крики усиливались, затем смолкли — звери услышали меня. Я вылетел на небольшую полянку. Когда-то здесь рухнуло огромное дерево и открыло солнечным лучам чахлый подлесок. Среди буйных зарослей драцен и молодых акаций резвилась стая…

Да. Это гамадрилы. «Плащеносые скальные павианы», услужливо подсказала база данных.

Гамадрилы замерли, вздернули длинные вытянутые морды. Затем самый крупный самец — вожак, вскочил на поваленный прогнивший ствол и зашелся в яростном лающем визге. Серебристо-белая грива встала дыбом. Из пасти вывалился окровавленный кусок мяса с черной шерстью.

Вот я нашел тех, кто напал на семью Ренье. Неужели они убили кого-то из семьи Ямагучи? У рилл был маленький детеныш, ему еще года не было.

Вожак визжал, раздирая длинными когтями ветхую древесину. Под солнечными лучами спина его отливала ярко-красным цветом. Очень странная расцветка.

Большая стая. Самки с детенышами сбились в кучу, остальные десять самцов осторожно обходили меня с боков.

Они меня не боятся?

Вожак захрипел и кинулся вперед. Двое гамадрилов справа и слева подскочили, вцепились в ноги. Я почувствовал глухой удар — еще пара вскочила на спину, они раздирали когтями шерсть, нащупывали шейную вену.

Ударом руки я смел вожака в сторону, содрал гамадрилов со спины и зашвырнул в лес. Затем оторвал вцепившихся в ноги, и хорошенько стукнул друг о друга. Оставшиеся обезьяны возбужденно кружили вокруг. Из леса выскочил вожак, и, захлебываясь лаем, опять кинулся в атаку.

Я встретил его тяжелым ударом, так, что затрещали кости. Вожак отлетел назад, встряхнулся, и снова ринулся вперед. Железные они что ли?

Один из гамадрилов с клокочущим рычанием вцепился в правое бедро, взрывая землю безволосыми задними лапами. Ярко-красная кожа, покрывавшая спину и большую часть тела, сверкала на солнце и казалась плотной, как чешуя. Болезнь? Мутация?

Слева заходили еще двое.

Боевой режим.

Я оторвал настырного гамадрила от ноги и забросил в лес. Рыжей кометой он пронесся над верхушками деревьев и с треском рухнул. Еще одного нападавшего слева я мощным пинком отправил в густые заросли.

Мгновенно развернулся, и поймал вожака в прыжке. Сжал горло до хруста — в открытой пасти, между загнутых клыков затрепетал язык, и с размаху швырнул оземь. Он хрипел и пытался подняться, царапал землю когтями. Потом скорчился и затих.

Стая с визгом скрылась в лесу.

Я прошел к месту их пиршества. Среди густой травы, забрызганной кровью, белели обглоданные кости. Измочаленные сухожилия. Обрывки черной шерсти. Я присел. Судя по костям, это, несомненно, останки гориллы. Но шерсть длинная — это либо Ямагучи, либо его жена Сара. Останков детеныша не было видно. Но гамадрилы могли сожрать его целиком.

Откуда они здесь взялись?

Все собакоголовые обезьяны — гамадрилы, бабуины, анубисы живут стаями. В саваннах, разреженных лесах, в горах. Но в тропических лесах они не встречаются.

Я вернулся к телу вожака. Он был необычно крупный для гамадрила — около полутора метров в длину. Обычная серо-оливковая шерсть покрывала передние лапы и верхнюю часть спины. Вокруг головы — отчетливая белая грива. А остальное тело покрывала красная безволосая кожа. Похоже, что это разросшаяся седалищная мозоль — очень плотная, сверкающая на солнце, как змеиная чешуя. Эту естественную броню с трудом пробил бы и нож.

Положительная мутация, закрепленная и передающаяся по наследству. Увеличившись в размерах, они стали нуждаться в новых источниках пищи. А всеядность и стайный образ жизни неизбежно сделали их хищниками.

Теперь понятно, зачем Ренье была нужна дубина. Они столкнулись с этой стаей, но отбились.

Гамадрилы пришли сюда в поисках еды. Теперь в лесу появился новый, очень опасный для горилл хищник — ведь гамадрилы живут стаями, насчитывающими иногда до ста членов. С такой угрозой ни одна семья горилл не справится.

Поздравляю, Джузеппе. Ты открыл новый вид. Плащеносные чешуйчатые гамадрилы.

Вот только что теперь делать? Сколько таких стай на

территории Вирунги?

Может, не стоит вмешиваться? В конце концов, это эволюционная гонка на новом уровне. Если риллы не смогут справиться с этой угрозой, то они просто исчезнут как вид.

Нет. Я не могу этого допустить.

Глава семнадцатая

«Почему ловушку с бревном придумал Питер, а не я? — кусал губы Элиас. — Я же самый ловкий в отряде. Самый быстрый. А теперь Андрая назначил Питера старшим. Он, видите ли, знает, как сделать ловушку. Велика сложность!»

Мальчики стремительно бежали по лесу, вытянувшись цепочкой друг за другом. Невыносимо парило, в душном и влажном воздухе плыли клубы испарений, жужжали мухи. Широкие плотные листья били ребят по лицу, они пригибались, — рубить их не было времени.

Прошло уже часа четыре, с тех пор как ребята вышли из лагеря. Они устали.

— Отдых, — выдохнул Питер, согнувшись и упираясь в колени руками. — Вода есть?

— Лови, — завозился Антуан. Он привалился к широкому стволу пальмы, отстегивая фляжку.

Питер поймал ее и жадно начал пить. Вода стекала ручейками по лицу, сбегала за ворот рубашки.

— Будешь? — он протянул Элиасу смятую алюминиевую фляги.

— У меня есть, — буркнул тот. — Где ты свою посеял?

— Ночью. Когда этот черный дьявол из лесу вышел. — Питер сел на корточки, тяжело дыша.

— Дай мне, — попросил Антуан. — Долго еще идти?

— Часа два, не меньше. — Питер расшнуровал ботинки, раздраженно вытряхнул оттуда мелкий сор. — Главное, чтобы парни Замбу задержали.

— Не сомневайся, Андрая справится, — хмыкнул Элиас, тоже присаживаясь.

— Надеюсь, — сплюнул Питер. — Что—то вчера он героем не выглядел.

— Можно подумать, ты был героем, — разозлился Элиас. — У самого коленки тряслись.

— Тряслись, — спокойно согласился Питер, — И у тебя тряслись. Ты ж его видел. Тут пушка нужна, не меньше.

— Думаешь, у нас получится? С ловушкой? — Антуан вытер губы, старательно завинтил флягу.

— Не знаю, — Питер задумался. — Но попробовать мы должны.

Долгий протяжный стон родился где-то впереди. Глубокий, полный злобы и боли, он плыл по полуденному лесу. Птицы с криком снялись с веток, закружились над деревьями.

Мальчики вскочили, озираясь.

— Что это? — в руке Антуана подрагивало мачете. — Лесной Ужас?

— Нет, — Питер покачал головой. — Он кричит по-другому.

— Он говорил, здесь много опасных зверей, — побледнел Антуан. — Может, вернемся?

— Совсем сдурел? А ловушка?

— Питер дело говорит, — согласился Элиас. — Надо идти вперед.

— Тогда побежали. — Питер зашнуровал ботинки, попрыгал для надежности. — Только тихо.

Мальчики пошли вперед, сначала медленно, потом ускоряя шаг. Первым шел Питер, следом Элиас, замыкал цепочку Антуан, не выпускавший из рук мачете.

Они шли быстро, но осторожно: замирали перед полянками, и только после тщательного осмотра перебегали их. Путь их пролегал вдоль реки, Питер старался держаться ее глухого шума, чтобы не проскочить утес. Спустя некоторое время скорость упала — начались заросли густых галерейных лесов. Мальчики чертыхались, продираясь сквозь влажные переплетения корней и ветвей, и вскоре им пришлось пустить в ход мачете.

Хватая ртом густой полный влаги воздух, Питер срубил очередную ветку и чуть не упал. Земля отвесным обрывом обрывалась прямо у ног. Стена уходила вниз метров на пятнадцать, бугрилась камнями и скальными выступами, которые оплетала густая сеть корней и лиан.

Питер озадаченно оглядел препятствие. Другой склон скального разлома был не таким отвесным, и по нему можно было подняться.

Но как спуститься?

— А вон там скала. Надо поискать удобный проход, — из-за спины Питера выступил Элиас. — Может, по руслу ручья?

— Искать долго. Надо лезть, — решил Питер. — Лиан полно. Если медленно полезем, то без проблем спустимся.

— Да вы что, — Антуан попятился. — Я туда не полезу.

— Струсил, жирдяй?! — Элиас подступил к нему, сгреб за рубашку.

— Я…

— Пристрелить тебя, да автомат в лагере остался! — Элиас пихнул Антуана в грудь, тот отлетел назад, запутался в ветках.

— Я высоты боюсь, — плачущим голосом признался Антуан. — Как гляну туда, сердце выскакивает.

— Я тебе сам сейчас сердце вырежу!

— Элиас, хватит, — спокойный голос Питера оборвал

начинающуюся драку. — Пискля, боишься высоты, значит, будешь смотреть вверх. Я полезу первым. Антуан вторым. Элиас — ты замыкаешь.

Он прицепил мачете к поясу, сел на краю. А затем, нащупывая ногами выступы в скале и цепляясь за лианы, начал спускаться.

Мальчики, не отрываясь, глядели на него. Питер лез ловко и быстро, и казалось, одним махом одолел сразу почти половину стены. Элиас вынужден был признать, что у него так бы не получилось. Он внимательно следил, на какие камни Питер ставит ногу, и за какие корни держится.

«Я все равно быстрее слезу, — решил Элиас. — ему до меня далеко».

— Видите, все просто — Питер развел руками. Он уже стоял внизу.

— Давай, Пискля — Элиас подтолкнул Антуана. Тот покорно пошел, но на самом краю уперся, мертвой хваткой уцепился за ветки.

— Не… не буду! — задыхаясь, выкрикнул он. — Разобьюсь!

— Если ты сейчас не полезешь, Пискля, я тебе кишки выпущу, — свистящим шепотом пообещал Элиас, и вынул мачете.

Секунду они боролись взглядами, потом Антуан побледнел и, зажмурившись, начал спускаться.

Он полз чудовищно медленно. Замирал и долго не мог отдышаться после каждого шороха и треска корней, раз по десять проверял на прочность каждый камень.

Элиас места себе уже не находил.

— Давай быстрее, — застучал он мачете по камням. — Ползешь, как дохлая черепаха. Быстрей слезай, трус.

— Давай, Антуан, немного осталось, — подбодрил его Питер.

Пискля завис на руках, когда до земли оставалось меньше метра, и учащенно задышал.

— Прыгай.

Он отчаянно замотал головой.

— Прыгай, у тебя получиться, — мягко сказал Питер. — Давай.

Когда Андрая назначил его командиром, он вдруг почувствовал, что отвечает за свой маленький отряд. За этого бешеного Элиаса, и за Писклю-Антуана.

— Давай, не бойся. Прыгай.

Антуан глянул вниз, зажмурился, выдохнул и отпустил руки.

Элиас вверху расхохотался, глядя, как Пискля раскорячился на земле.

— Как жаба! — он запрыгал. — Смотри, червяк, как надо.

Он заткнул мачете за пояс, и быстро начал спускаться, скользя по лианам.

— Элиас… — Питер встревожено поднял голову. — Куда так летишь?

— Спокойно! — сквозь зубы пробормотал Элиас, цепко хватаясь за выступы. — Щас слезу.

Он небрежно и быстро скользил по лианам, перемахивал с камня на камень и почти не глядел вниз.

— Элиас, не торопись! — крикнул Питер.

— Расслабься, коротышка! — отмахнулся Элиас, — Я не Пискля…

Нога соскочила с камня, он ухватился за тонкие корни, но те не выдержали веса и с треском лопнули. Элиас замахал руками, как птенец голыми крыльями на краю гнезда и рухнул спиной вниз.

— Живой? — подскочил Питер.

— Кхха, да, — Элиас с трудом выдохнул и сел.

— Макака, черт тебя дери, — разозлился Питер. — Нашел время выделываться. Пошли.

Элиас поднялся, потирая спину и отбитые ребра. Антуан с Питером уже карабкались на противоположный склон. Элиас сплюнул. Его слегка пошатывало от удара, кружилась голова, но он полез следом.

«Ничего, это случайно, — он стиснул зубы, — Нога соскользнула. Все равно я лучше их вместе взятых».

Он опустил голову и вскрикнул от неожиданности.

— Что там еще? — Питер раздраженно обернулся.

— Следы, — пробормотал Элиас. — Гляньте!

Мальчики вернулись назад.

— Ничего себе, — выдохнул Питер. Он присел на корточки и промерял ладонью огромный след, распахавший красную липкую землю. — Этот зверь, он даже больше…

— Чем Лесной Ужас, — закончил фразу Элиас. — Намного больше.

Антуан присел рядом со следом. Глаза его округлились.

— Да он огроменный!

— Ага, проглотит тебя и не подавится, — ухмыльнулся Элиас.

— Как вы думаете, это он кричал? — Антуан озирался. Он был слишком встревожен, чтобы обращать внимание на издевки Элиаса.

— Не знаю, — хмуро сказал Питер. — Нам надо идти. Будьте осторожны.

— Осторожны, как же, — хмыкнул Элиас. — Если мы на него наткнемся, то даже помолиться не успеем.

— Значит, надо быть незаметными, — отозвался Питер, поднимаясь по склону.

— Легко сказать, — Элиас морщась, потер бок, — Пискля топает так, что его за сто шагов слышно.

Антуан вспыхнул, бросил взгляд на удаляющегося Питера, потом на Элиаса, и, проглотив обиду, поплелся следом.

До утеса мальчики добрались без приключений, им лишь пришлось прорубаться сквозь заросли кустарника-фаэгри. Сама скала голым выступом выпирала из береговой зелени и казалась клыком, который далекие горы выставили вперед, навстречу джунглям. Справа почти вплотную к утесу примыкал край леса, а глубоко внизу гремела река.

— И это высота? — Элиас плюнул вниз. — Вот трепло Кунди. Да Замба Мангей тут даже задницу не отобьет. Иди сюда, Пискля.

Антуан боязливо вжался в тень невысоких пальм.

— Там очень высоко, — возразил он. — Ужас точно разобьется.

— Ага, сто раз!

— Ладно, другого способа у нас нет, — оборвал их Питер. — Надо найти дерево побольше, срубить его и поднять вон туда, к верхушкам деревьев.

Мальчики с сомнением огляделись. Пока они придумывали, как уничтожить Лесной Ужас и пробирались сквозь лес, все казалось выполнимым. Но теперь перед ними встала вся невыполнимость их предприятия.

— Допустим, мы срубим дерево. Как поднимем вверх? — сощурился Элиас.

— Поднимем, — Питер уверенно огляделся. — Я видел, как это делали дикие. Давайте сначала отыщем подходящее дерево.

Им повезло. Громадное белое дерево арере они нашли недалеко от реки. Редкий гость в равнинных лесах, арере стояло на поляне, взметнувшись к небу. Ветви его накрывали шатром поляну.

— Ты сдурел? — Элиас задрал голову и присвистнул. — В нем метров тридцать будет.

— В самый раз, — Питер подошел к стволу больше обхвата его рук, примерился и ударил мачете.

Лезвие со звоном отлетело, на столе появилась небольшая зарубка.

— Да мы его рубить будем целый день, — Элиас поковырял мачете кору. — Твердое, как железо.

— Верно, — Питер почесал в затылке. — Но это самое подходящее.

— Давай другое поищем, — предложил Элиас. — В лесу

полно деревьев.

— Можно его поджечь, — робко сказал Антуан. — Обложить ветками, ствол прогорит, и мы его срубим.

— Бред, — фыркнул Элиас. — Перегрелся, Пискля?

— Нет, он дело говорит, — Питер критически оглядел ствол. — Правда, жечь тоже долго. Но это выход. Ладно, ищем сухие ветки.

И они с Антуаном, уткнувшись глазами в землю, как свиньи-бородавочники в поисках сладких побегов, разбрелись по поляне.

— Бред, — Элиас еще раз взглянул на дерево. — Зачем Андрая послал меня с этими дураками? Ничего не выйдет.

«Ничего» — шелестело арере листвой вверху, бросая изменчивую тень на его черное лицо.

— Вот зараза, — Элиас еще раз сплюнул, и отправился на поиски топлива.

Спустя час мальчики натаскали приличную кучу коряг и веток. Антуан, пыхтя, притащил огромную охапку сухих скрученных листьев, бросил у подножия.

— На растопку, — пояснил он, утирая лоб. Толстые его щеки колыхались.

— Тебя, жирняка, на растопку надо, — хихикнул Элиас.

Антуан сморщился, как от зубной боли, бросил умоляющий взгляд на Питера.

— Отстань от него, Элиас, — Питер хлопал себя по карманам. — Он задницей не приземлялся.

— Это случайно, — вспыхнул Элиас. — камень из-под ноги вылетел.

Питер молча кивнул, присел возле наваленной груды веток. Чиркнул зажигалкой, поднес ее к листьям.

Язычок пламени перескочил на листву, сгреб ее рыжей пятерней, и вытянулся, рванулся вверх. Ветки затрещали, над поляной поплыл дым. Ветер подхватил его ленивую струю и погнал по земле, в сторону дальних зарослей, нанизывая белесые дымные пласты на качающиеся узорчатые листы папоротников.

— Тащите еще хворост, этого мало.

Мальчики без устали подносили ветки, и одну за другой их глотал жадный огненный муравейник, облепивший ствол арере. Влажная кора дерева шипела, жаркие языки поднимались все выше.

— Ищите ветки побольше, нужен большой жар, — крикнул Питер, прочесывая ближайший лес. Его что-то смутно тревожило. Он прекрасно слышал «вторым слухом» товарищей, где-то рядом была пара птиц и ящерица. Но было что—то еще. Неясное чувство угрозы, нависшей над поляной. Не схожее с образом тех существ,

которых он видел ночью, но как-то с ними связанное.

«Нельзя разбредаться — озабоченно подумал он, подхватывая ветку. — Надо держаться вместе».

Однако вокруг дерева они уже выбрали все, вплоть до гнилушек и все больше расходились в поисках топлива. Антуан шел почти на четвереньках, шарил по земле вытянутыми руками — надеялся так найти пропущенные ветки. Он уже обогнул поляну и углубился в дальний от реки лес.

— Есть! — обрадовался Антуан, увидев сухой, выбеленный солнцем изогнутый сук, который торчал из листвы в метрах двадцати от него.

— Идите сюда, я сухое дерево нашел! — закричал Антуан. — Большое. Надо всем вместе тащить.

«Наверное, сухой ствол упал, и его заклинило» — подумал мальчик. Антуан шагнул к нему, но кустарник вдруг затрещал и сук взметнулся вверх. У основания его блеснуло стальное кольцо.

Из лесной мглы выдвинулись серые морщинистые колонны, и выступила огромная морда с полными злобы маленькими глазками, стиснутая плитами ороговевшей кожи и усеянная шипами наростами. Жаркая красная пасть распахнулась, и рев оглушил мальчика.

Антуан завопил и опрометью помчался назад, на поляну. Земля за ним задрожала — круша деревья, чудовище с ревом ринулось следом.

Питер выронил ветку. Страшный крик, который они уже слышали, прозвучал совсем рядом, и он приближался.

— Бегите! — Антуана будто взрывом вынесло на поляну. Ноги его мелькали как у гепарда, толстяк бежал так быстро, что даже Элиас сейчас не смог бы за ним угнаться. — Бегите!

Что-то громадное неслось следом за ним, деревья рушились, во все стороны разлетался ветки и листья.

— Сюда, к костру! — крикнул Питер, выхватывая пылающую толстую корягу. — Быстрее.

— Ааа…бегите! — Антуан с выпученными глазами стрелой пронесся мимо.

Элиас, бросив хворост, рванулся следом.

Питер, сжимая ветку, глядел, как из джунглей надвигается что-то ужасное. Рев раздался совсем близко, пальма на краю поляны рухнула, и Питер не выдержал. С криком он метнул корягу вперед и кинулся бежать.

Он уже не видел, как пылающая ветка ударила по шипастой морде, высунувшейся из леса. Чудовище неуклюже замотало изогнутым рогом и взревело — рассыпавшиеся угли угодили в глаза. Монстр рявкнул и рванулся вперед — на рыжего врага, чьи

пляшущие языки били по стволу арере.

Не помня себя от ужаса, мальчики слетели по склону и полезли обратно на скалу.

Перепуганный Антуан уже был почти наверху, Элиас не отставал, а задержавшийся Питер с разбегу запрыгнул сразу метра на полтора, и повис, вцепившись в лианы. Что-то громадное рухнуло в лесу, из зарослей выкатился рев, полный боли и ярости. Мальчики с удвоенной скоростью рванули вверх, обдирая колени и ладони.

Наконец, одолев подъем, они упали наземь.

— Что…что это? — сердце Элиаса было готово выскочить из горла. — Пи…Пискля что это?

— Не… не знаю, — замычал Антуан, уползая прочь от обрыва. — Похоже на носорога. Но такого я еще не видел.

Рука у него подвернулась, он рухнул на бок и застыл, вяло перебирая ногами.

— Откуда оно вылезло? — Элиас не мог отдышаться, все прислушивался к грохоту и треску внизу.

— Я в Эдеме хочу, — пробормотал Антуан. Он скорчился, подгреб ноги к груди и затих, — Домой…

— Нельза, — Питер утер лицо, размазывая сажу. — Ловушку надо делать.

— Нет, — еле слышно ответил Пискля. — Оно нас всех убьет.

Он опустил голову на руки, уставившись в одну точку.

Глава восемнадцатая

Я гнал стаю гамадрилов до самого вечера. Оставшиеся самцы то и дело с лаем выскакивали навстречу — старались отвлечь в сторону. В драку, впрочем, теперь они вступать не рисковали. А самки с детенышами тем временем уходили от преследования, скрывались в густых зарослях бамбука.

Когда я, наконец, отогнал километров на пятьдесят, солнце уже садилось. Вернуться до заката к лагерю уже не успею. Надеюсь, на ребят не выскочит другая стая.

А мне надо подумать, что делать дальше.

Похоже, мутации постоянны и некоторые из них закрепляются и передаются по наследству. Война полностью перекроила животный и растительный мир планеты. Деревья живут дольше и последствия изменения их генного аппарата еще не проявились. Но кто знает, что будет в будущем? Какие новые виды симбиоза и каких чудовищ породит волна неконтролируемых мутаций — плотоядные деревья, шагающие, летающие растения? Облик планеты изменился бесповоротно, запущен процесс хаотичной эволюции. Чей разум пробудится на Земле? Морской — у гигантских кальмаров или китов, небесный — у орлов и кондоров? А быть может, станут разумными пчелы или муравьи?

Вряд ли. Это виды, далеко зашедшие в ходе эволюции, приспособившиеся к определенным условиям и среде обитания. Больше всего шансов у животных, гибко приспосабливающихся к изменениям. Например, у крыс. Но что дало такой быстрый и устойчивый мутагенный эффект? Где агент воздействия?

Выживут ли мои риллы в постоянно меняющемся мире?

И что делать остаткам человечества? Они больше не хозяева планеты, а жертвы своей ненависти, отстающие в бешеной эволюционной гонке.

Они слабы. Они умирают.

Во мне боролись два долга. Долг перед риллами, подкрепленный программой юнита, и долг перед этими детьми. Долг ученого и долг человека.

Я полагал, что, умерев, избавился от эмоций. Я был счастлив. Да, счастлив вместе с моими риллами.

Но оказалось, что Джузеппе Ланче жив. Он здесь, внутри нейроэлектронного комплекса, и его боль, его долг взрослого перед детьми перевешивает все разумные аргументы.

Звуковые сенсоры уловили слабое, затухающее эхо к северо-востоку от меня.

Анализ эхограммы…совпадений не обнаружено

Сегодняшний день богат на сюрпризы. Мало мне нового вида павианов. Похоже, еще один неизвестный вид животных.

Я перемотал звуковой файл. Это крупное животное. Конечно, крик обезьяны-ревуна в Южной Америке слышен на два километра. Низкий хриплый крик лягушки-быка можно также услышать за несколько километров. Но этот крик — в нем слишком много ярости.

До источника звука около пяти километров. Я доберусь туда минут через пятнадцать. Надо поглядеть, что это за существо, может ли оно угрожать риллам?

— Вставай, трус! — Элиас еще раз пнул Антуана. — Поднимайся!

Тот лежал, руками прикрывал бок и голову, и только мычал в ответ на сыпавшиеся удары.

Элиас выдохся, с бессильной яростью еще раз стукнул и сел. Ничего не выходило. Пискля так лежал уже битых два часа. Казалось, он совершенно лишился сил, только что-то глупо бормотал про Эдеме и вяло защищался. Питер сосредоточенно изучал местность. Чудовище было еще там, он чуял плотный сгусток ярости в джунглях. Но ловушку необходимо сделать! А для этого нужны все трое.

— Скотина толстая!

— Хватит, Элиас, — Питер обернулся. — Так его не поднимешь.

— Совсем отупел от страха, — Элиас сплюнул. — Что делать будем?

— Ждать, — коротко ответил Питер. — Эта тварь должна когда-нибудь уйти. А тем временем, может, Пискля очухается.

— Ждать?! А там наши с Ужасом! — выкрикнул Элиас. — Как долго они его смогут отвлекать? Поднимайся, гад!

Он схватил Антуана за шиворот и рывком, собрав все силы, поднял на ноги. Антуан повис мешком в его руках, колени у него подгибались, руки болтались как плети.

— Ты у меня встанешь! — Элиас в совершенной ярости, не помня себя, потащил его обрыву. — Сейчас живо очухаешься!

Он припечатал Антуана к деревцу на самом краю, так, что Пискля почти болтался над обрывом.

— Хочешь туда? — заорал Элиас в расплывшееся в беззвучном плаче лицо. — Хочешь?!

Антаун взглянул вниз и вдруг начал извиваться, как рыба на песке. Его пухлые пальцы вцепились в руки Элиаса с неожиданной силой.

— Элиас, хватит! — Питер шагнул к ним. — Оставь его!

— Отвали!

Секунду мальчики боролись на краю. Антуан все больше выкручивал руки Элиаса, как будто Пискле передалась его ярость, или придал силы извечный страх перед высотой. Наконец Антуан ударил противника обоими кулаками в лицо и отшвырнул прочь.

— Не хочу! — завопил он. — Отстаньте от меня!

Земля дрогнула под его ногами, посыпалась вниз. Антуан нелепо взмахнул руками, и с всхлипом упал назад.

Мальчики на мгновение остолбенели, потом разом рванулись к обрыву.

— Дети, что вы делаете?

Внизу, на дне разлома, стоял Лесной Ужас, держа на руках обмякшее тело Антуана.

Питер с Элиасом, онемев, глядели на него во все глаза.

— Я же говорил, что в лесу полно опасных зверей. Зачем вы ушли от костра? А если бы я не успел?

Он бережно положил Антуана на землю, склонился над ним.

— Что… что с ним? — голос не слушался Питера. Он не чувствовал Замбу Мангея. Вообще. Словно вместо него была пустота.

— Он жив. Сознание потерял. Надо… — Джу не договорил, поднял голову.

Заросли на склоне затрещали. Мальчики замерли.

— Это оно, — прошептал Элиас.

Кусты закачались, огромная шипастая морда, увенчанная изогнутым рогом, высунулась из плотной зелени. Маленькие глазки обежали все пространство оврага и остановились на черной фигуре.

Лесной Ужас выпрямился и шагнул вперед, закрывая собой тело Антуана.

Монстр нелепо хрюкнул, и, перебирая короткими толстыми ногами, неторопливой трусцой побежал вниз, набирая скорость. Глаза у мальчиков округлились — это было огромное животное. Ростом оно пониже Замба Мангей, но раза в два длинней. Если бы Лесной Ужас захотел обхватить эту тушу, то ему едва хватило бы рук. Чудовище походило на носорога, но все его тело усеивали костяные шипы, усаженные на толстые ороговевшие пластины кожи. Они были плотно притиснуты друг другу — ножа не просунешь. Всем своим обликом монстр напоминал небольшой шипастый танк.

«Если нам повезет, — мелькнула мысль у Питера, — то не надо делать ловушку. Чудовище убьет Замбу Мангей. Он его не одолеет».

Обагренный заходящим солнцем рог был направлен прямо в грудь черной гориллы. Лесной Ужас прижался к земле и не двигался с места. Срывая пласты земли, сшибая деревца, чудовище мчалось на Джу. Но в тот момент, когда мальчикам уже казалось, что чудовище пронзит Замбу насквозь — они уже почти видели, как рог пробивает черное тело, горилла молниеносно отскочила в сторону. Ужас схватился за рог, уперся в землю, и могучим рывком пригнул шипастую голову к земле.

Взрывая фонтан красной земли, монстр споткнулся об собственную голову, бодающую землю и смешно перебирая ногами, опрокинулся на спину.

Земля вздрогнула от тяжкого удара. Чудовищная сила инерции протащила тушу вперед, и громадный бок едва не задел Антуана, лежавшего на земле.

Носорог раскачивался с бока на бок и пытался встать. Я ждал. Уже боюсь делать прогнозы — все худшие предположения сбываются на глазах. Больше всего этот зверь походил на индийского панцирного носорога, но в холке достигал двух метров. К тому же каждая из складок кожи, образующая естественные доспехи, в центре увенчана небольшим шипом. Не было видно волоклюев — птиц-симбионтов, пара которых обычно всегда кружится над носорогом. Они питаются клещами в складках кожи. Но это животное в симбионтах, очевидно, не нуждалось.

Я бросил быстрый взгляд на Антуана — слава Богу, зверюга на него не наступила. В этой твари веса тонны четыре, впервые я чувствовал себя неуютно. Моих восьмисот килограмм здесь явно недостаточно, я безнадежно проигрывал этой твари. Это не моя весовая категория. И почему мы не сделали юнита-слона? Эх, сюда бы гранатомет капитана Джонаса.

Носорог поднялся, помотал головой, огляделся. И найдя цель, заревел. Толстые ноги взрыли землю.

Модификация правой ладони. Материал — углеродистая сталь.

Я взревел в ответ во всю мощь сирены, и рванулся вперед, навстречу набирающему ход животному. Недостаток веса можно компенсировать только скоростью.

Нас разделало метров пятнадцать, я пролетел их меньше чем за секунду.

Правая рука — усилие 100 Килоньютонов

Он стоял чуть боком, так что я зашел справа. И меньше чем за

метр прыгнул, вкладывая всю скорость и силу в один удар сверкающего стального кулака, целясь в окостеневшие пластины чуть пониже головы.

Критическая нагрузка на правое предплечье.

Голова его описала полукруг. Носорога развернуло, отшвырнуло назад, и он рухнул набок. Из трещин раздробленной пластины сочилась густая кровь.

Зверь попытался подняться, рухнул на колени, и потом медленно встал. Его пошатывало. Взгляд его вновь уперся в меня, он заревел — глухо и яростно.

Да что ж со всеми животными случилось? Ни один нормальный носорог после такого удара вообще бы не поднялся, а если бы и поднялся, то точно не стал бы продолжать бой. Как будто природа впитала человеческую ненависть и стала рождать таких монстров.

Он встряхнулся всем телом, и пошел вперед, целясь рогом в живот.

Внимание, критическое снижение уровня батарей. Необходима срочная подзарядка.

Потом, потом… Надо спасти ребенка. Надо прогнать эту тварь.

Я ринулся вперед на четырех лапах — так быстрее, перед его самым носом подпрыгнул, избегая удара рога, и оказался на спине.

Оседлав неповоротливую тушу, я раз за разом начал бить в проломленную костяную пластину. Животное с ревом завертелось по поляне. Оно искало врага, искало источник боли и никак не могло сообразить, откуда сыплются удары. Пластина разошлась, и я бил уже по живому мясу, разбрызгивая липкую кровь.

Носорог взревел и кинулся вверх по склону, в лес, спасаясь от невидимого врага. Никто до сих пор не мог его уязвить, и непонятность этой боли его пугали сильнее всего.

У края леса я спрыгнул. Серая туша стремительно удалялась, испуганный носорог прокладывал по джунглям просеку из упавших деревьев и растоптанных кустарников. Надеюсь, он не скоро сюда вернется.

Глава девятнадцатая

Лесной Ужас вернулся к Антуану, взял его на руки и одним прыжком запрыгнул наверх, к мальчикам, безмолвно наблюдавшим за битвой.

— Зачем вы ушли из лагеря? — спросил он, и Питеру послышалась укоризна.

— Мы… — мальчик замялся.

— Я же говорил, что здесь много опасных зверей.

— Великий Замба, мы хотели поохотиться, — нашелся Элиас.

— Меня зовут Джу. Я оставил вам много еды. Рядом была река. Так зачем вы ушли из лагеря?

Мальчики подавленно молчали, смотрели в землю.

«Теперь он нас убьет, — подумал Питер. — Но тогда зачем он спасал Писклю? Он же мог легко уклониться от боя. Силу свою показывал, не иначе».

— Вы хотели предупредить Омуранги? — Джу опустил Антуана на землю. — Он и так знает обо мне.

— Знает? — Питер вздернул голову.

— Конечно. Как вы думаете, зачем он послал вас сюда?

— Чтобы поймать двух детенышей горилл-енганги.

— Гориллы под моей защитой. Омуранги с самого начала знал, что я здесь. Он хотел, чтобы вы нашли меня. Вы были приманкой.

— Но… — Питер не нашелся, что сказать.

— Он хочет, чтобы я пришел в Эдеме. Разве непонятно?

Мальчики молчали. Они вспоминали, как Джонас перед операцией получил новое оружие. Как он рассказывал им о Лесном Ужасе, который живет в Вирунги. Как хвалился — дескать, он в два счета одолеет любое страшилище. А когда Лесной Ужас появился, он никого из них не убил — кроме Джонаса. Хотя мог прикончить всех — после битвы с носорогом Питер в этом не сомневался.

«Ловушка — дурацкая идея, — подумал Питер. — Чем ему можно повредить? Но если бы мы напали, неужели бы тогда бы он нас не убил?»

В голове у Питера все перемешалось. Он облизал пересохшие губы и, наконец, вытолкнул главный вопрос. На который раньше не хотел знать ответа.

— Если ты не дьявол, то тогда кто ты?

Джу сел возле Антуана.

— Надо разжечь костер. Скоро ночь, мы не успеем дойти до лагеря. А ему нужно тепло.

— Что с ним? — Элиасу не давала покоя какая-то смутная вина. Он старался не глядеть на лежащее тело, но не мог — все время возвращался взглядом.

— Не знаю, — покачал головой Джу. — Похоже на глубокий обморок. Или шок.

— Шок? Что это? Это *куби*?

— Нет. Это страх. Собирайте хворост, скоро стемнеет.

Мальчики разошлись по лесу. Джу прошелся вокруг тела, утаптывая полянку, вырвал пару кустов, расчищая место.

На краю обрыва пылал высокий костер, бросал искры вверх, в звездную ночь. Листва над поляной колыхалась от теплого дыма. С высоты обрыва огонь был виден издалека, — вопиющее нарушение устава, полная демаскировка. Любой враг мог заметить костер, но сейчас мальчики об этом не думали. Рядом был Джу, и они ощущали тепло, волнами расходящееся от огня. Им было спокойно.

Антуан лежал на постели из пальмовых листьев, которые собрал Джу. Мальчик что-то бормотал в забытьи. Питер с Элиасом сидели поодаль — по требованию Джу они развели такой большой костер, что жар отогнал их к краю поляны. Сам Лесной Ужас сидел вплотную к костру, погрузив, к ужасу мальчиков, ноги прямо в пламя.

Питер ждал, когда же над поляной поплывет запах паленой шерсти и мяса и обожженный Замба вскочит, но ничего не происходило. Горилла невозмутимо сидела, изредка подкладывая коряги в костер. Казалось, она выполняла скучную утомительную работу. Так прошло уже больше часа.

«Это дьявол, — со страхом подумал Питер. — Никакое живое существо не может вытерпеть такой боли. Это дьявол — Омуранги говорил, что в аду очень жарко. Или это… ангел?»

У Питера заломило в висках. Он никогда так много не думал, а сейчас разные непонятные мысли просто разрывали голову на части.

Джу поймал его взгляд.

— Не бойтесь, это мне не вредит, — сказал он. — И я не дьявол.

— А кто? — в лоб спросил Питер, устав от догадок. — Кто ты такой, раз столько можешь?

— Когда—то я был человеком, — Джу взял горящую ветку, задумчиво пошевелил угли, подгреб их ближе к черным лапам. — Это было до Катастрофы. До великой войны, про которую говорил вам Омуранги.

— Ты жил тогда? — мальчики подались вперед, открыв рты.

— Да. Я был…мудрец. Знахарь-изангома. Я лечил зверей.

— Зверей? — мальчики недоверчиво переглянулись.

— Да, — Джу задумался, замолчал.

— А было потом? — Питер заерзал в нетерпении. — Когда началась великая война? Когда дьявол напал на Бога. Тебя превратили в енганги? Это Бог сделал или дьявол?

— Война. Ее начали люди. Тот дьявол, который живет в людях. Люди воевали друг с другом. С Богом, который в человеке.

— Как это? — не понял Питер.

— Люди начали войну друг с другом. Тогда они были могущественны и могли все — летать по небу, плавать под водой. Они строили огромные дома — до облаков и поднимались за пределы неба. Они были на Луне и летали к Солнцу. Они держали весь мир в руках. Они могли все. И все потеряли.

Ребята переглянулись — у них в голове не укладывалось, как люди могли летать к Солнцу.

— Все, что есть у Омуранги — машины, ваше оружие, его знания — все это придумали люди, — продолжил Джу. — И мое тело тоже.

— Но Омуранги — пророк, — робко, уже не так яростно как вчера, возразил Питер. — Он не умирает. Он…

— А Порча? — взволнованно перебил его Элиас. — Ее тоже придумали люди?

— Да. Это было оружие — самое страшное из всего, что изобрели люди. Они слишком много воевали.

— А дикие тогда были?

— Нет. Не было диких, не было страшных зверей. Все болезни умели лечить. И все жили долго, а не умирали в двадцать лет.

— Но тогда зачем они воевали? — не понимал Питер — им не хватало женщин? Еды? Воды?

— Им не хватало власти. И денег, — ответил Джу. — У дьявола много дверей, через которые он проникает в человека. Эти — самые широкие.

— А Бог? Разве он не мог войти в человека и остановить дьявола?

— Люди сами выбирают, на чью сторону встать. И никто не может их заставить — ни Бог, ни дьявол.

— И они…мы встали на сторону дьявола, — пробормотал Элиас.

— И каждый раз встаете на его сторону, когда делаете зло, — отозвался Джу. Он подбросил еще одну ветку. — Когда убиваете, деретесь, даже думаете про кого-то с ненавистью — тогда дьявол радуется в вашем сердце.

— Но если не сражаться, то могут убить тебя, — возразил Элиас. — Если ты не дерешься, значит, ты слабый. А слабых бьют

все.

— Да. Это так. Зло и порча была в мире еще до войны. Давным-давно…Омуранги вам рассказывал, что значит Эдем? Про райский сад, про запретный плод с дерева, который нельзя было рвать?

— Да, — кивнул Питер и нараспев начал, — И люди ослушались Бога, поддались искушениям дьявола, и сорвали запретный плод с дерева познания зла. И стали злыми. И Бог выгнал их из рая и поставил огромного черного ангела с огненным мечом в руках в ворот райского сада. Люди стали жить в мире. А потом началась война дьявола с Богом. Так говорит Омуранги.

— А про Спасителя он вам рассказывал?

— Про Спасителя? — Питер наморщил лоб. — Вроде нет. Элиас?

— Я не слышал, — тот покачал головой. — Хотя был на всех проповедях.

— Он обманул вас, — Джу качнулся, и как будто глубоко вздохнул, хотя грудь его не пошевелилась. — Он не рассказал вам самого главного.

— Чего самого главного? — глаза у Элиаса загорелись.

— Это было дерево познания добра и зла. До того, как люди не съели с него плод, они не знали — что такое хорошо и плохо. Никто не умирал тогда. Звери не ели друг друга. Тогда был рай.

— Но зачем они съели? Их дьявол научил, да?

— Это была ошибка. Люди думали, что станут как Бог — всезнающими, всемогущими. Так им сказал дьявол. Но может быть, они съели плод, потому что должны были стать людьми. Первые люди были созданы по образу и подобию Бога и могли вечно оставаться в раю — ведь они были бессмертны. Но они решили стать смертными людьми. Чтобы знать, что такое добро и зло.

— Но почему? — Элиас не понимал. — Почему? Там же все было хорошо, в раю была еда, все было? Зачем?

Джу задумался, затем медленно продолжал, будто подбирая слова.

— Понимаешь, Элиас, Бог — это бесконечное добро. Но иногда чтобы понять, что такое добро, надо узнать — что такое зло. Чтобы понять, что такое тепло костра, надо пережить холод ночи. И чтобы понять, что значит Бог, чтобы прийти к нему, иногда сначала надо уйти от него. Иногда очень, очень далеко.

Питер слушал Джу, а из головы не уходила фраза «поставил огромного черного ангела с огненным мечом». Он вспомнил, как запылала вдруг на солнце рука Джу, когда он бился с носорогом.

«Неужели… — он понял, что запутался окончательно. — Он же говорит, что был человеком».

«А разве можно ему доверять? — спросил кто-то холодный в сердце мальчика. — Откуда ты знаешь, что он говорит правду?»

«Но ведь он не сделал нам ничего плохого, наоборот — только защищал и кормил» — возразил сам себе Питер.

«А откуда ты знаешь, что не сделает? Может, он хочет всех сожрать, и поэтому не отпускает от себя? Или хочет принести вас в жертву дьяволу? Если он не дьявол, то вполне может служить ему — огня же он не боится».

Питер понял, что есть только один способ разрешить все вопросы. Пусть Джу говорит, а он будет слушать, и проверять каждое слово внутри себя, испытывать его слова — правда это или нет?

— Расскажи нам все, — сказал он. — Откуда появился мир, откуда взялась Порча? Откуда взялся Бог и дьявол?

— Это рассказ не на одну ночь, — покачал головой Джу. — Мир очень древен, куда старше меня. И потом — лучше рассказать всем сразу. А Бог был всегда, еще до сотворения мира.

— Тогда расскажи про Спасителя. Ты сказал, что Омуранги скрыл от нас многое, — настаивал Питер.

— И это лучше знать всем.

— Но сейчас здесь мы и мы хотим знать, — не отставал Питер. — Ведь хотим?

Он глянул на Элиаса. Тот кивнул.

— Ты очень настойчив, Питер, — мальчику почудилось, что огромная горилла улыбнулась. — Но этого так просто не расскажешь. Спаситель — это Бог, который стал человеком. Он пришел на землю, чтобы учить людей любви.

— Любовь? — Элиас недоверчиво покачал головой. — Что это?

Джу покачнулся, словно на плечи ему упала огромная тяжесть. Он долго молчал. Так долго, что Питер не выдержал:

— Так что это такое — любовь, которой учил Спаситель?

— Любовь движет миром, — наконец тихо сказал Джу. И затем громче продолжил:

— Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я только медь звенящая. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде. Любовь все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.[18] Вот что такое любовь.

— Но…разве так может быть? — спросил Элиас недоверчиво. — Люди всегда убивали друг друга. Всегда кому-то надо больше. Люди злы.

— Они выбрали быть злыми. Война случилась как раз из-за того, что в людях иссякла любовь, — ответил Джу. — Из великой любви Бог сотворил и небо и землю. Из любви звери рождают потомство и умирают, защищая его. Из любви встает солнце, и каждый день согревает землю. Из любви расцветают цветы, и падает дождь на сухую землю. Когда вы смотрите на девочку и сердце ваше стучит, — это любовь стучится в него.

Мальчики потупились.

— Спасителя боялись. И поэтому убили. Жестоко убили — прибили к деревянному кресту и оставили умирать под солнцем.

— Но он был Богом! — воскликнул Питер. — Почему он их всех не испепелил? Разве Бога можно убить? Почему он так дал с собой поступить?

— Из любви к ним. Он не хотел умирать и боялся смерти — ведь он также был человеком, как и все. Но он любил людей так сильно, что не мог их обмануть. А сойти с креста и показать всю свою власть — значило их обмануть. Тогда бы все увидели, что он Бог, и поверили в него. Но поверили бы из страха. Так проще поверить — когда Бог приходит к человеку пылающим столбом до неба. Тогда бы никто не сомневался, да, Элиас?

— Да. Разве он не мог наказать злых людей, и сделать так, чтобы все были счастливы? — Элиас не верил. — Что это за Бог, который дал себя убить?

— Даже Бог не может заставить человека полюбить его. Даже он не может сделать всех счастливыми насильно. А он хотел, чтобы все сами пришли к нему, сами увидели свет. Потому что человек может прийти к Богу только своими ногами.

Искры кружились над черной фигурой, таяли в черном воздухе.

— Он умер на кресте, — помолчав, продолжил Джу. — А потом воскрес. Ожил.

— Воскрес?! — мальчики вскочили на ноги. — Как воскрес?

— Он умер, и был мертв. Он спустился в ад, к дьяволу, и вывел оттуда всех страдающих там от начала мира. А потом восстал из мертвых, в том же теле, как и был, и вознесся на небо. Это видели его ученики.

— Тогда он и, правда, Бог, — Элиас потрясенно покрутил головой. — Но почему…

Он не договорил, сел на корточки.

— Ты сказал, что Он должен был спасти мир. — Питер пристально смотрел на Джу, будто хотел просверлить его

взглядом, добраться до смысла его слов. — Но он вознесся на небо, а мы остались здесь. Как он мог так поступить, как он мог нас оставить? Ведь если он Бог, он знал, что будет Великая война. Он знал, что все умрут, что в мире будет Порча. Он знал, что люди будут убивать друг друга. Это несправедливо — он там, на небе, а мы умираем. Как же так?

В глазах его стояли слезы.

— Он все время с нами, — мягко ответил Джу. — Он удерживает твою руку, если ты хочешь ударить беззащитного, он стоит за твоей спиной, он умирает с каждым убитым. Он все время говорит с тобой.

— Как? — выкрикнул Питер. — Я не слышу его. Я вижу только зло и боль вокруг. Почему он нас бросил? Почему он бросил людей?

— Мою сестру разорвали гиены, — сказал Элиас. — Ей было только четыре годика. Почему же Бог не спас ее? Она же ничего не сделала, она была еще маленькая.

— Я не знаю, Элиас, — Джу сгорбился, — С тех пор, как убили Спасителя, этот вопрос задавали много раз. Никто не знает. В мире слишком много зла, слишком много неправды. Но я знаю одно…

Джу выпрямился.

— Без него у нас нет никакой надежды. Он Спаситель, потому что умер на кресте за всех людей — и за вас тоже. Он взял на себя весь грех мира и показал путь, по которому надо идти, чтобы прийти к Богу. Но этот путь оказался слишком трудным. Бог не может вести нас за руку, как бы мы этого не хотели.

— После войны я думал, что люди так и не смогли понять смысла слов Спасителя, — продолжил он. — Речь дьявола всегда звучала громче в их сердцах. Все время люди отступали от Его слов, все время они бежали от Его правды. Но мир все еще жил. Я думал, что они убили себя, потому что перестали слышать даже эхо этих слов. И тогда дьявол вошел в их сердце и занял его полностью. Я думал, что мир погиб и все люди погибли.

— Но теперь… — Джу взглянул на них. — Теперь я думаю иначе. Может быть, не все еще потеряно.

Наступила тишина. Угли чуть слышно потрескивали, багровые тени бродили по темным листьям, колышущимся во тьме и дрожали на утоптанной земле.

— А ты, — после долго молчания Питер поднял голову. По щекам его пролегли две блестящие дорожки, но он смотрел твердо и прямо. — Ты бы смог умереть за людей?

— Я уже умер, — просто сказал Джу. — Умер за своих зверей. Может быть, смогу и за вас.

Глава двадцатая

К утру Антуану стало лучше. Он поднялся, проглотил полбанки консервов и даже смог идти, но очень медленно. Он все еще был в каком-то заторможенном состоянии. Что-то бормотал, откликался со второго раза. Боец из него был никакой, так что мне пришлось взять его на руки. Удивительно, но он не испугался, положил голову грудь, как детеныш гориллы, и вскоре задремал, убаюканный мерной ходьбой.

Мы взяли правее от реки, вышли из галерейных лесов — я бы не смог с Антуаном на руках продираться сквозь эти заросли. Мальчики шли впереди, я замыкал нашу колонну, включив все сенсоры: совершенно не хотелось столкнуться со стаей гамадрилов или второй раз встретиться с шипастым носорогом. Хотя я вчера его изрядно потрепал, носороги непредсказуемы — он мог вернуться. А для второго боя у меня слишком мало энергии.

Ночью батареи слегка зарядились от костра, но тепловой энергии было недостаточно. Мое тело — самая совершенная машина человечества. Я способен получать энергию от любого источника — тепло, солнечный свет, электрические атмосферные заряды, даже часть собственного движения — механического движения, могу при помощи микрогенераторов перевести в электричество. Моя шерсть — не просто камуфляж, который имитирует естественную окраску горилл. Это миллионы микроволокон с неограниченной возможностью трансформации. В них содержатся миллиарды наномашин, преобразующих любой вид энергии в электрический ток.

В начале разработки возникла идея оснастить юнит термоядерной батарей, но экологический совет проекта WLP ее зарубил. Да и африканские правительства не позволили бы — не дай бог, батарея попала бы в руки повстанцев.

Поэтому юнит был оснащен сверхемкими электрическими батареями с возможностью мгновенной подзарядки — последней разработкой японских корпораций. Гарантия их безотказной работы составляла не менее пятидесяти лет. Уже истекла.

Если честно, сейчас я жалел об этом решении. Это стоило мне изрядной доли автономности, и потери вероятной мощности на процентов на сто. Зато я безупречно чистая машина. Вот носорог, наверное, обрадуется этому факту.

Что-то не давало мне покоя, во вчерашнем столкновении с этим зверем была какая-то деталь, выпавшая из внимания. Я проматывал видеоархив, пытаясь ее найти, но пока безуспешно.

Я шел на аварийном уровне энергии. Нужен солнечный день, но небо, как назло, затянуто тучами. Из долины темной пеленой надвигался облачный фронт, и во тьме, сгустившейся у горизонта, посверкивали зарницы.

Плохо.

Впереди, метрах в трехстах, чуть слышно шуршали кусты. Навстречу кто-то шел, мальчики еще этого не замечали, но я давно прислушивался. Судя по всему, это люди. Слитный шум шагов, — скорее всего оставшийся отряд или часть его.

Сто семьдесят метров до источника шума.

— Питер.

Мальчик остановился.

— Впереди кто-то есть. Я думаю, что это Андрая. Но будь осторожен.

Питер замер, прислушиваясь, потом торопливо вытянул мачете из-за пояса. Элиас последовал его примеру.

— Да — в глазах Питера мелькнул страх. — Оно, они там.

Интересно, почему мальчик решил, что целей несколько?

Крадучись, мальчики двинулись вперед.

Сто метров.

Звуки стали слышны отчетливей: шарканье, какой-то тихий кашель, сбивчивое бормотание.

Стоп, это бормочет Антуан.

— …икие…темнота…страшно, — он завозился у меня на груди, задергал руками, будто отпихивал кого-то.

Спокойно, малыш, ты что?

Восемьдесят метров.

Стало слышно сердцебиение — один, два, три, четыре. Я никак не мог разглядеть их, хотя эхолокатор пробивал на такое расстояние. Сквозь весь хаос листвы и ветвей должны были проступить хотя бы контуры. И это сердцебиение — оно слишком сильное и размеренное, его сопровождает какой-то странный шум. *Пятьдесят метров.*

Питер задел сомкнутую чашу листьев цветка, полную дождевой воды, и та с шумом полилась на землю.

— Замрите!

Питер с Элиасом остановились, напряглись, пригнулись к земле.

Нас услышали. Шаги стали распределяться — обходят

полукругом. Пятеро. Это не Андрая. Люди, больше и тяжелее мальчиков. Взрослые. Но почему я их не до сих пор не вижу в инфракрасном диапазоне? Неужели энергии так мало, что не хватает для работы тепловизора?

Двадцать метров.

Они стали двигаться так тихо, что только я или Лаура могли бы их услышать.

Я знаком подозвал мальчиков, положил Антуана в корнях-подпорках высокого дерева арере. «Охраняйте его» — указал я. Питер кивнул, прижался к корню. Элиас встал с другого края. Мачете поблескивали в лесном душном полумраке, сверху мелкой монотонной капелью сыпалась влага, и в сплетении теней и лиан ничего не было видно.

Пятнадцать метров.

Где они?

В зыбкой ультразвуковой картине, среди колонн гигантских деревьев, паутины лиан-ротангов, вдруг обрисовались фигуры — размытые, дрожащие какими-то лохмотьями по краям, они двоились и то появлялись, то пропадали. Наконец-то! Двое справа, двое слева. Где пятый?

Десять метров.

Уже совсем близко. Наконец выжал изображение и тепловизор — сине-красные силуэты прижались к земле, медленно пробираясь вперед. Температура тел не соответствовала человеческой. Да, тепловизор определенно сбоит. Острые локти торчали над спинами. В их движениях чудилось что-то неторопливо змеиное.

Кто это?!

Я огляделся. Принимать бой не хотелось. Слишком мало пространства — узкая тропа стиснута с обеих сторон плотной порослью молодых акаций.

Одна из фигур справа резко, как пружина, разжалась, и из зарослей вылетело короткое копье — прямо в грудь Элиасу. Я перехватил его почти у сердца, переломил древко у ржавого иззубренного наконечника.

— Дикие, — выдохнул одними губами Питер.

Дикие?

Покачнув листья, второе копье вылетело с другой стороны — в Питера! Я отбил его взмахом руки. Почему они не нападают на меня?

Фигуры замерли, потом медленно, все разом пошевелились.

Как они общаются? Я не слышу никаких переговоров в диапазоне человеческого голоса.

Листва вздрогнула, пропуская четыре стрелы. Нет, дротики. Духовые трубки! Значит, яд. Я шагнул назад, закрыл мальчишек телом, дротики отлетели от черной шерсти.

Выходите!

Лес молчал, только мальчики учащенно дышали за спиной. Фигуры не шевелились. Патовая ситуация. Я мог прыгнуть и накрыть двоих, но в это время остальные нашпигуют мальчиков ядом. Ладно, я могу хоть сутки простоять, но вот дети…

— Где они? — шепотом спросил Элиас, — Они ушли?

— Нет, они здесь, — ответил Питер. — Наблюдают.

Догадливый мальчик.

— Это дикие, — вдруг ясно сказал Антуан. — Они хотят нас убить. Они злые.

Нападающие зашевелились. Кажется, они перезаряжают трубки.

— Пригнитесь!

Два залпа дротиков подряд, четыре отлетели от моей груди, еще два я отбил руками, но два проскочили — вонзились в дерево над головой у присевших мальчишек. Опять тишина.

Что делать? Если это продолжиться, то рано или поздно они могут попасть в мальчишек. Какой у них яд, я не знаю, да и противоядий нет. Что же делать?

Противник не двигался. Тишина. Вдруг — шорох, сзади! Элиас вскрикнул, потом захрипел. Я мгновенно развернулся, закрыл ребят уже спиной и увидел, как его за горло схватила землисто-серая рука, высунувшаяся из-за дерева. Вот где был пятый!

Я перехватил запястье, сжал, дробя кости, и рывком дернул на себя. Тварь не поддавалась, я услышал сзади слитный выдох.

— Падайте на землю!

Дротики забарабанили по спине.

Упершись правой рукой в ствол, дернул сильнее. Кости затрещали, из-за дерева, шипя и болтая ногами, вылетел человек. Он был облеплен какими-то лохмотьями, узкое лицо искажено в крике, но из горла раздавалось только яростное шипение. Он извивался в воздухе, и с размаху бил левой рукой коротким копьем мне в грудь.

Тишина взорвалась дробным топотом ног — они не выдержали, кинулись в атаку!

С ревом я развернулся, швырнул тело в двоих — набегающих слева, а ударом руки отбросил одного из нападающих обратно в заросли.

Последний прижался к земле, как ящерица, зашипел и, со змеиной ловкостью исчез в лесу.

Секунду я вслушивался в шорохи, следил, как они разбегаются в стороны, как тараканы. На удалении ста метров я их потерял. Все стало как прежде: капель, крики птиц, шелест листвы и вечный полумрак.

— Питер, Элиас, Антуан, — вы целы? Ни в кого не попало?

Мальчики нестройно кивнули. Антуан поднялся, опирался на дерево. Его пошатывало.

— Антуан, бежать можешь?

— Я…да, могу. Наверное.

— Тогда — вперед. Не останавливайтесь. Они рядом. Вперед!

Мальчики бежали через лес, я следовал за ними, следя за периметром. Белки скакали по веткам, две небольших макаки замерли в двадцати метрах от тропы, вверху трепетали листья, и мелькали редкие птицы. Я машинально отмечал: попугаи-жако, дятлы, вот голубь пролетел, а вот нектарница перепорхнула. «Диких» не было видно. Но я знал, что они здесь — какие-то смутные тени мерцали на границе обозримой зоны. Как они нас прослеживают на таком расстоянии — слышат? Но тогда чувствительность их слуха сравнима со звериной. Или по запаху. Неужели еще одна цепь положительных мутаций?

В любом случае, деваться некуда — слева река, они отжимают нас от леса.

Внимание. Критический уровень заряда батарей. Необходима срочная подзарядка.

Знаю, знаю. Из-за низкого уровня энергии я не могу задействовать боевой режим. Изначально предполагалось, что юнит раз в неделю будет приходить на станцию для подзарядки, а все остальные способы получения энергии были вторичными. Но теперь стали основными. Мне нужно солнце!

Но над головой фиолетовой чернотой наливались тучи, фронт подходил все ближе. По верхушкам деревьев уже заходил ветер, трепал ветви, выворачивал темную зелень мелкой листвы.

Мы бежали сквозь колонны сумрачного леса, пятная следами полог мхов и лишайников. Мчались вперед, без остановки, но хоровод теней на границе зрения нас не оставлял. Антуан тяжело дышал, рубашка на его спине взмокла, он начал отставать. Питер держался лучше, но тоже уставал. Элиас вырвался вперед. Он бежал легко: цепко ставил ногу, перемахивал через змеящиеся толстые корни. В прошлом из него мог бы выйти хороший спортсмен.

Зарегистрированы высокочастотные колебания.

Дистанция — сто пятьдесят метров.

— Замрите!

Мальчики встали. Я резко затормозил. Зыбкие силуэты множились впереди и справа. Противник увеличил численность. Они перекрыли тропу!

Мы не прорвемся. От всех дротиков я не успею их заслонить.

Инфразвуковой диапазон дрожал от множества колебаний. Это язык! Они переговариваются на низких частотах, вот почему я не услышал их тогда — не включил этот диапазон.

Надо что-то придумать.

Фигуры приблизились.

Сто метров.

Картинка путалась, но я насчитал, по меньшей мере, пятнадцать «диких».

Мне они ничего не сделают, но как быть с детьми. Прорваться, раскидать? Далеко не уйдем, я не смогу нести всех — слишком мало энергии. А эти «дикие» — настырные ребята, так просто не отстанут. Драться я тоже не могу — мальчики обязательно пострадают.

Что же делать?

Восемьдесят метров.

Мальчики крутили головами, никого не замечая. В лесу тишина стояла, нарушаемая лишь их дыханием, вдалеке громыхал гром. Джу замер.

— Где они? — Элиас облизал пересохшие губы, огляделся.

— Близко, — уронил Джу. — Совсем рядом. Впереди пятеро, еще десять идут справа, из леса прямо на нас.

Питер тоже чувствовал их. То самое чувство, которое он испытал на берегу реки. «Дикие», вот кто это был. С такими он еще не сталкивался. Мальчик крепче сжал мачете — живым даваться нельзя. Что «дикие» делали с пленными, страшно было даже вспоминать. Питер вспомнил яму в одной из деревень, которую сожгла карательная экспедиция Эдеме. Она была полна обглоданных костей и черепов. Нет, лучше смерть. Но почему Джу их всех не убьет? Неужели «любовь» может быть и к этим чудовищам?

Антуан побледнел и оперся на дерево.

— Что с тобой? — Питер шагнул к нему.

— Чего-то плохо мне. Устал. — Антуан утер лоб.

— Надо постараться. «Дикие» совсем близко, ты же не хочешь

попасть к ним? — горячо зашептал Питер.

Антуана передернуло, он выпрямился и неловко вынул мачете из-за пояса.

Шестьдесят метров. Внимание, критический уровень заряда батарей. Срочно подзарядите аккумуляторы

«Дикие» пригнувшись, плавно скользили по лесу и сжимали кольцо. Антуан был совсем плох. Бедный мальчик, ему тяжело пришлось вчера. Что же делать, они вот-вот нападут, а отступать некуда — позади река. Река?!

Только бы хватило энергии. Только бы…

— Все ко мне!

Мальчик стремительно подбежали.

— Они уже близко. Я не могу сражаться — их слишком много, и у них отравленные стрелы. Если кого-то из вас заденет, то я не смогу его спасти. Ясно?

— Ты нас не бросишь? — выдохнул Питер.

— Нет. У нас есть только один выход…быстро, к реке!

Пройдя отметку в пятьдесят метров, «дикие» разом рванулись вперед. Они будут здесь секунд черед двадцать.

Я сшиб дерево в накатывающуюся волну зыбких силуэтов и рванулся вслед за мальчиками.

Внимание. Опасность. Внимание. Опасность. Аварийная разрядка батарей. Активность юнита будет приостановлена. Идет отправка аварийного отчета.

Нет, только не это!

Я прыжками мчался по лесу, нагонял ребят — они опрометью неслись к речному обрыву, где глухо ревела вода. Стремительный серый силуэт вылетел справа, почти схватил цепкой рукой Антуана за ногу, но я всем весом приземлился на тощую спину, бугрящуюся острыми позвонками. Хруст костей — уже позади, «дикий» зацарапал землю длинными пальцами. А сзади набегал слитный шорох множества ног.

Внимание. Возможно, активность юнита привела к гибели человека…

Замолкни! Вперед, только вперед. Я прыжком нагнал Антуана, перекинул его через плечо. Он завопил, брыкаясь — наверное, не понял, кто это. На следующем прыжке я подцепил Питера, закинул на второе плечо и кулаком сшиб свесившуюся с ветки фигуру в лохмотьях.

Опасность. Критическое падение мощности.

Отключение юнита через тридцать секунд, двадцать девять, двадцать восемь…

Господи, лишь бы успеть! В третьем прыжке я выхватил Элиаса, и вылетел на речной обрыв. Под чернеющим небом где-то внизу глухо грохота вода, клубы водяной взвеси плыли в туманной бездне. До другого берега — тридцать метров.

Двадцать пять, двадцать четыре… Мощность ножного привода 300 % от нормы. Юнит будет обесточен через десять секунд.

Сквозь шум реки я услышал тонкий свист множества дротиков, они забарабанили по ногам. Я вжался в землю и прыгнул.

Восемь, семь…

Мы летели над речной бездной, дождь дротиков дырявил воздух, мальчики вцепились в шерсть.

Четыре, три…

Удар! Я покачнулся, но устоял. Мальчики кубарем слетели на землю — не до нежностей, я рывком развернулся, закрыл их телом. И застыл с воздетыми к небу руками, оглушая инфразвуковым ревом усыпавших противоположный берег «диких».

Две, одна секунда. Питание отключено.

Я успел.

Глава двадцать первая

— Что это? — «Крадущий птиц» отполз от края обрыва, сел на корточки. — Оно неживое — нет огня крови.

— Огня нет, — согласился вождь, «Видящий все тропы», — Но оно движется.

— Еще как, — «Крадущий» передернул узкими плечами. — «Скользящему по лианам», брату моей сестры, оно сломало хребет. Оно похоже на лесных людей.

— Лесные люди мирные, — рядом присел «Говорящий с друзьями», почесал бок. — Они живут в горах. И еще — они гораздо меньше. Думаю, это оно обидело Шипастого. Вчера вечером я еле успокоил его. Большая рана на шее. Не копье, не громкое оружие. Рука. Старики говорят — в горах живет черный дух. Сильное колдовство. Очень сильная дава. Может, это он?

— Тогда нам нужен «Слышащий духов», — «Крадущий» проверил пальцем зазубренный наконечник копья, — Так не справиться.

— Нам нужны люди Старика, — отрубил вождь. — Достаньте их.

— Они же на том берегу, — «Крадущий» в волнении взмахнул руками. — И там этот Неживой.

— Он не двигается уже давно. Может, он умер от нашего яда? — «Говорящий» задумчиво покачался на пятках. — От него пахнет старым железом.

— А если не умер? — не унимался «Крадущий». — Может, он нас заманивает?

— Вот ты и узнаешь, — закончил «Видящий».

Мальчики лежали на краю обрыва, изучая другой берег. Своим последним криком Джу отогнал «диких» — их как ветром сдуло. Но спустя час они вернулись — Питер заметил скользнувшую тень. Джу так и стоял с поднятыми руками, сжав кулаки. Они пытались добиться от него ответа, но безуспешно — огромная горилла будто окаменела.

Антуан отошел от обрыва подальше и привалился к корням дерева, часто дыша. Питер с Элиасом его не трогали, решали, что делать дальше.

— Надо уходить в лагерь, — предложил Элиас.

— Как мы переберемся на тот берег? — возразил Питер. — Ближайший брод ниже по течению, там носорог. Да и «дикие» — ты же видишь, они не ушли.

— Все равно, надо предупредить Андраю и остальных.

— Он не дурак. Наверняка, охранение выставил.

— Да, но с такими мы еще не сталкивались, — настаивал Элиас. — К тому же у нас всего три автомата. Надо идти вверх по течению, вдруг там можно перебраться. В крайнем случае, возле водопада.

— Это же сутки пути, — присвистнул Питер.

— А что ты предлагаешь?

— Ждать, пока проснется Джу.

— А может, он вообще умер? — яростно возразил Элиас. — Откуда ты знаешь, как умирают такие как он?

— Нет, — Питер помотал головой. — Он не мог так просто умереть. Он же победил носорога. А тут какие-то «дикие».

— Сам же слышал — у них яд. Может, он отравился. На нем этих дротиков, как мух.

— Не может быть… — запальчиво начал Питер, но в этот момент Антуан вдруг закричал, выгнулся дугой, уперся головой в ствол, а пятками в землю.

— Что случилось?! — ребята рванулись к нему.

Антуана крутила судорога, руки его тряслись, он что-то бессвязно кричал.

— Тихо ты! — Элиас зажал ему рот. — Пискля, ты чего?

Антуана колотила крупная дрожь, он перестал кричать и захрипел.

— Питер, смотри! — Элиас указал левую руку Антуана. Чуть выше запястья краснела небольшая ранка, как от укуса какого-то насекомого.

— Паук? Змея? — Питер выхватил мачете, отступил на шаг.

— Нет, — Элиас присел на корточки и поднял тонкий дротик — иглу, опушенную красными перьями. — «Дикие».

Питер в растерянности опустил руки.

— Что же теперь делать?

Вечер был холодным — в горах погода переменчива. Быстро темнело — тучи над лесом сгустились, резкий ветер гнал клубы тумана, они оседали крупными каплями на листьях. Мальчики не ушли далеко от обрыва, забились между широких корней-подпорок большого дерева. С трудом уложили рядом и Антуана — поначалу его трясло, но вскоре он затих, лежал, мертвенно-бледный.

— Он жив? — почему-то шепотом спросил Элиас.

— Не знаю, — так же шепотом ответил Питер, склонился над Писклей, потом резко выпрямился. — Он не дышит!

Мальчики смотрели друг на друга, их колотило от холода. Долгий протяжный гром прокатился, казалось, от края до края леса. В кипящем вареве черных туч посверкивали молнии. Ветер не шумел, а уже гнул верхушки деревьев, срывал ветки, сметал

вихри листьев вверх — под бурлящие облака.

И хлынул дождь — мгновенно, стеной упал на лес, ударил тысячью нитей-рук в узкий проем обрыва, и река глухо взревела в ответ. Мальчики моментально вымокли до нитки. Они прижимались друг другу, вжимались в дерево, но потоки холодной воды струились по стволу, заливали за шиворот.

Их трясло — от холода и страха. Молнии сверкали все чаще, раскаты грома сливались в бесконечный грохот.

— Элиас, гляди! — Питер указал на другой берег.

Элиас напряг зрение и в полумраке увидел бешеное мельтешение серых фигур.

— Это «дикие»! Они что-то задумали!

Быстрые змеящиеся тени перехлестнулись через реку, вцепились в темноту леса.

— Веревки! Они хотят перебраться! — Питер вскочил, ливень хлестал его по лицу. — Быстрее, надо пройти вдоль берега, обрубить их!

— Бежим! — закричал Элиас.

— А Антуан? А Джу? — Питер в бешенстве обернулся. — Бросить их?

— Мы им ничем не поможем! — Элиас тоже вскочил, они стояли напротив друга, обнажив мачете. — Антуан мертв. Джу — тоже. Бежим!

Питер замотал головой.

— Нет, «дикие» догонят. Надо драться! Хватит бегать. Ну?!

Секунду мальчики мерялись взглядами, отсветы молний бились в их зрачках, вода ручьями текла по лицу.

Потом Элиас оскалился, и, взмахнув мачете, рванулся к берегу.

Они неслись сквозь заросли, Питер руками раздирал сплетения ветвей, проламывал проход через густой древесный хаос.

— Есть одна! — Элиас с размаху ударил по дрожащей, тугой натянутой веревке, уходящей в сумрак.

Она со звоном лопнула. Питер высунулся из зарослей, и при вспышке молнии увидел, как серая фигура, кувыркаясь, рухнула в ревущую, раздувшуюся от дождя реку.

Листва вздрогнула, мальчики рухнули на землю, спасаясь от града дротиков.

— Вперед! — сквозь зубы вытолкнул Питер.

Они поднялись и рванулись вдоль берега. Ядовитые дротики прошивали чащу, мальчик пригибались, прятались за стволы, рубили веревки, во множестве впившиеся в стволы и ветки.

«Дикие», как переспелые бананы, сыпались в реку — сколько

их было — пять, десять? Питер ничего не видел, влажная тьма ветвей хлестала его по лицу, от вспышек в глазах плавали белые пятна.

— Все! — Питер рухнул на землю возле их стоянки. — Вроде все.

— Да, похоже, — согласился Элиас. Он подставил лицо дождю, открыл рот, ловил капли. — Здорово мы их, а?

— Да уж, — Питер устало перевернулся на живот, глянул на тот берег. Там было тихо, ливень хлестал по кустам, бил наотмашь по зарослям огромной пылающей серебряной ладонью.

— Не на тех напали, — пробормотал он. — Не на …

— Пит…! — задавленно вскрикнул Элиас. Мальчик обернулся и увидел, как серая тень держит Элиаса за горло, поднимает все выше по стволу. Мальчик с хрипом замахнулся мачете, но «дикий» вышиб его резким ударом.

Питер вскочил, с размаху рубанул «дикого», целясь по бедру, но тот неуловимым движением отступил в сторону, продолжая удерживать Элиаса. Питера занесло, и сильный удар в бок отшвырнул его к краю обрыва.

— Сволочь! — заорал Питер, вставая. Элиас закатил глаза и обмяк.

«Дикий» отшвырнул его тело, шагнул к Питеру, распахнул рот, и оттуда донеслось глухое яростное шипение.

— Умри, гадина! — Питер кинулся вперед, метя в тощий бок, облепленный тряпками. «Дикий» легко перехватил руку, вышиб мачете, и отбросил мальчика назад.

Питер упал на спину, и пополз назад. Молния озарила лицо «дикого» и мальчик увидел, как между… нет, не зубов, а клыков, трепетал узкий язык. Рука Питера не нашла опоры, провалилась в пустоту. За спиной ревела речная пропасть.

«Все — понял мальчик, — Как же так. Так не может быть. Джу, как же так!»

«Дикий» шагнул вперед, но вдруг остановился, зашипел еще неистовей, пригнулся к земле.

Мальчик скосил глаза, и увидел, как над застывшей фигурой Лесного Ужаса поднимается слабое сияние. От его ладоней в черное небо, в круговерть молний восходил слабый столб светящегося воздуха.

«Дикий» шипел, изгибался как змея, и медленно подбирался к Питеру по широкой дуге, обходя неподвижную фигуру Джу.

Мальчик поднялся, он нащупывал корягу, ветку, хоть что-то, только бы Джу успел очнуться, только бы он…

Гром оглушил Питера, и в черную скалу, замершую на краю обрыва, из бурлящей тьмы туч ударила ветвистая пылающая

плеть. Воздух вокруг Джу заискрился, шерсть его встала дыбом, засияла голубоватым светом — каждая мельчайшая волосинка.

Гром грянул еще раз, над самым ухом Питера, и на сияющую фигуру Лесного Ужаса сошла еще одна молния. Многосоставная, как пылающая река она лилась и лилась вниз по столбу светящегося воздуха.

По груди Джу гуляли голубые прозрачные волны и впитывались в шерсть, воздух звенел, в нем проскакивали белые искры, которые прыгали по листьям, змеились по камням.

«Дикий» вжался в землю, распластался по ней, зашипел и бросился на Питера. Мальчик зажмурился, закрыл лицо руками, но в прыжке «дикого» сшибла белая искрящаяся плеть и ударила о дерево.

Тот скорчился на секунду, но потом встряхнулся, вскочил на ноги.

— Пошел вон! — рассыпая искры, возле Питера стоял Джу.

Он поднял пылающий голубым светом кулак и издал низкий рык. Такой, что у мальчика заныли все зубы и кости. — Они под моей защитой!

«Дикий» зашипел, отступая. Он пятился, не отрывая взгляда от гигантской фигуры.

Джу издал еще один рык, от которого Питер вжался в землю. А когда открыл глаза, «дикий» исчез.

— Питер, с тобой все в порядке? — Джу приобретал нормальный облик, огоньки все реже мелькали в его шерсти, таяли на глазах.

— А…да, — мальчик сел. — Джу, что… что случилось? Элиас!

Он кинулся к Элиасу. Тот сидел, раскидав ноги, ожесточенно тер горло.

— Ты жив?

— Да, — еле слышно просипел Элиас. Питер без сил сел рядом.

— Джу, как же ты нас оставил? — спросил он и потерял сознание.

Глава двадцать вторая

Мальчики уже пятый час шли по лесу. Утром Джу поднял их очень рано, едва рассвело, и они переправились на тот берег — так, же, как вчера, одним прыжком. Вчерашняя сумасшедшая битва всплывала в памяти Питера обрывками, и он вообще не запомнил, как они перелетели через реку. А теперь с восторгом и замиранием сердца увидел, как их вознесло в воздух, как качнулись, приблизились верхушки деревьев, а внизу промелькнула вздувшаяся от дождя грохочущая грязная лента реки. Она билась в скалы, вгрызалась в камень, несла обломки стволов, ветки и лесной мусор.

Питер увидел все это разом — мгновенным оттиском на сетчатке глаз.

На том берегу, Джу опустил мальчиков на землю, а Антуана понес на руках. Он сказал, что Антуан не умер, а глубоко спит — это был не смертельный яд.

— Вы нужны были им живыми, — сказал Джу, и Питера передернуло.

Мне чудовищно повезло. У юнита была резервная маломощная батарея, питающая радиомаяк и электронный мозг. При отключении основного питания она автоматически включалась. Но ее энергии не хватило бы и на десять шагов. Когда началась гроза, я ничего не мог сделать — только стоял, и смотрел, как «дикие» переправляются. Мальчики молодцы — они справились почти со всеми. По меньшей мере, десятерых они скинули в реку. Если бы только один не успел переправиться. Где они взяли веревки? Несли с собой? Или вернулись в свою деревню или где они там живут? После вчерашнего я не был уверен, что это люди. Судя по всему, степень их мутации зашла уже очень далеко — одна способность слышать и издавать инфразвуковые колебания чего стоит.

Если они принесли веревки из деревни, она не должна быть слишком далеко. Значит, Андрая и остальные в большой опасности — надо торопиться.

Антуана я нес на руках, ребята шли следом. Теперь я был впереди, двигался в боевом режиме, вслушивался во все звуки и шорохи леса. Пока чисто.

Энергии хватало с избытком. Когда я заметил, что один из «диких» верткой тенью проскользнул по веревке на наш берег, то понял, что надо что-то предпринять. Мальчики с ним не справятся — слишком быстрый, слишком сильный противник.

Огромное количество энергии сгорало в воздухе, а я стоял и

ничего не мог сделать. Густой запах озона волнами накатывал после каждого грозового разряда.

Я мог только стоять, и ждать, пока на моих глазах убьют мальчишек. Или же… это было слишком рискованно, но другого пути не оставалось. Единственный способ быстро зарядить батареи — спровоцировать попадание молнии. В Центральной Африке грозы происходят чрезвычайно часто, но я никогда не использовал их энергию для подзарядки. Ток грозового разряда достигает сотен килоампер, это было слишком опасно.

В случае неудачи было два варианта. Либо резервная батарея будет полностью разряжена и мозг обесточен — что это означает для меня, неизвестно. Программный комплекс юнита сохраниться и при отключении питания, но вот я? Вполне вероятно, что при повторном включении моя личность будет полностью стерта. Я окончательно умру.

Второй вариант был не лучше первого — мощность электрического разряда будет настолько велика, что нановолокна не справятся с его преобразованием. Тогда я сгорю, как лампочка. И тоже умру.

Но выбора не было — я не мог допустить смерти детей.

Все варианты были просчитаны за миллисекунду. Я взломал программную защиту резервной батареи и отдал приказ. Пальцы вздрогнули, разогнулись. Все. После следующего действия обратного пути не будет.

> *Модификация ладоней. Максимальная мощность лазерного излучения. Внимание, полная разрядка батареи через 2 минуты. Юнит будет полностью обесточен. Аварийная ситуация, аварийная ситуация…*

Чтобы молния попала в меня, нужно было создать проводящий канал от земли к облакам. Молния — это огромная искра, проскакивающая между небом и землей. Она возникает из-за разности электрического потенциала облаков и земли. Разряд происходит по проводящему каналу ионизированных частиц. Лазерное излучение — один из способов ионизации воздуха. Поток фотонов, сталкиваясь с атомами воздуха, вышибает из них электроны, образуя ионы.

По проводящему каналу ионизированного воздуха разряд должен был угодить прямо в меня. Я надеялся, что будет именно так.

Мне повезло. Не было никакой гарантии, что эта идея сработает, но она сработала! Энергии двух молний хватило на полную подзарядку батарей, оставшийся ток ушел в землю.

Но Антуан… Его зацепил один из дротиков. Вскользь, но

часть яда попала в кровь. Мальчики были уверены, что он умер. Но он дышал — очень слабое поверхностное дыхание, замедленное сердцебиение. Паралич. Видимо, «дикие» хотели взять их живыми — для чего? Запасали продукты — чтобы мясо не пропало?

На том берегу не было никаких следов схватки — они забрали тела. Мы шли уже пять часов. Надо было понять — что же делать дальше? С Антуаном на руках идти в Эдеме было нельзя. Неизвестно, когда он очнется, каково действие яда — нужно было разбивать долгосрочный лагерь.

— Привал, — мальчики устали, надо дать им отдохнуть.

Питер с Элиасом сели на землю, достали флаги, стали жадно пить.

— Много не пейте, тяжело будет идти. Прополощите рот.

Я опустил Антуана на землю, быстро осмотрел. Кажется, дыхание стало глубже. Будем надеяться, что он скоро очнется — ума не приложу, что с ним делать.

— Джу? — подошел Питер. — Что случилось вчера? Почему ты ничего не делал?

— Я очень устал, — проще всего было объяснить именно так. — Слишком много сил потратил.

— А что с Писклей?

— По-моему, его зовут Антуан. Разве нет?

— Ну да, — Питер немного смутился. — Но мы все называем его Писклей. Ноет много, и поесть любит.

— Он жив. Но что с ним, я не знаю. Он спит.

— А когда проснется?

— Не знаю, Питер. Может быть…

> *Шум движения в двухстах метрах на северо-запад. Предположительно — люди в количестве четырех человек.*

Джу замолчал, резко поднялся, замер. Ноздри его раздувались.

— Что такое? — Питер схватился за мачете. — «Дикие»?

— Где они? Впереди? — Элиас вытянул широкое лезвие из-за пояса, осторожно попятился.

— Да, но это… не похоже, чтобы это были «дикие» — Джу всматривался в непроницаемую зелень. — Отойдите назад, за меня. Они идут прямо по тропе, сюда.

Джу шагнул вперед, закрыл Антуана. Мальчики спрятались за его спину, настороженно озирались.

> *Сто метров. Десять человек.*

Стали слышен металлический звон — рубили заросли. Как мне не хватает автономного беспилотного юнита — птицы или насекомого. Я бы легко мог увидеть его глазами, кто это. Был проект такого вспомогательного робота, который мог бы расширить зону наблюдения для основного юнита. Ямагучи даже что-то разрабатывал. Но проект FOU отнял все время и средства.

Пятьдесят метров

Стали слышны обрывки разговоров, они шли достаточно беспечно, и громко болтали. Что-то звенело — жестяной звук. Консервы? Да, это Андрая. Не дождался и решил уходить в Эдеме.

Но на всякий случай… Я выдернул ближайшее деревце, стряхнул красные комья глинистой земли, чуть присел, перекрыл зону обстрела. Если это «дикие», я их встречу. Второй раз такой ошибки, как с Антуаном, я не допущу.

Раскидистая драцена, перекрывающая тропу, вздрогнула. Послышались ожесточенные удары и толстая ветка, трепеща широкими листами, рухнула на землю. На тропе появился Андрая, зеленый сок стекал по тусклому лезвию мачете.

Лесной Ужас стоял на тропе, сжимая в правой руке обломанный ствол пальмы. На мгновение Андрая оторопел.

— Капитан, чего там? — из-за его плеча высунулся Кунди, и ойкнул.

Ужас опустил дерево и как будто вздохнул.

— Вы зачем покинули лагерь? — спросил он.

— Мы… мы искали Питера, Антуана и Элиаса — быстро сказал Андрая. — Они вчера ушли из лагеря, мы забеспокоились.

«Знает ли он про ловушку?» — заметались мысли Андраи.

— Они со мной, — мягко сказал Джу.

— Андрая! — из-за спины гориллы выскочили Питер с Элиасом, кинулись к нему.

— Тут такое было…

— Мы пришли на место, а там…

— Здоровущий носорог…

— Как выпрыгнет…

— Весь в шипах…

— Еле от него смотались…

— А потом Антуан упал с обрыва…

— А Джу его подхватил…

— А потом прогнал носорога…

— Врезал ему по башке, аж кровища брызнула…

— А потом появились «дикие», представляешь. Злые, здоровые, таких мы еще не видели…

— Он знает про ловушку? — одними губами спросил Андрая,

жестко глядя на Питера.

— Нет… — покрутил головой Питер, и шепотом добавил. — Нет, мы не успели. Носорог помешал.

— Джу… ты сказал, его зовут Джу? — Андрая лихорадочно соображал, что же теперь делать.

— Да, Джу, он сам сказал, — взволнованно заговорил Элиас. — Он нас спас, два раза, от «диких». Одного прямо молнией-умбане прогнал. Представляешь?

Из спины Андраи вынырнули Моиз, Кунди, Симон, обступили Питера и Элиаса и восторженно охали, слушая их рассказ.

— «Дикие», — Андрая, слегка опешивший от обилия информации, вдруг сообразил. — Какое племя?

— Не знаем, — Питер с Элиасом переглянулись. — Таких еще не видели.

— А где Антуан?

— Он… — мальчики запнулись. — В него «дикие» дротиком попали.

— Он здесь, — Джу отступил в сторону.

Все замолкли, и нестройной толпой подошли к лежащему телу.

— Он умер? — выдохнул Симон, протолкавшийся вперед.

— Не дышит…

— Глаза закрыты…

— Точно умер, — заметил Кунди.

— Он жив, только спит. — Джу оглядел их. — Это не смертельный яд. Что вы теперь будете делать?

Мальчики молчали. Андрая почувствовал, что все взгляды обращены к нему.

— Я… — прокашлялся он. — Мы…

Он в отчаянии огляделся. Никаких идей у него в голове не было. Ловушка не готова, Антуан лежит парализованный, и сколько так будет лежать — неизвестно. И этот Джу, этот проклятый Лесной Ужас — чего он них хочет? Почему он их не убивает, зачем он спас Питера и Элиаса? Что ему от них надо?

— Он не может идти, — подтолкнул его мысль Джу.

— Да, не может идти, — облизал губы Андрая и громко сказал — Мы понесем его. Ясно?

Мальчики отозвались одобрительным гулом. Андрая воодушевленно продолжил.

— Надо срубить бамбук подлиннее. Кунди — займись. Симон, делай поперечные перекладины. Моиз — найди лианы, которыми можно связать носилки. Элиас и Питер — в охранении. Будьте внимательны — «дикие» рядом.

Мальчики торопливо разбежались, Андрая остался один на

тропе рядом с Лесным Ужасом.

— Все правильно, — сказал тот. — Но куда вы его понесете?

— Мы… — Андрая смешался, потом остро глянул на Джу. — В Эдеме. Ты же нас не убьешь? Не будешь останавливать?

— Нет, — Джу покачал головой и сел на землю.

— Я тоже хочу в Эдеме.

— Зачем? — в лоб спросил Андрая. «Если он захочет причинить зло пророку, мы все равно его убьем» — поклялся капитан.

— Хочу задать ему пару вопросов. Он вас всех обманул.

— Обманул? Как он может нас обмануть, он пророк Божий! — усмехнулся Андрая.

«Ты хитер, дьявол, но я тебе перехитрю».

— Я расскажу, но потом. Пусть лучше про это узнают все сразу. Но как ты хочешь вынести Антуана отсюда без моей помощи?

— Что ты имеешь в виду? — не понял Андрая.

— Как ты собираешься одолеть «диких» с тремя автоматами?

Андрая задумался.

— Спроси Питера и Элиаса. Они очень хитры и проворны. Вооружены духовым оружием с отравленными дротиками. Вас убьют так, что вы и не заметите. О других опасностях я и не говорю. Хотя бы шипастый носорог. Без меня живыми вы отсюда не выберетесь.

— И что же? — Андрая стиснул зубы. Проклятый демон был прав. Они погибнут без его помощи.

— Я помогу выбраться. А вы проведете меня в Эдеме. Идет?

Капитан размышлял.

«Не будет большого вреда, если я приму помощь дьявола, чтобы спасти члена отряда, — решил, наконец, он. — А до Эдеме путь неблизкий, что-нибудь придумаю. Главное, предупредить Омуранги, что Лесной Ужас приближается. А уж пророк что-нибудь придумает. Да эта горилла в пыль рассыплется при одном его взгляде. Да, так и надо сделать. А пока пусть нас охраняет — с ним действительно нечего здесь бояться».

— Идет, Замба Мангей, — ухмыльнулся он. — Мы проведем тебя в Эдеме.

— Меня зовут Джу, — горилла выпрямилась. — Когда сделаете носилки, надо срочно выступать. «Дикие» могут быть близко.

Отряд пробирался по джунглям. Мальчики несли носилки, сменяя друг друга. Андрая шел первым, вместе с Питером и Элиасом. Судя по всему, они что-то ему рассказывали. Что-то, что ему не слишком нравилось. Пару он оборачивался на ходу,

бросал быстрые взгляды на меня и качал головой.

Я бы мог без труда услышать их разговор, но зачем?

Из всего отряда мне доверяют только Питер, Элиас, и Симон. Антуан пока не в счет. Сержант мне не верит, Кунди ненавидит за смерть брата, Моиз…не знаю. Просто свыкся с моим присутствием. И то хорошо, что ребята уже не шарахаются при моем приближении. Возможно, повлиял рассказ Питера и Элиаса.

Но Андрая явно ждет своего часа. Обезвредить он меня не может, так что ждет удобного случая, чтобы послать гонца в Эдеме и предупредить Омуранги.

В любом случае, это произойдет не раньше, чем мы выберемся из леса.

Интересно, куда мы идем? На старых картах в этом районе не было никаких поселений. Бени остался далеко на юге, а мы движемся на запад, углубляясь в девственные леса бассейна Итури. Странный выбор места для города.

Наступал уже вечер, по лесу протянулись длинные косые лучи. Детям казалось, что лес умиротворенно молчит, но я слышал всю его потаенную жизнь: шуршание змей, расползающихся от вибрации шагов, звук воздуха, рассекаемого крыльями птиц в вышине, далекий драчливый цокот белок, не поделивших орех.

Но «диких» слышно не было. Они как будто растворились в сумраке дождевого леса. Ждали своего часа? Но я бы заметил наблюдателя, теперь весь диапазон был под контролем. Тишина, только жуки басовито жужжат, пробивая металлическим блеском тел влажный воздух. Жарко. После дождя лес стремительно избавлялся от влаги, весь день парило и мальчики взмокли. Пора было устраиваться на ночлег — скоро зайдет солнце.

Я нагнал Андраю.

— Пора разбивать лагерь.

Он остановился, поднял руку — отряд остановился.

— Нужно открытое место, — кивнул он. Ты можешь расчистить поляну?

Интересно, я похож на бульдозер?

— Давай лучше поищем место.

— Но ты же все можешь? — с издевкой спросил Андрая.

— Это непросто — ломать такие деревья. Много сил отнимает. Ты же не хочешь остаться без охраны на ночь? Мне тоже надо отдыхать.

— Ладно, — скривился Андрая и обернулся. — Отряд! Скоро привал. Выше голову!

По цепи пробежал оживленный ропот, мальчики повеселели, выпрямились.

— Элиас, дуй вперед, ищи подходящую поляну.

— Скоро мы выйдем к обрыву, помнишь, Элиас? Там, где носорог. Лучше остановиться на старой стоянке.

— Что за место? — нахмурился капитан.

— Хорошее. С двух сторон обрыв, без шума не подобраться.

— Ладно, — согласился Андрая. — Идем туда.

Он не верит мне и очень хочет быть главным. Это неплохо, у него получается. Только он слишком нервничает. Андрая, Андрая, я совсем не враг тебе. Но ты мне не веришь.

Глава двадцать третья

Костер трещал, выбрасывал искры, мальчики сидели кругом него. Антуан лежал поодаль на носилках, все такой же неподвижный. Но ему явно стало лучше: сердцебиение возвращалось к норме, дыхание стало ровным и глубоким, под закрытыми веками метались глаза — энцефалограмма показывала активность мозга. Ему снились сны. Это хороший признак, возможно, к завтрашнему утру он сможет подняться.

— …тогда Джу как даст ему с размаху, чуть пониже шеи. А она у него толстая, как то дерево. — Питер возбужденно размахивал пустой банкой консервов, изображал при ее помощи битву с носорогом.

Мальчик заворожено слушали, иногда украдкой бросали на меня взгляды и быстро отворачивались. Андрая задумчиво ковырял землю мачете. Потом поднялся, неторопливо отправился в лес. Проходя мимо Кунди, он слегка хлопнул его по плечу. Тот вздрогнул, потом стал слушать дальше. Но чуть позже, когда Андрая уже скрылся в темноте, Кунди встал, и небрежно почесываясь, тоже отправился — якобы в другую сторону.

Мальчики, кого вы хотите обмануть?

Я прислушался. В зарослях, в метрах в двадцати от костра они встретились, и отошли еще на двадцать метров.

Заговорщики. В лесу было спокойно, но это ничего не означало. «Дикие» могут появиться в любой момент, а ребят защищать куда легче, когда они все вместе, а не разбрелись по лесу. Вмешиваться я не стану — пусть все идет своим чередом.

Но вот послушать их разговор не мешает.

Андрая прильнул к толстому стволу пальмы, привлек Кунди.

— Мы не можем ему доверять! — зашептал он. — Надо придумать, как предупредить Омуранги.

— Ну… — Кунди почесал в затылке. — А почему? Он же спас и Питера и Элиаса. И Симон прав — он дал нам еду.

— Зачем? Он хочет от нас, чтобы мы привели его в Эдеме, к пророку!

— Но мы ничего не сможем с ним сделать, — заметил Кунди. — А он нас может защитить. И от «диких» и от носорога…

— Дался тебе носорог. Может, его нет вообще, — отмахнулся Андрая. — Может Питер с Элиасом все выдумали.

— И «диких» тоже? А Антуана? — хмыкнул Кунди.

— Слушай, он что-то делает с нами, — яростно зашептал Андрая, он чувствовал, что теряет власть над отрядом. — Он морочит нам голову. Ты уже не знаешь, чему верить. Он враг

Омуранги. Ты что — не веришь слову пророка?

— Нет, верю, — смутился Кунди. — Но пока Джу не сделал ничего плохого, наоборот — только защищал нас.

— Чтобы мы его отвели к Эдеме, — подхватил Андрая. — А потом всех нас переубивает.

— Он мог бы давно всех убить, — резонно заметил Кунди. — А одного оставить, чтобы путь указывал.

— Верно, — признал Андрая, — Но из-за него погиб твой брат. Ты забыл?

— Я ничего не забыл, — яростно прошептал Кунди. — Но Паскале убило осколками. Джонасу было на нас плевать. Он просто выстрелил туда, где был Джу.

— Капитан исполнял волю пророка, — жестко отрубил Андрая. — Решай — ты с мной или с ним? С пророком или с этой тварью?

— С тобой, — после долгой паузы ответил Кунди.

— Когда будем на подходе к Эдеме, рванешь к Восточной заставе, — приказал Андрая. — Понял?

Кунди кивнул.

— Мы постараемся его отвлечь, а ты будешь бежать. Не останавливаясь. Надо срочно сообщить пророку.

— Понял — вздохнул Кунди. — А ты сможешь его отвлечь?

— Постараюсь, — отрезал сержант. — Все, возвращаемся. Время вышло.

Прости, Кунди. Я ничего не могу поделать с твоей болью, пока ты сам с ней не справишься. Я не виноват в смерти твоего брата. Но простить ты меня все равно не можешь.

Буду ждать действий сержанта. Если пророк вышлет вооруженный эскорт для сопровождения в город — тем лучше. Я быстрее разгадаю эту загадку.

Зарегистрированы удаленные инфразвуковые колебания. Дистанция — триста метров.

«Дикие» пришли.

— Элиас!

— Что? — он обернулся не сразу, сейчас была его очередь рассказывать, и он страсть как хотел показать, как его «дикий» за горло схватил.

— «Дикие».

— Близко? — глаза его округлились, он схватился автомат.

— Приближаются.

Шум голосов стих, мальчики вскочили на ноги.

— Встаньте за костром. Возле Антуана.

Мальчики торопливо переместились, сбились в кучу. Кто-то

украдкой крестился, кто-то учащенно дышал, озирался.

— Если они начнут стрелять, сразу падайте на землю — ясно?

Мальчишки закивали. Симон встал за моей ногой и выглядывал, блестя глазами. Он прав, это, пожалуй, самое безопасное место.

«Дикие» переговаривались на характерной частоте. Это, несомненно, язык, но вот какой? Если они утратили способность издавать членораздельные звуки на обычной частоте человеческого голоса, остались ли у них слова? Может быть, это все тот же язык — один из языков племен, населявших этот регион? Тогда с ними можно договориться — я не хочу их убивать.

Я запустил эвристический анализ записей. Перевел их в частоту человеческого голоса и начал сопоставлять с языковой базой данных.

Сержант присел на корточки рядом со мной.

— Сколько их?

— Пока не знаю, несколько. Идут по нашим следам.

— Ясно, — Андрая прикусил губу. — Что делать будем?

— Ждать.

Они подошли на сто пятьдесят метров. Остановились. Потом… один, да, один двинулся вперед. Я уже легко вычленял шорох их особенной скользящей походки из общего шума леса. Я быстро учусь.

Восемьдесят, семьдесят, пятьдесят метров. Нервы у мальчиков стали сдавать, они возбужденно оглядывали лес. Кунди вздергивал автомат на каждый шорох, Питер молча ждал, опершись на колено, Андрая жевал соломинку. А вот остальным явно не хватало оружия. Учитесь выживать, учитесь слушать лес. Побеждает не тот, кто сражается, а кто не вступает в бой. Лучшая битва та, которой не было.

— Где они? — прошептал Симон, утыкаясь лицом в шерсть.

— Совсем близко.

Двадцать метров.

Он идет спокойно, не атакует. Остальные остались позади. Я прислушался — нет, больше никого не было. Он один. Парламентер…

Отряд разом, слитно выдохнул. На краю поляны, в зыбкой тьме, колеблемой языками пламени, возникла фигура в развевающихся лохмотьях.

— Здоровый, — Кунди оценивающе поглядел на него. — Такой тебя за глотку взял, Элиас?

— Не знаю, — отмахнулся тот, напряженно всматриваясь в противника.

Андрая положил палец на спусковой крючок и напрягся. Тише, мальчик. Сначала узнаем, что он хочет.

Дикий переступил с ноги на ногу, и громко зашипел. Потом закашлялся, и низким лязгающим голосом произнес на лингала:

— Отдайте.

Закончен эвристический анализ

Удивительно! Судя по результатам анализа, наш гость разговаривал на искаженном диалекте пигмеев бака. Но те не вырастают выше полутора метров. Определенно, мутация, да еще какая.

— Уходи, — сказал я на языке бака, переведя его в инфрадиапазон — хотя это весьма непросто. Не знаю, насколько я буду понятен.

«Дикий» сощурился.

— Неживой, не дух — почему говоришь? — беззвучно спросил «дикий».

— Уходите. Они мои. Не отдам.

— Они — плохие. Они люди Старика. Они убили наших детей и женщин. Отдай.

Значит, Омуранги для них — Старик? Интересно.

— Нет. Уходите.

— Они убили. Отдай нам одного. Он умрет все равно. Смерть за смерть.

Господи, и эти туда же. Сколько можно убивать…

— Они мои! — рявкнул я, мальчики согнулись, закрыли уши руками. Потерпите, маленькие.

— Неживой. Не должен жить. Мы все равно его заберем.

Так мгновенно, как появился, «дикий» исчез.

— Что это? — Андрая потряс головой, поднялся. — Он… он ушел?

— Да, уходит, — я следил за парламентером.

— Они вернутся? Вы говорили? Что он сказал?

— Он сказал, что солдаты пророка убили их детей и женщин, — я посмотрел на притихших ребят. — Поэтому они хотят убить вас. Отомстить. Хотят забрать Антуана.

— Они врут, — быстро сказал Андрая — Они — не люди, им нельзя верить.

— Разве солдаты Омуранги не убивают «диких»? Не забирают детей, не сжигают деревни?

— Да, но… они же язычники. Они порождения дьявола. Верно? — Андрая огляделся, он искал поддержки. Но все

молчали.

— Они больны. Так же, как и вы. Их тоже поразила Порча.

— Но… — Андрая смешался.

Да, сержант, тебе уже не хватает слов, и остается только вера, слепая вера в правоту Великого Омуранги.

— Ложитесь спать. Здесь, все вместе, возле костра. Сегодня они не нападут. Я посторожу.

Мальчики еще долго не могли уснуть, все шепотом переговаривались. Андрая сидел поодаль. Я не трогал его, пусть побудет сам с собой. Ему тяжелее, чем остальным — он возложил на себя ответственность. Он командир, он взрослый. Но если Андрая сможет мне довериться, то поведет за собой весь отряд.

Наконец, уснул и он. Я сидел у затухающего костра, не подбрасывая веток — одежду ребята уже просушили, а мне огонь только сбивает сенсоры. Дневная жизнь в лесу переменилась на ночную: запорхали чудесные ночные бабочки, тонко запели лягушки. На небе проступил яркий рисунок южных созвездий. Небо — единственное, что не изменилось во времени Катастрофы. Оно такое же, что и сто лет назад. Звезды, мы, слава Богу, не запакостили.

Что случилось с азиатской и европейской лунными базами? Ведь это свыше трехсот человек. Продуктов у них было на полгода вперед. Энергии — море, под ногами развернуты заводы по добыче гелия—три. С кислородом проблем нет — при добыче гелия выделяется масса побочных газов. При том объеме энергии, которым они располагали, любой газ можно легко синтезировать. Остается открытым вопрос с едой. Если им удалось развернуть большие гидропонные теплицы на базе экспериментальной лаборатории, то все хорошо. Тогда у них есть еда, вода, воздух и они еще живы. Гидропоникой занимался мой давний знакомый, Карпинский. Надеюсь, что он на Луне и выжил. Сейчас, правда, ему уже лет девяносто должно быть.

Как же им было страшно, когда они поняли, что случилось.

Однако продолжить человеческий род на Луне им вряд ли удастся. Из трех сотен людей там наберется едва ли тридцать женщин. Луна находится за пределами магнитного поля Земли, ее поверхность открыта для космических излучений и солнечного ветра. А когда галактические космические лучи бомбардируют частицы лунной поверхности, они провоцируют микроядерные реакции, которые приводят к выделению еще большей радиации в виде нейтронов.

Была серьезная опасность, что женщины не смогут иметь детей после пребывания на Луне. Может ли развиваться человеческий эмбрион в условиях лунной гравитации, не знает

никто.

Но я не думаю, что они вернулись на Землю. Скорее всего, доживают свой век на Луне.

А вот марсианская экспедиция, скорее всего, погибла. Без снабжения с Земли у десяти астронавтов первой экспериментальной лаборатории НАСА не было никаких шансов.

Яркая звезда перечертила небосвод. Очередной спутник или ступень ракеты сгорает в атмосфере. Они все чаще сходили с орбиты без корректировки. Наиболее современные еще болтались в космосе, тщетно ожидали команд с Земли, добросовестно вели наблюдения, но кому теперь нужны их данные?

Там, наверху, на разных орбитах, вертелась еще уйма военного железа, оснащенного реакторами. Спутники навигации, наблюдения, боевые спутники ПРО. Когда весь этот хлам начнет падать, он внесет свою лепту в радиоактивное заражение Земли. Впрочем, это уже не важно.

Тихий, едва слышный шорох раздался со стороны обрыва, за спиной. Я не пошевелился. Кто-то выпил слишком много воды и пошел в лес? Нет, все ребята спали: Андрая вытянулся возле костра, Симон свернулся калачиком рядом со мной, все остальные, как я и велел, сбились в кучу.

Шорох повторился. Никаких колебаний не было. Оставалось положиться на слух и данные эхолота.

Дрожащая картинка: светлые стволы деревьев, зыбь листвы, окаймляющий темный проем над обрывом. И в этом проеме — еле уловимое движение по краю. Извиваясь как змея, «дикий» буквально перетекал через край, стелился по земле к носилкам Антуана.

Я бесшумно перепрыгнул через Симона, и припечатал рукой «дикого» к земле. Тот распахнул рот, издавая беззвучный вой.

— Я сказал — они под моей защитой! — я вздернул его в воздух. — Скажи это остальным!

И швырнул его в темный проем, полный звезд. Рывком приблизился к обрыву. Так и есть — «дикие» как ящерицы уползали вниз, сливались с темнотой. Раз, два…пятеро. Я прислушался — нет, со стороны реки никто не поднимался. Там слишком круто даже для них. Выброшенный «дикий» извивался на камнях, удалялся по дальнему склону. Живой. Крепкие ребята — с пятнадцати метров упасть на землю. Но иначе действовать, не было времени.

Неужели я тоже понемногу становлюсь убийцей? И рано или поздно убью человека? Ведь они не отстанут, обязательно нападут еще. А что делать с Омуранги, когда мы придем в Эдеме?

— Что там? — Симон сонно приподнялся.

— Ничего, летучая мышь пролетела. Спи, — я вернулся на место и замер, охраняя неровный, чуткий сон детей.

Глава двадцать четвертая

Ветви разомкнулись, пропуская воина. «Видящий все тропы» сидел, неторопливо, тонкими полосками, срезал мясо с обрубка человеческой руки, и отправлял в рот. Веки его были прикрыты, казалось, он дремлет. Но на тихий шорох шагов вождь развернулся, распахнул большие черные глаза.

— Что?

— Он ждал нас, — «Крадущий птиц» упал на колено, оперся на копье. — Чуть не убил «Сторожащего сон».

— Но не убил, — пожевал вождь задумчиво.

— Он выбросил его с обрыва. «Сторожащий» руку сломал.

— Ничего, зарастет, — усмехнулся «Видящий», отрезал еще полоску.

— Вождь, — «Крадущий» облизнулся, ему хотелось сладкого мяса. — Его нельзя убить. Очень большой, очень быстрый. Это сильная дава.

— Значит, нам нужен шаман сильнее, — вождь потянулся, убрал мясо в наплечный мешок. — Позови «Говорящего с друзьями». Скажи, что нам нужны «малые». Много.

— Но что они смогут сделать с Неживым?

— С ним — ничего. А вот с его спутниками…

— Но гнезда «малых» далеко. Успеем ли? — возразил «Крадущий» и склонился ниже, увидев, как гримаса раздражения передернула лицо «Видящего». — Я скажу. Но…

— Что еще?

— Вождь, позволь мне… кусочек, — «Крадущий» заискивающе изогнулся. — Я так давно не ел мяса черных людей.

— Поймаешь этих солдат, будет тебе мясо, — взмахнул ножом «Видящий». — Иди, ты мне надоел.

Никто из мальчиков не заметил ночного происшествия. Просыпались они быстро, и все разом — как по команде. Потягивались, умывались, гремели банками. У них хороший аппетит — гора пустых банок росла на глазах. С таким аппетитом через два дня еда закончится.

— Андрая, сколько нам идти до Эдеме? — Я присел рядом с капитаном, тот увлеченно выковыривал пальцем из банки последние куски свинины.

— Три, нет, четыре дня — он быстро взглянул на меня. — Нас Антуан задерживает.

Я мог бы понести его, но не буду. Это их товарищ.

— Скажи ребятам, пусть экономят еду. Вряд ли мы сможем поохотиться.

Капитан кивнул.

— Кстати, Антуану легче. Яд выходит из крови.

— Хорошо, — Андрая с непроницаемым лицом поднялся.

Этим утром, еще до подъема остальных, Антуан, наконец, пошевелил руками и что-то сказал.

Я прислушался. Кажется, он просит пить.

Вода из фляги попала в дыхательное горло, он закашлялся, открыл глаза и обмер, уставился на меня.

— Все хорошо, — тихо сказал. — Ты в лагере.

— Дикие… — он попытался приподняться на локтях.

— Лежи, лежи, я их прогнал, — успокоил я мальчика.

— Что со мной? — язык не слушался его, он тянул и коверкал слова. Паралич еще не прошел окончательно. Сегодня он идти не сможет.

— «Дикие». Тебя задела их стрела. Это яд. Не волнуйся, лежи, — успокоил я, увидев, как заметались в ужасе его глаза. — Скоро яд выйдет из тела, и ты встанешь на ноги.

Антуан выпил еще воды и в изнеможении опустился на носилки.

— Симон — я потряс мальчика за плечо. Он мгновенно сел, смотрел на меня внимательными черными глазами. — Антуану лучше.

— Правда? — мальчик просиял.

— Да, побудь с ним. Может, он еще захочет пить.

— Хорошо, — Симон переместился к носилкам, перелезая через спящих товарищей.

Я встал на краю обрыва, впитывал солнечные лучи. День обещал быть ясным.

Отряд продвигался медленно. Антуана пришлось нести, он был слишком слаб, хотя уже разговаривал.

Я шел впереди колонны. Пока никаких признаков противника.

— Что за ерунда! — воскликнул сзади Андрая, которому уже полчаса что-то настойчиво втолковывал Питер. — Какой еще Спаситель, есть только один пророк — Омуранги!

Назревает разговор о божественных материях. Не хотелось бы говорить на ходу.

— Джу, — Питер нагнал меня, глянул умоляюще. — Расскажи ему, он мне не верит.

Но, похоже, придется.

— Ты мне не веришь, капитан, — я поравнялся с Андраей.

Тот косо глянул на меня, ушел вперед, ожесточенно рубя ветки. Он явно не расположен к диалогу. Ладно, не стоит неволить.

— Как мы можем тебе верить. Ты — чудовище! — сказал он, наконец, со звенящей яростью. — Ты Лесной Ужас. Доверившийся дьяволу шагает в ад.

— А прежде, куда вы шагали? Пока верили Омуранги?

— В царствие Небесное! — Андрая на миг обернулся, взмахнул мачете.

— И ради этого вы убивали «диких» и они вас убивали?

— Они язычники, порождения дьявола. Так как и ты. Ты знаешь их язык!

— Но я вас им не отдал.

— Значит, задумал, что-то еще хуже.

Железная логика у него, ничего не скажешь. Омуранги прав и точка. Он отлично их выдрессировал. Как же мне переубедить сержанта?

— Джу… — рядом стоял Симон, — Джу, погляди, что—то с Антуаном неладное.

Мальчика била дрожь, он метался на носилках и что-то бормотал с закрытыми глазами. Неужели рецидив?

— Тише, тише, — я положил ладонь ему на лоб.

Антуан распахнул глаза и четко произнес:

— Они идут.

Кто они? Что за непонятные пророчества?

Пронзительный крик донесся от головы колонны, я рванулся туда.

Кричал Кунди, он плясал, смешно вздергивая ноги, а Андрая остервенело рубил траву.

— Змея! — дрожащий палец Кунди указывал куда-то вниз, я присмотрелся и увидел разрубленный черно-белый зигзаг габонской гадюки. Длины в ней было больше полутора метров. Странно, Кунди так кричал, будто змей раньше не видел.

— Она выпрыгнула на меня. Прямо из кустов, — Кунди взахлеб рассказывал набежавшим мальчикам.

— Здоровущая.

— Ядовитая, небось.

— Это кассава, она ужас какая ядовитая. Повезло Кунди.

Странно, габонские гадюки очень флегматичные существа, что заставило ее напасть на Кунди?

— Смотрите, — шепотом сказал Симон.

Мальчики попятились.

Впереди, в метрах трех дальше по тропе, с шипением разворачивался черно-бело-розовый клубок. Пять гадюк. Откуда они здесь?

Сверкая ромбическим рисунком спин, змеи медленно потекли навстречу отряду. Взрослые габонские гадюки, в таком

количестве и не боятся людей?!

Я прислушался. Лес полнился характерными шорохами — змеи были повсюду, окружали тропу, стягивались в один шуршащий узел, в центре которого был отряд, испуганно жавшийся спина к спине. Сколько же здесь змей?

Мальчики закричали. Со всех сторон из леса текли и текли нескончаемые потоки змей: габонские гадюки, зеленые мамбы, древесные бумсланги, кобры — все до одной смертельно ядовитые. Воздух наполнился шипением. Это необъяснимо, но змеи целенаправленно ползут к людям, И никакого присутствия «диких», ни звука их языка, хотя…

На миллисекунду мне показалось, что в ста метрах от тропы мелькнула какая-то тень. Но сейчас не время искать этого одиночку. Чтобы я не сделал, кого-то из ребят обязательно укусят. И тогда я не смогу его спасти — у меня нет сыворотки. На деревьях прятаться бесполезно — змеи поднимаются по ним лучше человека.

Я подскочил к носилкам, пинком сбросил двух кобр.

Есть только один способ.

— Сюда! — уши у них наверняка заложило, зато услышали, кинулись толпой, сверкая мачете.

Я упал на четвереньки, закинул Антуана на спину.

— Живо, все — на спину!

Поднять вес семи мальчишек — дело нехитрое. Куда трудней не уронить их. Свободной рукой, пока ребята запрыгивали, я сорвал лианы с носилок, перекинул петлей через шею, а свободные концы закинул за спину. Получилось подобие уздечки.

— Держите Антуана, и держитесь сами крепче за лианы!

Последним запрыгнул Андрая, и едва уместился на спине, схватился за мою голову. Я сдвинул его руку, чтобы не закрывала обзор, дал по голове настырной гадюке и рванулся вперед. Главное, чтобы мальчиков не сшибло ветвями — вернуться уже не успею. Лес был полон змеями — все корни, вся ямы, вся опавшая листва шевелилась от их движения. Сенсоры с ума сходили, сбивались от чрезмерного количества объектов. Они кишели повсюду.

— Следите за ветвями!

Я отбил выпад упругой зеленой молнии — мамба метила в Андраю.

До реки оставалось всего метров сто. Только бы добежать. Почему мне не сиделось в лесу, с моими гориллами?

Гадюка-носорог вывернулась из-под лапы, метнулась в глаза. Прыжок.

Изучал бы язык рилл…

Габонская гадюка — толстая, взрослая, опытная, разинула пасть, вылетела пружиной навстречу. Удар.

Составлял бы гербарии новых видов цветов…

Змеи свивались в кольца, бросались на меня — впивались в лапы, кидались в глаза, но никто пока не доставал до ребят.

Река здесь разливалась шире, выходя из ущелья, которое проточила своим телом. Я выскочил на берег, и с разбегу, вздымая буруны, начал переправляться. Мальчики что-то закричали, — потом, потом… Глубина была мне по плечи, но течение достаточно сильное. Поток воды с ног не сбивал, но заставлял напрягаться. А вот змеям переплыть будет трудновато.

Я выбрался на другой берег, встряхнулся, огляделся. Пока чисто.

— Слезайте, их тут нет.

Мальчики послушались не сразу, они мертвой хваткой вцепились в спину.

— Все на месте? Андрая?

Капитан не ответил. Он, не отрываясь, глядел на тот берег. Земля там шевелилась, бурлила от множества гибких сверкающих тел, их вал подкатывался к самому краю воды.

А на берегу, среди сплетающегося змеиного клубка билось на земле мальчишеское тело.

Кто?!

Я прыжком перемахнул через реку, смел ударом змей, и выхватил мальчика из клубка. Моиз! Лицо, в испарине пота, все было изъязвлено глубокими укусами, рот распахнут в немом крике. Он задыхался.

Нейротоксичный яд мамбы и кобры парализует дыхательные мышцы, цитотоксичный яд бумсланга и гадюки разрушает клетки тела. Что толку от всей это информации, которую услужливо выдает энциклопедия, если Моиз вот-вот умрет?!

В ярости я растоптал кобру, обвившуюся вокруг ноги, и понес мальчика обратно.

Моиз хрипел, цепляясь руками в шерсть. Зрачки его расширились до пределов радужки, и в их черных колодцах качалось мое отражение. Последнее, что он видит. Прости меня, малыш, я не смог тебя спасти.

Когда я положил его на землю, мальчик уже не дышал.

— Он…он умер? — голос Андраи сорвался.

Мальчики медленно окружили Моиза.

— Да.

Симон сел возле него.

— Всего… везде…искусали.

— Как же…Джу, спаси его! — Питер смотрел на меня, словно

ожидал чуда, — Ты же можешь, Джу!

— Нет, малыш, не могу. Я не умею воскрешать людей. Прости.

Сейчас я бы отдал за сыворотку все.

Мальчики подавленно молчали, не сводили глаз с Моиза. Они видели, как умирают враги, как умирают боевые товарищи, но такая страшная смерть их потрясла.

— Надо похоронить его, — после долгого молчания сказал я. — Андрая?

— Да, — встряхнулся тот. — Надо вырыть могилу. Отряд.

Красно-бурая земля легко поддавалась мачете, мальчики рыли яму, я выбирал землю. Когда же он сорвался?

Я раз за разом прокручивал свои действия. Да, если бы я не ускорился при входе в реку, то Моиз бы не слетел. Общая масса груза изменилась, но я не успел отреагировать — торопился на другой берег. А стоило всего лишь обернуться. Я виноват.

Я бережно опустил Моиза в могилу. Лицо его распухло и почернело от яда. Я вытер запекшуюся кровь, закрыл глаза. Ему уже не было больно. Когда я найду того, кто это сделал, кто натравил змей…

— Он сидел рядом, и слетел, — Симон встал у края, — Я кричал, но ты не слышал.

— Я не успел. Он был твоим другом?

— Он… да. Другом.

Один за другим мальчики вставали возле могилы. Земля осыпалась, припорашивала темные руки, вытянутые вдоль тела.

— Он был хорошим бойцом, — сказал Андрая. — Надежным.

— А мне банку консервов отдал, — шмыгнул носом Элиас. — Почти полную.

— Со мной водой поделился.

— Шутил весело.

Мальчики вспоминали, но я видел, что на самом деле им нечего сказать. Они бок о бок прошли с Моизом сквозь этот лес, но так и не узнали его. И я уже не узнаю.

Я сдвинул землю, засыпая тело.

— Отряд! — зазвенел голос Андрая. Он выхватил мачете, и его примеру последовали остальные.

— Слава! — они салютовали клинками, и эхо их крика загуляло в изменчивой полутьме леса, — Мы отомстим! Отомстим! Отомстим!

— Кому вы будете мстить? — устало спросил Джу. — Змеям?

Он разровнял могильный холм, выпрямился. Оглядел притихших мальчишек.

— Отче наш, сущий на небесах! — громко он, и эхо его слов

заглушило отзвуки воинственного клича. — Да святится имя Твое, да придет Царство Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе. Хлеб наш насущный дай нам на сей день и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим. И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Омен.

— Вы — товарищи. — Джу развернулся к мальчикам, замершим при словах молитвы. — Вы — отряд. Помните друг о друге, защищайте и любите друг друга. Не Омуранги любите, его здесь нет. Все, что у вас есть — это ваши товарищи, ваш дом и семьи. Я не смог спасти Моиза, но спасу вас. Вы мне верите?

Мальчики долго молчали. Наконец, Питер устало выдохнул:

— Я верю.

— И я, — сказал Симон.

— И я верю, — кивнул Элиас.

— Я тоже, — опустил голову Кунди.

— Я верю.

— Я…

Так остался один Андрая. Он оглядел отряд, кусая губы, поколебался и криво усмехнулся:

— А что нам остается?

— Тогда командуй. Нам надо идти.

Пока мальчики собирались и проверяли рюкзаки, я сломил два бамбуковых ствола, скрепил их лианой. Поставил крест. Прости меня, Моиз.

— Ты и, правда, не мог его спасти? — Питер встал рядом, испытующе глядел.

— Мог, если бы услышал Симона. Но когда его укусили, уже не мог. Я не Бог, Питер. Я не умею исцелять и воскрешать.

— А тот, Спаситель, про которого ты говорил — он бы мог?

— Да, он бы мог. Но он сейчас на небе. Мы должны справляться сами.

— Это очень тяжело, — вздохнул Питер. — Почему он нас оставил?

— Он не оставил, малыш, — я дотронулся до его плеча. — Я же с вами.

— А больше никто не умрет?

Питер, Питер, зачем ты задаешь такие вопросы? Я уже умер, Господи, дай мне покой!

— Мы будем живы, Джу? — Питер заглядывал в глаза, не отпускал мои зрачки.

Но если не я, то кто же?

— Я сделаю все, чтобы больше никто не умер, слышишь, Питер? — я присел возле него. — Все. Веришь?

— Верю, — мальчик опустил голову, глаза его заблестели. —

Тебе верю.

Я понес Антуана, хотя он был уже бодр и порывался идти сам. После гибели Моиза у нас не оставалось времени — не знаю, почему, но я был в этом уверен. Те, кто натравил змей, были близко. Любой биолог сказал бы, что это невозможно. Нельзя заставить такое количество змей действовать организованно. Но ученый Джузеппе Ланче умер. А Лесной Ужас знал, что это спланированное нападение. Знак, прежде всего для него — ты не так уж и силен, как думаешь. Берегись.

Встаньте на моем пути, покажитесь — об одном только прошу. Дайте мне вас увидеть, убийц невинного ребенка.

Откуда ты знаешь, что он невинен? — вспыхнула вдруг какая-то чужая мысль. — Разве он не сжигал деревни диких? Разве он не был солдатом?

Был, но это всего лишь ребенок. А в первую очередь должен поплатиться тот, то их заставил, кто их обманул. Омуранги.

Но ты же сам сказал — они сами нажимали на курок? Сами выбрали — убивать?

Да. Никто не сказал им, что можно жить по-другому. Никто не сказал им, что в мире есть добро.

Какое добро — кибернетическая горилла четырех метров ростом? Смешно.

Да, смешно. Но что делать, если другого добра в мире не осталось.

Глава двадцать пятая

Мы двигались уже около трех часов. Мальчики шли молча, ожесточенно рубили заросли, и я чувствовал, как вокруг них разливается ненависть. Кажется, смерть Моиза сделала их настоящим отрядом. Но что мне делать с ними — заряженными на убийство?

— Андрая, — я опустил Антуана на землю и нагнал капитана.

— Что? — вскинул он голову.

— Ничего не хочешь сказать?

— Я… — он на мгновение смешался, — Нет, а что такое?

— Например, куда отправился Кунди?

— Кунди?! — он с изумлением огляделся. — Черт, вот стервец. Только что тут был. Может, в кусты отошел отлить?

Молодец. Пятерка тебе за артистизм, мальчик.

— Андрая, ты капитан и не знаешь, где твои люди?

— Почему не знаю? — обиделся он. — Был здесь.

— Тогда объясни, почему он бежит со всех ног впереди нас?

— Хм… — капитану нечем было крыть. Но он выкрутился.

— Ты его видишь?! — Андрая волновался очень убедительно. — На него кто-нибудь напал? Дикие?!

— Хватит, капитан. Ты его сам отправил.

— Я?! — оскорбился Андрая. Еще немного и он схватится за автомат. Быстро же мальчики ко мне привыкли — уже совсем не боятся. Может, стоило больше пугать?

— Как далеко застава? — я наклонился к нему, заглянул в пляшущие зрачки.

— Какая застава? — искренне недоумевал капитан.

Какой молодец.

— Которая горит. Вот уже час я слышу запах дыма. И это не дым от костра.

И тогда его прошибло.

— Как горит? — выдохнул капитан, разом потеряв наигранную веселость.

— Сильно. Так далеко?

— Час пути, — растерянно пробормотал Андрая. — Восточная застава Эдеме. Дальний рубеж.

Я прислушался. Все тихо, лишь впереди затухал удаляющийся топот Кунди.

— Вперед, бегом! От вашей заставы уже угольки остались!

Андрая скомандовал — «бегом марш» вдоль по цепи, и отряд рванулся с места. Антуана вновь пришлось подхватить на руки — через десять минут он споткнулся о корень и чуть шею не сломал.

Не человек, а сплошное недоразумение.

Через десять минут я нагнал Кунди. Тот замер, когда появился на тропе позади.

— Чего встал? Бегом марш! Застава горит!

— Как горит? — Кунди даже не успел придумать, как половчей соврать.

— Синим пламенем! Я знаю про ваш план, не время болтать, вперед!

До заставы я добрался первым. Лес здесь обрывался, и на краю широкой расчищенной поляны пылала трехметровая сторожевая вышка. Позади нее догорали плетеные из бамбука и колючки стены, кольцом опоясавшиеся пару домиков.

Антуан вскрикнул, указывая пальцем. Вижу, малыш, вижу.

С вышки свешивалась черное скрюченное тело, объятое пламенем. Я прыжками приблизился к заставе. Они все сделали правильно — расчистили поляну вокруг, чтобы незаметно нельзя было подобраться. На вышке был пулемет, его закоптелый ствол мелькал в языках огня. Но это им не помогло.

Я опустил Антуана на землю, огляделся.

Две небольших хижины уже догорали, сквозь густой черный дым проступали три неподвижных тела. Еще один на вышке. Я снес крышу ближайшей хижины, раскидал пылающие бамбуковые стволы, склонился над телами. Мертвы. У каждого перерезано горло, глубокие раны на груди — похоже, от копья.

— Антуан, посмотри в другой хижине — есть кто-нибудь? Антуан!

Мальчик встрепенулся, бегом кинулся к соседней хижине. Через полминуты вернулся.

— Там пусто, — он закашлялся от дыма.

На краю поляны появился отряд. Мальчики замерли, потом опрометью кинулись к заставе.

— Все мертвы? — Андрая добежал первым.

— Да. Сколько солдат было на заставе?

— Не знаю, — капитан ошарашено крутил головой. План его рухнул, и что делать дальше, Андрая не знал. — Человек пять, может четыре.

Все убиты. Надо действовать быстро, застава горит не больше часа, значит, нападавшие могут быть еще рядом.

— Кто это? «Дикие»? — я склонился, потряс Андраю за плечи.

— Я не знаю, — очнулся он. — Не знаю. «Дикие» никогда не нападали так.

Мальчишки разбрелись по пепелищу, потрясенно оглядывались.

— Значит, теперь напали. Собери отряд, найдите оружие.

Надеюсь, что противник ушел дальше. Но по пути к Эдеме мы можем с ними столкнуться. Неужели опять придется сражаться?

Андрая коротко кивнул и исчез в дыму. Когда кто-то командовал, ему было легче. Не так и просто быть капитаном.

Я поднялся, прошел по жарким углям дымящегося пепелища. Что же делать? Если «диких» не остановил пулемет, то с ребятами мы здесь не продержимся. И главное, рано или поздно я кого-то убью. Или это сделают дети, они слишком хорошо этому научены.

Я прошелся по заставе. Здесь были хорошо укрепленные стены, дикие подожгли их горящими стрелами? Стоп, а что это?

Горячая земля была глубоко продавлена, изборождена рытвинами, словно здесь прошел танк.

Неужели это… И я понял то, что мне не давало покоя в битве с носорогом. У основания его полуметрового рога тускло сверкало металлическое кольцо. Он был помечен, он был чьей-то собственностью!

— Джу, оружия нет, — запыхавшийся Андрая встал рядом. — Кроме…

Далекий, еле слышный рев донесся из леса. Андрая завертел головой. Тоже услышал.

Значит, дикие рядом. И они возвращаются.

— Собери отряд. Отсюда в Эдеме есть дорога?

— Нет… — капитан облизал губы.

— Андрая, нет времени меня обманывать. Есть дорога?

— Да! — он твердо взглянул, словно принял какое-то решение. — Лесная. Пешком по ней до города пять часов.

Есть шанс. Если взять всех ребят, я смогу обогнать диких.

— Что вы там нашли?

— Машину.

Шансы наши растут. Если она не сгорела.

— Показывай. И собери ради бога отряд!

Это оказался латаный-перелатанный старый армейский джип, оборудованный пулеметом. На похожих машинах мы рассекали по парку когда-то. На таком же я вез Лауру на полигон, показывать юнита. Как же давно это было. Не в этой жизни.

Машина, замаскированная ветками, стояла в отдалении у забора, и пламя не перекинулось на него. Это шанс.

Ключей, разумеется, не было. Пришлось ткнуть пальцем в замок зажигания, подать искру. Стартер взревел, и мотор, закашлявшись, глухо застучал. Работает!

— Кто умеет водить?

Мальчики переглядывались, переминались с ноги на ногу.

— Только капитаны умеют, — сказал Симон, — Их Омуранги учит.

Черт, только этого не хватало.

— Я видел, как Джонас управляет, — заметил Элиас. — Наверное, смогу.

— Быстро садись, — я подхватил мальчика, усадил его в кресло. — Это газ. Нажимаешь. Машина едет быстрее. Это тормоз, жмешь, чтобы остановиться или замедлить движение.

Ясно?

Элиас радостно кивнул.

— Попробуй. Сдвинь вот этот рычаг вперед. Нажми на газ. Не бойся, я рядом.

Мотор взревел, машина вздрогнула, и рывком прыгнула вперед.

Элиас отдернул руки от руля.

— Все хорошо, только меньше жми на газ. Ясно?

Он кивнул и вновь взялся за руль. Машина вздрогнула, медленно покатилась вперед и Элиас горделиво огляделся.

Мальчики восторженно закричали. Слава Богу, джип был с автоматической коробкой передач. Даже ребенок справиться.

Глухой рев долетел из леса.

— Все в машину!

Мальчишки набились в джип, повисли на стойках. Андрая залез в кузов, деловито открыл патронную крышку пулемета, заложил шелестящую ленту. Злая сила проступила в его движениях. Он взялся за ручки, и пристально взглянул на меня.

Ну, что ты будешь теперь делать, капитан? У тебя есть оружие и транспорт, теперь я тебе не нужен. Мальчики замерли, переводя взгляд с меня на капитана.

Рев повторился, выкатился на поляну из леса. Они совсем близко, уходи же. Ты все равно меня не убьешь, экономь патроны.

Андрая смотрел прямо в глаза. Потом оскалился и дернул стволом.

— До Эдеме — два часа езды. Надо торопиться, Джу. Эли, гони!

Мальчики ликующе закричали, вцепились в борта. Джип медленно стронулся с места.

Ты сделал выбор, капитан.

— Джу, сзади! — Симон указал пальцем в сторону леса. Андрая чуть присел, мгновенно перевел пулемет правее.

Я развернулся.

На самом краю леса виднелась тяжелая приземистая туша. Шипастый носорог. А рядом…

В зарослях проступали серые силуэты — «дикие». Все-таки они им управляют! Так вот как они проломили стены заставы. Немыслимо.

Все сказки, все самые невероятные гипотезы оживали на моих глазах. Должно быть, они натравили и змей.

Я почувствовал глухую ярость. Из-за них погиб Моиз. Из-за них чуть не погиб Антуан. И это тоже люди?

Да. Их тоже нельзя убивать.

«Диких» все прибывало, они постепенно окружали поляну. Уже больше пятидесяти человек. Плюс носорог. Это уже маленькая армия. Надо спасать детей.

— Андрая, уезжайте. Быстро.

— А ты?

— Я их задержу. Действуй.

Капитан кивнул, отсалютовал стволом пулемета.

— Элиас, вперед!

Мотор взревел и джип покатился вперед. Только бы они доехали, и эта развалина не сломалась по пути.

Я двинулся следом. Эхолокация показывала уже шестьдесят силуэтов, расползавшихся по лесу. Они потихоньку подбирались к джипу и, похоже, только мое присутствие их сдерживало.

Внимание, выход за границы парка Вирунги. Немедленно вернитесь.

Что-то поздновато программная защита спохватилась. По моим прикидкам, мы вышли за пределы парка еще часов шесть назад. Сбилась настройка? Раньше юнит сверял свое местоположение по GPS, но последний навигационный спутник сошел с орбиты лет тридцать назад.

Внимание. Выход за пределы парка Вирунги. Активность юнита будет приостановлена.

Как же не вовремя. Ну что ж, значит, так тому и быть. Я выпрямился, взглянул последний раз на мальчиков и развернулся. Лицом к лесу. Который я когда-то поклялся защищать.

Прыжком приземлился на пепелище, поднимая клубы пепла, и взревел.

— Убирайтесь!

Цепь «диких» покачнулась. Затем один из них выступил вперед.

— Неживой. Уходи. Они наши.

— Я вас не пропущу.

— Они убили. Они должны умереть. Все должны умереть. Старик должен умереть.

— Это дети. Они не виноваты.

— Они убивают нас. Забирают наших детей. Они — зло. Плохая жизнь. Не лес.

Шум мотора удалялся. Главное, чтобы ребята успели уйти. Надо задержать противника. Но если кто-то прорвется, я не смогу его нагнать. Я лихорадочно копался в программном коде, пытаясь взломать запрет на выход из Вирунги. Ямагучи же как-то это сделал, значит, могу и я! Мне нужно только время.

— Они дети! Я не отдам их.

— Ты сказал.

«Дикий» отступил обратно. Носорог взревел, и, набирая скорость, рванулся на поляну.

Инфразвуковые волны загуляли по лесу, но времени на расшифровку не было. Ясно, что началась атака. Часть «диких» сходилась к центру поляны, но небольшая группа рванулась в лес. Наперерез джипу.

Время переговоров кончилось.

Боевой режим.

Я подхватил толстый тлеющий ствол бамбука и с размаху ударил набегающего носорога по морде. Угли и искры запорошили ему глаза, он затормозил и замотал головой. Следующий удар опрокинул его набок, ствол разлетелся в щепки. Носорог ворочался в пыли и пепле. У меня есть около минуты.

Большая часть внимания сейчас уходила не бой, а на взлом защиты. Я менял ключи и пароли, искал обходные пути — все глухо! Из-за используемых вирусов активировалась антивирусная защита, ресурсов процессора начинало не хватать. Не хватало еще перегрева.

Я встал посреди сгоревшей хижины, и, подхватывая один ствол за другим, стал метать их в лес, в тех диких, что мчались наперерез джипу. Тени замирали, когда очередной ствол врезался в землю перед ними, потом снова кидались вперед. Я просчитывал траектории их движения, сначала швыряя стволы чуть впереди, но потом начал бить на поражение. Ловкие черти, они все время уворачивались. Тем временем носорог поднялся, и кинулся в атаку. Я подпрыгнул, заканчивая бомбардировку леса уже в воздухе — два бамбуковых ствола дымящимися ракетами ушли с двух рук в чащу, в густое роение теней, и приземлился на бугрящуюся наростами спину. Все, мальчики, дальше справляйтесь сами.

Модификация правой руки. Материал — углеродистая сталь.

Это был другой носорог, но я надеялся, что прежняя тактика сработает. Животное бешено завертелось под моим весом.

«Дикие» волной накатывались из леса, копья били в грудь, руки, одно угодило в переносицу. Если они попадут в глаза… Сенсоры выдержат, но на восстановление внешнего слоя уйдет время.

Усилие на правую руку 250 Килоньютонов

Удар сотряс тело носорога, пластины лопнули, и горячая кровь брызнула на остывающую землю. Он взревел, ноги его подогнулись, и тяжкая туша завалилась на бок, придавливая меня. Дьявол! Из леса донеслась короткая пулеметная очередь. Мальчики, прорывайтесь, не останавливайтесь!

Давление на правую ногу — три тонны

Я уперся руками, отпихивая тушу.

Небо перечертила шуршащая тень, и плетеная сеть накрыла нас. «Дикие» обступили со всех сторон, удары градом посыпались на голову. Они хорошо подготовились. Но этого слишком мало, чтобы справиться со мной.

Я подцепил дрожащую тушу носорога, и рывком отбросил ее в сторону. Встал, сгреб сеть с повисшими на ней людьми и отбросил в сторону.

— Убирайтесь! Вам не пройти!

Кольцо «диких» разомкнулось. Они отхлынули к краю поляны, замерли, прижавшись к земле, держали копья наготове.

— Ты очень сильный. Зачем ты их защищаешь?

Тот, кто разговаривал с нами ночью. Он требовал отдать Антуана. Это вождь?

— Меня зовут Джу. Как зовут тебя?

Он издал длинную беззвучную тираду, смысл которой я не понял. Приблизительно это можно было перевести, как «Тот, кто видит все пути леса и говорит на всех языках». Там была еще масса смысловых оттенков, с которыми мой лингвистический комплекс не справился.

Теперь, при свете дня я мог разглядеть их подробнее. Серо-черная кожа, огромные зрачки — похоже, они приспособились к ночной жизни и сейчас, при свете дня, чувствовали себя не очень уютно. Длинные руки и ноги. Быстрые, резкие движения. Мальчикам их не одолеть — слишком сильные и ловкие. Передние зубы выглядят как клыки. Узкий, почти змеиный язык. Это уже не люди. Но они выглядят взрослыми. На них не действует вирус?

— Кто вы?

— Мы — народ Леса. Мы подлинные люди. — «Тот, кто видит» обвел рукой вокруг. — Мы идем воевать. Нас много. Со

всеми тебе не справиться.

— Я могу одолеть всех.

— Они — зло! — вождь потряс копьем, и все войны беззвучно отозвались, воздев оружие в воздух. — Они должны умереть. Они нападают на нас и на другой народ. Они воруют детей.

На другой народ? Здесь что — много разных племен?

— Будь с нами. Ты могуч. Ты как большой «лесной человек». Ты — часть Леса. Зачем защищаешь их?

Я знаю, что мое место рядом с вами. Рядом с лесом, который я должен охранять от людей. Но это дети. Я не могу допустить их смерти.

— Если вы их убьете, зло останется. Уже на вас.

— Они — зло, — вождь упрямо помотал головой. — Старик должен умереть.

— Омуранги? — спросил я вслух, на лингала.

«Тот, кто видит» ударил копьем в землю, поднимая в воздух пепел, и яростно зашипел.

Все воины распахнули рты, и воздух наполнился вибрирующим шипением, водоворотом закружившимся над поляной.

— Неживой. Не должно быть. Не остановишь! — вождь поднял копье, целясь мне в грудь. — Мы идем!

«Дикие» одновременно, синхронно вздернули копья и исчезли в джунглях. Через мгновение поляна опустела.

В пыли ворочался носорог. Он нелепо хрюкал и пытался подняться. Я сел рядом, заглянул в маленькие глаза, полные боли. Из раны толчками выплескивалась кровь.

Я прижал ладонь к ране, придавил животное к земле.

Разогрев. Температура правой ладони — 400 градусов по Цельсию.

Носорог взревел от боли и рывком поднялся на ноги. Рана его дымилась, но кровь больше не шла. Он постоял немного, глядя на меня, затем на подгибающихся ногах потрусил в лес.

Я прислушался. Шум мотора уже не фиксировался, ребята должны быть уже в километрах восьми отсюда. А в лесу шли «дикие». Шелестящей волной они огибали поляну и шли на запад. В сторону Эдеме.

Сосчитать их было невозможно. Явно больше нескольких сотен. Опять война. Лес вышел на большую войну с Омуранги.

И с моими детьми.

Глава двадцать шестая

На неровной лесной дороге джип сильно трясло. Черная спина Джу удалялась, вокруг нее сжималось серое кольцо диких. Мальчики глядели ему вслед.

— Он с ними справится, — сказал Питер, — Обязательно.

— Да, если только опять не устанет и не остановится, — заметил Элиас. — Кунди, убери ногу с моей головы!

— А куда ее мне поставить? — огрызнулся Кунди, но ногу все же убрал. — Тут места нет.

— На руках виси, — отрезал Элиас. — Еще раз поставишь, спихну на дорогу. Пусть дикие тебя едят.

— Тихо все! — Андрая оглядел заросли. Фигура Джу уже скрылась из виду, до них долетел рев носорога.

— Страшная скотина, — Питер поежился. — Если догонит, нам крышка.

— Джу может остановиться? — Андрая оценивающе оглядел дорогу. — Тогда они могут нагнать нас. Эли, гони быстрей.

— Стараюсь! — Элиас что есть сил давил на педаль газа. Джип ревел и прыгал на кочках.

В лесу что-то грохотало и рушилось, на поляне ревел носорог. Быстрая тень мелькнула в зарослях, справа от дороги.

— «Дикий»! — закричал Питер, — Вон там, Андрая!

Капитан прищурился. Пулемет загрохотал скупой очередью. Листва колыхалась, но следов «дикого» не было.

— Гони, Элиас, гони!

Джип летел по узкой дороге, раскачиваясь на поворотах, воздух позади него прошивали копья, но пока противник отставал. В листве то и дело мелькали силуэты, Андрая лупил по ним короткими очередями, и они тут же пропадали. Убил ли он хоть одного, капитан не знал.

«Джу, задержи их! — стиснув зубы, Андрая следил за дорогой. — Если ты друг, задержи их!»

Джип качнулся и резко остановился.

— Что такое?! — Андрая развернулся, — Элиас!

— Дерево! — закричал Элиас.

Огромный поваленный ствол лежал поперек дороги. А за ним, прижимаясь к земле, мелькали быстрые фигуры.

— Пригнитесь! — Андрая развернул пулемет, ударил очередью поверх голов мальчиков. Щепки коры разлетелись во все стороны, «дикие» спрятались за ствол, но через мгновение десяток рук взметнулся вверх.

— Все на землю! — заорал Андрая, пригибаясь. Копья

забарабанили по капоту, со звоном пробили лобовое стекло. Мальчики горохом посыпались на землю. Питер, Элиаси и Кунди вели скупую стрельбы одиночными. Антуан и Симон заползли под джип.

В кузове остался один Андрая, он бешено вертелся во все стороны, прошивал короткими очередями листву.

— Симон, патроны! — закричал он, видя, что лента подходит к концу.

Симон робко выглянул из-за колеса.

— Быстро, мне нужны патроны!

Мальчик пулей выскочил из-под машины, перелетел через борт. Подхватил тяжелый патронный ящик, быстро зарядил ленту в казенник и пригнулся к борту.

Андрая переключил режим стрельбы, бил одиночными в мелькавшие фигуры.

— Капитан! — Симон указал назад. Из-за поворота дороги накатывался серый вал противников.

«Все, конец. Нам не спастись» — Андрая сдвинул рычажок режима стрельбы и заорал, скашивая набегающие ряды. Симон обернулся и увидел, как «дикие» перепрыгивают через дерево, мчатся к ним.

«Джу, Джу!», он упал в кузов, закрывая уши от пулеметного грохота. Горячие гильзы сыпались на него, обжигая лицо. Андрая кричал, слюна брызгала из открытого рта, потом копье ударило его в грудь и отшвырнуло назад. Капитан сполз в кузов.

— Симон… — Андрая встретился глазами с мальчиком, тяжело выдохнул. — Встань к пулемету.

Симон замотал головой, продолжая зажимать уши.

— Сим… — Андрая закашлялся, на губах его выступила розовая пена. — Мы все умрем. Все.

Симон зажмурился. Стиснул зубы и медленно встал. «Дикие» были совсем рядом, мальчик видел их лица, их разверстые пасти. Он схватился за горячие ручки пулемета и нажал на спусковой крючок. Возле борта выросла высокая фигура, ее снесло выстрелом в упор. Мальчика затрясло от отдачи, он забился вместе пулеметом в одном ритме, и завертелся юлой, стреляя в набегающие фигуры.

«Джу, ты говорил, что нельзя убивать, но они убьют нас!»

Пулемет щелкнул и остановился. Наступила оглушительная, звенящая тишина. Симон потряс головой и лихорадочно огляделся. Патронов больше не было. Он схватил мачете, и, не помня себя, выпрыгнул из кузова, навстречу набегающему потоку.

Мальчик замахнулся, но «дикий» сбил его на землю, и ударил копьем, целясь в сердце.

Симон не зажмурился, смотрел прямо на узкий силуэт, заслонявший от него солнце. В голове его не было ни единой мысли, только ненависть.

Огромная черная рука отшвырнула «дикого» в сторону.

— Дджу — вытолкнул одними губами Симон. — Андрая…

— Вставай!

Джу молниеносно развернулся, одним ударом смел пять нападавших в заросли.

— Все в машину!

Мальчики мгновенно запрыгнули в джип.

— Вперед, Элиас! — прогрохотал Джу. Он одним махом перескочил через машину, и рывком отбросил дерево с дороги.

— Гони!

Мотор взревел, машина рванулась с места. Джу пропустил ее вперед и помчался следом.

Симон лежал рядом с Андраей. Тот тяжело дышал, на губах вздувались розовые пузыри. Рубашка на его груди намокла от крови, Симон торопливо снял свою, скомкал, заткнул рану.

— Копье? — Джу поравнялся с машиной.

— В грудь, — Симон поднял голову, — У него кровь изо рта идет.

— Легкое задето. Держи крепче, не давай воздуху попасть в рану. — Джу резко прыгнул в сторону, отбив вылетевшее копье. — Питер, далеко до Эдеме?

— Полчаса примерно, — прокричал Питер. — Мы пешком шли.

— Вперед, Эли!

Взлом программной защиты занял больше времени, чем я рассчитывал. Я стоял посреди выжженной поляны, а мимо, сквозь лес тек нескончаемый поток «диких». Они обходили меня стороной, больше не рискуя вступать в бой. Просто шли мимо, а я не мог пересечь невидимую границу. Вдалеке слышались удаляющиеся одиночные выстрелы — ребята прорывались к Эдеме. В какой-то Андрая начал стрелять очередями. Зачем он так расходует патроны, он же понимает, что их надо экономить. Неужели они попали в засаду?

Второй раз я стою, как истукан и ничем не могу им помочь. Что же делать?

Упрямая защита не поддавалась. Я лихорадочно менял комбинации паролей, искал обходные пути, хоть какие-нибудь лазейки — должен же был остаться след от манипуляций Ямагучи. Но все было бесполезно.

Решение лежало на поверхности. Во внешнем слое программы, где задавались границы парка. Запрет на выход я

снять не могу. Но зато я могу изменить границы!

Пусть это будет… да хоть вся планета!

Через секунду я уже мчался по извилистой дороге.

Усаженная панцирными бляшками башка вывернулась справа, носорог с ревом нацелился в бок. Ударом руки на ходу я взрезал ему и с глухим стуком он воткнулся в пальму. Некогда! Только бы успеть, только бы нагнать мальчишек раньше «диких».

Глава двадцать седьмая

Лес молчал.

«Слишком тихо, — Капитан Патрис прошелся по дощатому настилу вдоль второй оборонительной стены. — Слишком спокойно».

— Мпонго, остолоп, как ты автомат держишь? — он треснул мальчика по голове. — В кого ты стрелять собрался — в змей? Ствол выше, идиот.

— Капитан, вчера Денисе чуть змеюка не укусила, — отгрызнулся Мпонго, потирая кучерявую голову. — Здоровенная кассава, вот такая.

Он раскинул руки шире некуда.

— За лесом следи! — капитан прошел к пулеметной вышке. — Денисе?

— Пока все тихо, — крикнул коренастый мальчик лет четырнадцати. Он пригнулся к пулемету, внимательно изучал линию леса, обступившего город.

Патрис вздохнул и огляделся. На пятьсот метров вокруг Эдеме не было ни кустика — все было безжалостно вырублено и выжжено. Распаханные полосы полей сейчас были брошены, ряды маниоки и ямса уходили к самому лесу, над которым сейчас стояли столбы черного дыма.

Патрис ударил кулаком по стене. Все началось два дня назад. Эдеме был забит женщинами, бежавшими с западных и северных плантаций. Этот бабский хор твердил об огромном числе «диких», возникших в лесах.

Две разведгруппы не вернулись. К исходу вторых суток поток беженцев иссяк. Наступила тишина. Радиосвязь с заставами держалась, солдаты сообщали о возросшей активности «диких», но им был дан приказ не высовываться. На совете капитанов Патрис настаивал на немедленном отзыве гарнизонов, но Омуранги велел их оставить. А сегодня, три часа назад, связь прервалась.

Все пограничные заставы — с запада, юга, севера и востока, разом запылали. Вероятнее всего, гарнизоны погибли. Во всяком случае, в город оттуда никто не пробился. Последние две экспедиции, продвигавшиеся на запад и север, успели сообщить о столкновении с новым, необычайно опасном, видом «диких», но потом связь с ними тоже прервалась.

О взводе Джонаса не было слышно уже неделю. Похоже, их тоже можно было списать со счета.

Город был в кольце.

«Великий Омуранги, помоги нам» — прошептал Патрис. Он со своим взводом пытался прорваться к дальним восточным селениям, но столкнулся с таким сопротивлением «диких», что спешно отступил. Треть бойцов была убита ядовитыми дротиками. Никогда еще «дикие» не действовали так организованно и таким числом.

Обычная их тактика — внезапные нападения из засад, град копий и дротиков из густой листвы, и тишина. Они исчезали мгновенно. Достать их можно было только в скрытых деревнях, где прятали женщин и детей. Впрочем, Великому Омуранги нужны были только дети. Все прочие были безнадежно поражены «куби».

— Патрис! — донеслось снизу. — Патрис.

Капитан разражено опустил взгляд. У стены стояла Улинда.

— Ты зачем здесь?! — капитан быстро спустился вниз. — Где Диаш?

— Он спит, — девушка устало отвела волосы. — Заснул наконец-то.

— Уходи, здесь опасно, — Патрис схватил ее за руку. — Иди в женский дом.

— Я не могу! Там все плачут. — Улинда вытерла глаза. — У половины женщин убили мужей или детей. Патрис, «дикие» ведь не смогут…

Девушка запнулась, потом продолжила. — Не смогут сюда попасть? Они нас не убьют?

— Нет, не смогут, — ответил Патрис твердо, заглянул в глаза и мягко попросил. — Уходи, Улинда. Мне спокойней, когда ты там, женском доме.

— Зачем мы нападали на них? — девушка расплакалась, — Конечно, они мстят. Мы все…

— Не мели ерунды! — резко оборвал ее Патрис. — Они язычники, дьявольское отродье.

— Капитан! — Денисе свесился с вышки, — Капитан!

— Все, мне пора, — Патрис быстро поцеловал девушку и рванулся наверх. — Иди в женский дом, присмотри за Диашем!

Он подбежал к вышке, уже не глядя на Улинду.

— Что там?

— Капитан, на востоке — Денисе указал в сторону дальней лесной дороги, ведущей к заставе. — Стрельба.

Патрис прислушался. Над городом висел облако плача, криков, обрывков разговоров, но из леса не доносилось ни звука.

— Ты уверен?

— Словом Омуранги клянусь, — Денисе указал на дорогу. — Одиночные и очереди. Пулемет.

«Неужели кто-то из гарнизона уцелел? — изумился капитан. — Их там было всего пятеро. Пулемет с вышки не потащат, слишком тяжелый. Значит, прорываются на машине».

— Мариан, Бернар! — он перегнулся вниз, — Снимите два верхних засова. По моему сигналу открывайте ворота.

Мальчики кивнули.

— Мпонго, — Патрис развернулся, — Дуй вниз, живо. Убери заграждения с дороги. Не мешкай. Мы тебя прикроем.

Мпонго пулей слетел вниз, юркнул в боковой лаз возле ворот.

— Ты чего задумал, Патрис? — внизу лениво щурился Жоаким с ручным пулеметом наперевес. — Решил «диким» ворота открыть?

— Жоаким, у тебя есть свой участок, его и охраняй! — вскипел Патрис. — Гарнизон с восточной заставы. Они, похоже, уцелели.

— Да ну? — изумился Жоаким, закидывая пулемет на плечо. — А вдруг это уловка?

— Ты когда в последний раз встречал «дикого» с пулеметом? — хмыкнул Патрис. — Короче, отвали.

Капитан развернулся к лесу, жадно впился глазами в узкую просеку дороги.

— Ты открываешь ворота, когда кругом полно «диких». Не очень умно.

— Капитан, командуй своим взводом! — Патрис вышел из себя. — Предлагаешь их оставить там?

— Нет, поглядим, что это за стрелки, — неожиданно миролюбиво отозвался Жоаким, и неторопливо стал подниматься наверх. Лестница тяжко скрипела под его весом.

— Где они? — Патриса накрыла тень, Жоаким был выше на две головы любого из капитанов.

«Какой лесной черт его принес» — Патрис стиснул зубы и небрежно махнул в сторону дороги.

— Разумно, — кивнул Жоаким, — Только как они выжили?

— Может, спрятались, — отмахнулся Патрис. Он напряженно вслушивался. Ему показалось, что из лесу донесся какой-то звук.

— Где там можно спрятаться? — усмехнулся Жоаким. — Место ровное, как моя лысина.

Он провел ладонью по блестящему черепу.

— Тихо! — Патрис поднял руку. — Слышишь?

Из леса действительно доносился звук. Какое-то ровное ворчание, на одной ноте, и оно все усиливалось.

— Это мотор, — просиял капитан. Он перегнулся через стену. — Мпонго, заканчивай.

— Все, капитан! — откозырял Мпонго. — Проход открыт.

— Как только джип проскочит, закрывай! Денисе, будь наготове. Мариан, Бернар — ждите команды. Взвод, внимание!

— Жо, шел бы ты? — предложил Патрис. — Отсвечиваешь башкой своей.

— У меня там три стены колючки, быстро не пройдут, — отмахнулся Жоаким. — К тому же там до леса метров четыреста, открытое место. Я успею, если что. Здесь интересней.

— Ну ладно, как хочешь, — процедил Патрис. — Пукалку свою расчехлил бы?

— Моя пукалка в тебе дырок сто проделает, моргнуть не успеешь. — Жоаким оскалился, снял с плеча пулемет, любовно провел по стволу.

— Капитан! — заорал Денисе. — Едут!

Патрис подхватил свою M20, заглянул в оптический прицел. Зеленая стена джунглей приблизилась, он провел вдоль видимого участка дороги, перевел прицел к повороту и в этот момент из леса выскочил джип. Прыгая на кочках, он несся по дороге.

— Это не гарнизон, — ошеломленно пробормотал Патрис. — Я их не узнаю.

Он перевел прицел на водителя. Мальчишеское лицо показалось ему знакомым, он только не мог вспомнить, откуда же он его знает.

Жоаким издал странный звук, что-то среднее между всхлипом и храпом и лихорадочно залязгал пулеметом.

— Пресвятой Омуранги, — сдавленно сказал он. — Что это за тварь, Патрис?

— Капитан! — истошно завопил Денисе.

Патрис резко перевел винтовку обратно к лесу, и сначала не понял, что происходит — весь прицел вдруг заполнился черным, потом мелькнуло что-то желтое, и прямо на Патриса сквозь прицел взглянул огромный черный зрачок.

Капитан отшатнулся, опустил винтовку и не поверил своим глазам. Следом за джипом прыжками мчалась огромная горилла, больше трех метров ростом.

А на ней, из леса выкатывалась мельтешащая волна серых фигур.

— Денисе! Огонь! — заорал капитан и вкинул винтовку. — Взвод, огонь. Не попадите в джип!

Он стрелял одиночными в черную фигуру, скачками приближавшуюся к Эдеме, потом перевел винтовку в режим автоматической стрельбы. Позади раздались испуганные крики, женщины кинулись к центру города, подальше от стен.

Рядом очередями стрелял Жоаким, весь участок стены Патриса и соседние участки расцветились вспышками выстрелов.

Однако горилла продолжала приближаться.

— Не берет, — яростно прорычал Жоаким. — Что это за тварь, ее ничего не берет!

Он схватился за гранату на поясе.

— Нет, ты заденешь джип, — Патрис вцепился в запястье. — Подпустим ближе.

— Ближе будет поздно! — вены на висках Жоакима вздулись. — Она сейчас ворвется в Эдеме.

Патрис отпустил его руку.

— Как только джип проедет первую стену, кидай! Мпонго, назад. Мариан, Бернар — открыть ворота!

Мнонго, рухнувший на землю при первых выстрелах, опрометью кинулся за стены.

Капитан вскинул винтовку. Он ловил в прицел голову гориллы.

«Я всажу пулю ему глаз, — Патрис положил винтовку на край стены, медленно вел черную фигуру. — Это точно остановит тварь».

Он поймал в прицел огромное лицо, потом чуть сместил прицел, и плавно повел, отслеживая движение мишени. Мир вокруг замер, отдалился. «Еще немного».

Черный глаз вдруг повернулся, Патрису показалось, что он смотрит прямо на него, заглядывает куда-то внутрь.

«Умри!» — капитан плавно нажал на курок, но лицо резко сместилось, вышло из прицела. Пуля ушла в черную пустоту.

«Дьявол!» — Патрис вскинул голову. Джип был уже возле первой стены, пулемет Денисе грохотал, не переставая.

— Жоаким, готовься!

Жоаким вздернул руку, кольцо гранаты отлетело вниз.

— Я всегда готов! — прорычал он.

Джип проскочил проход в колючке, горилла была в метре от него.

— Кидай! — закричал Патрис, и начал бить очередями по неуязвимой фигуре.

Жоаким метнул гранату, прямо под ноги горилле, и через секунду взрыв взметнул столб земли, подбросив черную тушу в воздух.

— Жо, ты попал! — Патрис потряс винтовкой. — Ты его уделал!

Джип, ревя мотором, ворвался на маленькую площадь перед воротами и остановился.

А через секунду рядом с ним приземлилась огромная горилла.

— Враг прорвал периметр! — Жоаким развернулся, и

короткими очередями стал бить в черную спину. Мариан и Бернар, подняв автоматы, палили по толстым ногам. Горилла вздрагивала, будто от укусов, и отмахивалась руками.

Патрис лихорадочно ловил в прицел остроконечную голову.

«Его и гранаты не берут. Почему он не нападает?! — забилась его мысль, — что это за тварь?»

— Не стреляйте! — из кузова джипа выскочил мальчик, замахал руками. — Не стреляйте, это друг! Не стреляйте!

«Друг? — Патрис на мгновение опустил винтовку. — Это же парень из отряда Джонаса. Кажется, Симон. Да, так его зовут!»

У Жоакима кончились патроны, он бросил пулемет, выхватил мачете и с ревом кинулся на спину гориллы. Обхватив толстую шею, он с размаху бил мачете по плечу гориллы, но сверкающее лезвие лишь отлетало от густой шерсти.

— Не стрелять, попадете в капитана! — Патрис спрыгнул вниз. Взвод прекратил огонь.

Горилла рывком сдернула Жоакима, и швырнула на землю. Тяжело шагнула вперед.

— Джу, не убивай его! — Симон заступил путь.

— Я никого не убиваю, малыш.

Патрис остолбенел. У него что — от выстрелов еще звенит в ушах? Кто это сказала — эта тварь? Она говорящая?!

— Успокоились? — горилла обвела солдат взглядом. Жоаким поднялся, потирая бок, и сплюнул на землю. Потом смерил взглядом огромную фигуру обезьяны, сжал мачете двумя руками.

— Не нервничай, малыш, — горилла шагнула к Жоакиму. — Ты ничего мне не сделаешь.

— Я тебя убью, тварь проклятая, — прорычал Жоаким.

— Он друг! — из кузова один за другим выбирались мальчики.

«Питер, Кунди, а вон того парня побил Мпонго. Кажется, его зовут Элиас, — Патрис ничего не понимал. — Это же взвод Джонаса. А где сам капитан?»

— Здесь есть врач? Я спрашиваю, здесь есть врач? Лекарь? — горилла оглядела оторопевших солдат.

— Лечит Омуранги, — Симон указал вглубь города. — Он там, в Святом Доме.

Горилла наклонилась к джипу, вынула обмякшее тело из кузова.

— Кто это? Джонас? — Патрис увидел окровавленную рубашку, и, преодолев шок, шагнул вперед.

— Это Андрая. Копье. «Дикие», — сказала горилла. — Джонас погиб. Симон, показывай дорогу. Нельзя медлить.

— Я покажу, — кивнул мальчик, — За мной.

Он побежал в центр города.

— Стоять! — Патрис вскинул винтовку. — Взвод, держать его на мушке.

— Он друг! Он может нам помочь, — воскликнул Питер. — Он спас нас от «диких».

— Я не подпущу эту тварь к Омуранги, — процедил Патрис.

— Тогда Андрая умрет, — горилла покачала тело на вытянутых руках.

Патрис заколебался. Тяжело дыша, рядом встал Жоаким.

— Я пойду с ним, — с ненавистью сказал он. — У меня еще есть гранаты. По пути заскочу в арсенал, возьму гранатомет. А ты пошли связного, пусть капитаны всех участков выделят солдат. Эту тварь надо убить. Пока она еще ничего не сделала, но нельзя ее оставлять в Эдеме.

С вышки ударил пулемет.

— Капитан, — закричал Денисе, — «Дикие», много!

— Всем на позиции! — Патрис метнулся к лестнице. — Жо, проследи за *этим*.

— Не сомневайся, — сплюнул Жоаким. — Пошли, образина. Поглядим, что скажет Омуранги.

— Меня зовут Джу. — капитану показалось, что огромное лицо сморщилось в гримасе. — Веди, герой.

Мы шли по притихшему Эдеме. Симон, конечно, сильно преувеличил его размеры. Трехэтажные бараки лепились вдоль единственной улицы, которая вела на центральную площадь. Ветер нес обрывки бумаги, солому, какой-то мусор по пыльной дороге. В окнах, в грязных переулках я видел лица, испуганные лица, прятавшиеся при одном моем взгляде. Юноши, девушки, детишки. Сотни лиц.

Трехметровые стены кольцом окружали город. В диаметре он был километра три. Точнее определить было нельзя — слишком мало я видел. Да и прицельный огонь солдат сильно мешал спокойному обзору окрестностей. Они любого бы изрешетили, кроме меня. Хорошо, хоть ребят не задели. Порядочно испугались.

А чего ты ожидал — цветов и праздника? Ты четырехметровая горилла, а не Санта-Клаус. Их реакция вполне объяснима.

Итак, здесь примерно полторы тысячи человек. Может больше. Если «дикие» прорвутся, будет мясорубка. Стены их не сдержат — носороги пройдут сквозь них, как сквозь бумагу.

Но главное сейчас прооперировать Андраю. Есть ли у этого Омуранги хотя бы перекись водорода?

Капитан был совсем плох, дыхание у него было прерывистое. Лицо и шея сильно отекли. Воздух поступал в легкое через рану

— это открытый пневмоторакс, правое легкое под давлением внешнего воздуха сжалось. Ему не хватает кислорода, надо торопиться.

Улица вывела нас на площадь, где возвышалась церковь — Святой Дом Омуранги. А попросту — барак с остроконечной крышей. Вдоль стен толпились и молча смотрели дети и девушки. А в центре, перед широким крыльцом, в белом одеянии стоял Великий Омуранги.

Думал, он будет выше. Лет пятьдесят, седая бородка, почти старик. Не достает мне до пояса.

— Я ждал вас, дети мои — простер он руки. — Вы пришли, вы выполнили молю волю!

Я взревел и с Андраей на руках прыжком приблизился, склонился над самым его лицом, заглянул в глубину зрачков.

Но страха там не было.

Омуранги усмехнулся, и одними губами прошептал по-английски:

— Код АйЭйч541.

Активация внешнего управления. Контроль над юнитом переходит к системному инженеру.

Что происходит?!

— Следуй за мной. И вы, дети мои. — Омуранги взмахнул широким рукавом и пошел к Святому Дому.

— Джу, Джу, что он тебе сказал? — прошептал Симон, — Почему ты не отвечаешь, Джу?

Жоаким отпихнул его в сторону.

— Великому Омуранги подвластны даже демоны! — он потряс сжатыми кулаками. — Эта тварь прогонит диких!

Площадь взорвалась радостными криками.

Чтобы пройти в двери, мне пришлось согнуться вдвое. Ничего не могу сделать, управление юнитом перешло к Омуранги. Остается только наблюдать. Это функция была предусмотрена, но откуда ему известны системные коды?!

Кто он? Его не было в проекте FOU, я бы знал.

Дела плохи, очень плохи. Если он захочет, я онемею, оглохну, ослепну. Мое тело будет выполнять все его приказы, за исключением прямого убийства человека. Неужели я проиграл?

И эти дети по-прежнему будут верить в силу и всемогущество этого шарлатана и убийцы?

За дверью был большой зал, где я выпрямился. Подчиняясь приказам Омуранги, я отнес Андраю в одну из соседних комнат, положил на операционную каталку. А у пророка неплохая операционная. Во всяком случае, лазерный скальпель есть в наличии.

— Ждите здесь, дети мои. Я спасу Андраю, а потом мы с вами поговорим, — Омуранги ласково улыбнулся и закрыл двери операционной.

Притихшие мальчики уселись вдоль стены, разглядывали Святой Дом. Никто из них здесь никогда прежде не был. Сюда допускались лишь капитаны. Все в Святом Доме было необычным — огромные яркие ковры на полу, маленькие светильники, горящие странным оранжевым светом, причудливые клинки на стенах, флаги, какие—то черные плоские квадраты на дальних колоннах.

Джу застыл возле стены, опустив руки.

— Джу, Джу, что с тобой? — Симон подобрался к нему и потряс руку. — Джу?

— Отойди от этой твари, малец, — велел Жоаким. — Она под властью Великого Омуранги.

— Нет, Джу никто не может подчинить, — замотал головой Симон. — Он одолел носорога, он победил «диких». Ему ничего не страшно. И он сказал… Он сказал, что Омуранги нас обманывает.

— Ты! — Жоаким отшвырнул его в сторону. — Ты что сказал?

— Это правда! — с плачем выкрикнул Симон, вытер разбитые губы. — Скажите ему, разве не так?

Остальные мальчики отводили от него глаза.

— Он спас нас, — поднялся Питер. — Не один раз. И еще он сказал…

Питер опустил голову, потом твердо взглянул на Жоакима.

— Он сказал, что Омуранги дьявол.

— Я тебя на ремни порежу! — Жоаким выхватил мачете. — Кому вы поверили — этой твари? Он как собака, последовал за Омуранги. Он покорился одному его слову. Он демон, исчадие ада.

— Неправда! — Антуан вскочил на ноги. — Он добрый. Он нас всех спас.

— Я гляжу, вы там, в лесу совсем свихнулись, — хмыкнул Жоаким. — Кто из вас считает, что Омуранги дьявол, пусть отойдет к этой твари. Я сам выпущу этому предателю кишки.

Он взмахнул мачете, и свет заблистал на лезвии.

Мальчики молчали, переглядывались. Питер кусал губы. Неужели Джу — дьявол? Он их обманывал? Все слова о Спасителе, о любви — все ложь?! И Омуранги действительно пророк Божий и они его предали? Значит, дьявол смог их искусить, как искусил первых людей? Питер не знал, чему верить, он оглядел товарищей, но никто не решался ничего сказать.

Значит, Джу их обманывал.

«Я предал Эдеме, — обожгло сердце Питера, — предал Омуранги, всех своих товарищей. Этот демон меня запутал».

Он с ненавистью взглянул на Джу и увидел, как к нему робкими шагами подходит Симон.

— Ты! — радостно прорычал Жоаким. — Шакаленок! Я вырежу тебе сердце, щенок.

— Остынь, Жоаким, — двери операционной открылись.

Омуранги устало вздохнул. — С Андраей будет все хорошо. Он спит.

— Но этот щенок сказал…

— Я слышал, что он сказал, — мягко прервал капитана Омуранги. — Его обманули. Верно, дитя мое?

Он неторопливо приблизился к Симону. Одежды его ниспадали белой волной, и казалось, что пророк не идет, а скользит по земле.

— Почему ты защищаешь это создание, мальчик мой? — Омуранги улыбнулся, склонился у Симону, взял его за подбородок. — Разве ты не знаешь, что я — пророк Бога и Свет Мира?

— Он… Джу сказал, — Симон опустил взгляд, он не мог видеть глаз Омуранги, у него все голове путалось.

— Джу? — Омуранги вздернул брови. — Он сказал, что его зовут Джу? Симон, мальчик мой, у него не может быть имени. Он неживой.

— Как?! — вскрикнули мальчики хором.

— Он машина. Как джип, как пулемет. Просто очень сложная машина.

— Я не верю тебе, — Симон покачал головой, — Джу добрый, Джу о нас заботился, он нас спасал.

— Ты не веришь мне? Своему пророку? — расхохотался изумленный Омуранги, — Защищать — его работа, для того он и был создан. Что этот глупый робот вам наболтал?

— Он сказал нам правду, — Симон сжал кулаки. — Про Спасителя, про воскрешение его из мертвых. Про любовь, которую он проповедовал!

— Про Спасителя? — Омуранги холодно усмехнулся, взгляд его ожесточился. — Тогда мы поглядим, кто тебя спасет. Юнит, подними его в воздух на высоту двух метров.

Черная рука подхватила Симона, вознесла его в воздух.

— Джу, нет! — завопил мальчик, задергал ногами. — Это же я, Джу! Отпусти!

— Он полностью подчиняется мне. — Омуранги близоруко прищурился. — Никто не смеет оспаривать мою власть, ибо это власть от Бога. Я мог бы приказать ему, и он бы раздавил твою

голову, как гнилую тыкву. Я — голос Бога на земле. Теперь вы видите?!

Последние слова он уже кричал, развернувшись к мальчикам. Потом смягчился, уронил руки:

— Дети мои, кому же вы поверили?

— Великий Омуранги, прости нас, — Питер встал на колени, его примеру последовали остальные.

— Эта проклятая обезьяна совсем нас заморочила. Капитан Джонас погиб, а мы…мы не знали что делать. И мы поверили… поверили Лесному Ужасу.

— Не плачьте, дети мои, — Омуранги подошел, провел рукой по волосам Питера. — Я вас не виню. Дьявол хитер и изворотлив. Он может обмануть любого, но только не меня.

— Ты прощаешь нас? — Питер вскинул голову с робкой надеждой.

— Да, я прощаю вас, — Омуранги простер руку. — Идите с миром, дети мои.

Мальчики поднялись, сбились в кучу и попятились к выходу. Омуранги все так же благословлял их, был неподвижен как статуя.

— А Симон? — вдруг неожиданно спросил Кунди. — Что будет с ним?

Омуранги взглянул на фигурку мальчика, извивающегося в воздухе. Симон молчал и отчаянно пытался выбраться.

— Дитя, ты испытываешь мое терпение, — благостная улыбка на лице Омуранги исчезла. — Он дерзнул спорить с пророком. Он будет наказан.

— Пощади его, глас Божий, — Питер вновь выступил вперед, за всех остальных. — Он не знал, что делал. Он же самый младший, его тоже обманул этот демон.

— Он будет наказан! — Омуранги сорвался в крик. — Прямо сейчас, на площади. Жоаким, принеси плеть. Юнит, выйди из здания на площадь. А вы все — смотрите хорошенько, что бывает с ослушниками.

Жоаким оскалился, и бегом сорвался выполнять приказ.

Горилла двинулась к выходу. Толстые доски пола скрипели и прогибались под ее тяжестью. Высоко в левой руке она держала мальчика. Тот уже не вырывался, только беззвучно плакал от боли в выворачиваемом суставе.

— Джу, Джу, очнись, это же я, Джу… — шептал он, но широкое лицо оставалось неподвижным, огромные глаза не поворачивались к нему.

После сумрака Святого Дома солнечный свет на мгновение ослепил Симона. Он зажмурился, потом медленно открыл глаза.

На площади вокруг него плотным кольцом стояли жители Эдеме. Девушки, девочки и совсем маленькие мальчики — все остальные были на стенах, готовились к нападению.

Молчаливая бездна перевернутых человеческих лиц сотнями черных глаз глядела на мальчика.

— Этот солдат предал Омуранги! — Жоаким встал на крыльце, потряс скрученной плетью. — Его ждет кара за предательство Пророка!

На крыльцо высыпали остальные члены отряда. Они молча смотрели на Симона. Никто из них не знал, чему теперь верить и что делать. Пока они были в джунглях, была одна задача — выжить. Они слушались Джу и его слова медленно доходили до их сердец. Но когда они оказались в Эдеме, перед лицом Омуранги, когда Джу подчинился пророку, все его речи стали казаться невероятной выдумкой, мороком, лесным туманом. Что такое Спаситель, что значили сейчас все сказки Джу, когда вокруг был родной Эдеме — шумящий, многолюдный, полный знакомых лиц. Когда Омуранги вновь стоял перед ними, и у них не было сил вынести его пронзительный взгляд.

И теперь они просто стояли, завороженные готовящимся зрелищем, только Питер не находил себе покоя, переминался с ноги на ногу, сжимал кулаки. Но и он не дерзал больше вступаться за Симона.

Жоаким развернул плеть, щелкнул ею в нетерпении. Кинул взгляд на крыльцо.

— Дети мои! — Омуранги раскинул руки. — Этот солдат предал нас. Он поверил этому лесному демону и отрекся от Эдеме и пророка.

Ошеломленный вздох пронесся по толпе, девушки качали головами, перебрасывались короткими репликами.

— А маленький какой еще…

— Ничего, сейчас ему Жоаким всыплет…

— Я бы, если бы такую черную образину увидала в лесу, точно со страху померла…

— Дети мои! — голос Омуранги оборвал гвалт. — Он забыл, что даже демоны слушаются пророка Божьего. А предатели буду наказаны. Начинай, Жоаким.

Жоаким еще раз щелкнул плетью, примерился, и с выдохом хлестнул Симона по спине. Мальчик вздрогнул всем телом и закричал — обжигающий цветок боли распустился на спине.

Далекий плач какого-то ребенка долетел до него.

Жоаким раскрутил плеть над головой, со свистом рассекая воздух, ударил еще раз.

Первый крик еще не растаял в горле мальчика, и он

захлебнулся воздухом, от боли дыхание у него перехватило, перед глазами закружились белые пятна.

Он не успел еще продышаться, как третий удар обрушился на него. Симона швырнуло куда-то в темноту, прорезаемую лишь белыми всполохами боли, и он уже не помнил, как закричал — тонко, пронзительно:

— Джу!

Жоаким с яростной ухмылкой взметнул плеть, метясь по худым лопаткам мальчика, но у самого исполосованного тела плеть вдруг перехватила черная ладонь.

Горилла, до сей поры замершая истуканом, внезапно вытянула правую руку.

Жоаким зарычал, рванул на себя. Плеть зазвенела как струна, но не пошевелилась.

Капитан уперся в землю, дернул сильнее.

Ответный рывок сбил его с ног, протащил по земле. Плеть, извиваясь воздушным змеем, улетела куда-то на крышу. Горилла склонилась, осторожно положила мальчика.

— Ты редкая тварь, Омуранги, — Джу выпрямился.

Над площадью повисла мертвая тишина, только где-то продолжал плакать ребенок.

Питер не верил своим глазам. Как… что это?! Мальчик не знал, как реагировать на происходящее. Он замер, вцепился в столб террасы, наблюдая за происходящим.

— Код АйЭйч541! — прокричал Омуранги, отступая на шаг. — Полная дезактивация системы!

— Омуранги, — горилла покачала остроконечной головой. — Ты идиот.

Он медленно пошел вперед.

Омуранги отступил еще, огляделся. Сейчас, на этой площади, рушилась его власть.

— Ступай в ад, демон! — театрально воскликнул он, вскинул правую руку. Из широкого рукава ударил луч света, уперся в грудь гориллы, и по этому лучу прянула синяя молния.

Джу остановился, по груди его забегали голубые огоньки. В глаза пророка мелькнула дикая надежда.

— Я — голос Божий! — прокричал он, и вторая молния с треском ударила в черную фигуру.

Горилла поймала ладонью луч света, и ответная молния отшвырнула Омуранги к дверям.

— Ты убийца и обманщик. Разве тебе не говорили, что детей нельзя бить?

Омуранги с трудом поднялся, его шатало.

— Ты — демон, ты умрешь! — выкрикнул он и скрылся в

Святом Доме.

— Помогите Симону, — Джу, тяжко ступая, поднялся на крыльцо, посмотрел на мальчиков. — Помогите ему.

Элиас и Кунди спустились с террасы, подняли мальчика.

— Отнесите его в тень, — Джу опустился на четвереньки, вошел в двери. Питер осторожно последовал за ним.

Каким образом он сгенерировал электрический разряд? Похоже на тайзер — полицейское оружие для обезвреживания преступников. Лазерный луч создавал проводящий канал, по которому следовал разряд, который не убивал, но лишал сознания. Наверное, на детей это производило большое впечатление. Пророк надеялся, что сможет замкнуть мои цепи? Но в сравнении с молнией это комариный укус.

Омуранги стоял в центре зала, сменив тайзер на револьверный гранатомет.

Гранатомет MGL, шестизарядный барабан, калибр — 40 мм, начальная скорость гранаты — 76 м/с. Эффективная дальность стрельбы — 400 м. Минимальная безопасная дальность — 30 м.

Где-то я такой уже видел.

— Ты думаешь, это тебе поможет?

— Я тебя уничтожу, проклятый робот, — гранатомет плясал в его руках. Похоже, он немного испуган. Слава Богу, хоть оставил эту риторику про демонов и голос Бога. Надеюсь, поговорим спокойно.

— Если ты начнешь стрельбу, то пострадаешь сам. Тебя посечет осколками, может рухнуть крыша. Ты хоть раз стрелял из такого оружия?

— Ты… — Омуранги облизал губы, — почему ты не остановился? Почему ты так говоришь. Как человек?

— Потому что я человек. Как тебя зовут?

— Меня зовут Омуранги! Голос Бога на земле! — он снова впадал в религиозный раж.

— Оставь эти сказки для детей. Кто ты такой?

— А кто ты? Ты — машина, ты не можешь так себя вести!

Я шагнул ближе. Омуранги отступил, держа меня на прицеле. Между нами метров десять. Если он выстрелит, я успею увернуться, я считываю все его параметры. Сердце — 140 ударов в минуту, зрачки расширены. Я успею заметить, когда он решится нажать на спусковой крючок. Но позади меня — Питер.

— Откуда ты знаешь про проект WLP? Зачем тебе понадобился юнит экозащиты?

Омуранги внезапно успокоился.

— Ты… — он прищурился, — Ты ведь не можешь убивать людей. Это базовый запрет.

— Я также не могу выходить из парка Вирунги. И обязан выполнять приказы системного инженера. Как видишь, твои данные немного устарели. Зачем я тебе был нужен, отвечай!

— Чтобы спасти нас, — выдохнул пророк устало.

Спасти?!

— Что это значит?

— Ты же видел. «Дикие». Они повсюду. Нам не выстоять. Это большая война. Ты нам нужен, чтобы спасти Эдеме.

Я одним махом преодолел разделявшее нас расстояние, пригнулся к лицу, прорычал:

— А почему с чего ты взял, что я буду помогать? Сам заварил эту кашу, сам и расхлебывай.

Омуранги улыбнулся мне в лицо. Он оправился после первого шока и неплохо держался, черт возьми.

— Неужели ты допустишь, чтобы погибло три тысячи человек?

Проклятье, он знает, на что давить. Какая сволочь.

— Дети. Девушки. Юноши. Их всех убьют.

— Ты! — я занес руку. Ствол гранатомета смотрел мне в грудь, но я успею ударить раньше, чем он выстрелит. — Это ты виноват. Ты их вынудил, своими бесконечными грабежами и убийствами.

— Все не так, как ты думаешь, — Омуранги покачал головой. — Это страшные твари, это не люди.

— Это люди. У них есть дети, семьи, дома. Тела их мутировали, но это еще люди.

— Все гораздо сложнее, робот.

Да, он загнал меня в угол. Я не могу оставить в беде этих детей. Как же он это рассчитал? Или меняет игру на ходу, пытается приспособиться к изменившимся обстоятельствам?

— Хорошо, — я сел на пол, — Я помогу тебе.

Омуранги облегченно вздохнул, опустил гранатомет.

— Но с одним условием. Ты расскажешь мне все.

— Что все? — Омуранги удивленно пожал плечами.

— Все! Начиная с конца войны.

— Это слишком долгий рассказ.

— А ты постарайся, пророк. Тебе же дан дар красноречия?

Омуранги поиграл желваками, процедил:

— Хорошо, электронная обезьяна. Я расскажу. Только пусть он выйдет.

Он кивнул в сторону Питера, прижавшегося к стене.

— Нет, пророк, говори при нем. Он тоже должен знать правду.

— Правду? — Омуранги сощурился. — Какую правду? Что ты

о ней знаешь, робот?

— Я знаю, что ты обманул этих детей. Что ты создал собственный культ. Что ты не умер во время войны, а каким-то образом остался жив. Не так уж и мало.

— Война… Что ты знаешь о ней, робот? Ее не было.

— То есть?

— Потому что в войне есть победитель и проигравший, — устало пояснил пророк. — А тогда были только проигравшие. Неважно, кто и в кого запустил ракеты, сколько сбил самолетов и потопил кораблей. Всех убила пандемия «китайки». Миллионы людей умирали за считанные дни. Трупы были повсюду. Я ходил среди них и не знал — что делать? Умерли все и выжили только дети. И я — единственный взрослый в Гоме! Может быть, вообще во всей Африке или на всей планете! И ты говоришь, что я убийца?!

Он в бешенстве взмахнул гранатометом (килограмм восемь, между прочим). Как бы случайно не выпалил куда-нибудь.

— Я был доктором, — чуть успокоившись, продолжил он. — В детской городской клинической больнице города Гома. Меня звали Артуро Квамби. Я был терапевтом! Я любил детей, слышишь меня, ты — железка, любил! А они дичали на глазах. Устанавливали свои законы, сбивались в стаи, искали еду, как звери. И умирали. От мин, ранений, диких зверей, голода. Я спас их. Вывел их из мертвого города в чистые леса, и создал новый город. Я научил их выращивать ямс и маниоку, ухаживать за скотом, я дал им новые законы. Шестьдесят лет я создавал это общество. И вот пришел ты и хочешь все разрушить? Говоришь, что я обманщик? Да, я объявил себя пророком!

Он взглянул с вызовом.

— А что мне оставалось делать? Разве это не знак божий, что я остался жив? Если только бог вообще есть, после этой проклятой войны, в которой погибли миллиарды. Какой Бог мог бы допустить такое? Поэтому я сам стал богом.

Питер чуть слышно охнул за моей спиной, но Омуранги не слышал и запальчиво продолжал.

— Надо было выживать. Эдеме — новая надежда людей, новый мир. Да, я посылал экспедиции. Добывал еду, искал лекарства и оружие на складах, расчищал поля. Я не знаю, откуда взялись «дикие». Может быть, кто-то из фермеров уцелел, может быть, сохранились племена в джунглях. Но все они изменились и стали полузверьми. Да, я забирал у них детей, не пораженных мутацией, но это было во благо. Я скал лекарство от этого вируса.

— И что? Нашел?

— Нет, — Омуранги сгорбился. — За шестьдесят лет я не

продвинулся ни на шаг. Но у меня еще есть время. У нас еще есть время, слышишь? Я не старею. Этот вирус дал мне долголетие. А может, даже бессмертие. Я обязательно найду лекарство, надо только отбить нападение. Помоги и ты спасешь этих детей. И все человечество.

— А Рай? — закричал Питер. — Рая нет?! Куда ты дел моего брата?!

Омуранги растерянно оглянулся.

— Он. Понимаешь, Питер…

— Что ты сделал с моим братом?! — мальчик пошел вперед, обнажив мачете.

— Питер, он в раю. Все безвинно погибшие от этой войны, все они — в раю. Они там, я знаю, я верю.

— Ты сказал, что ты не пророк. Что ты все придумал. А Дом Вознесения? А сияние, которые мы видели? Где мой брат?!

— Питер… — Омуранги отступил назад. — Питер, дитя мое.

— Ты врал! Ты нас обманывал! — Питер кинулся на Омуранги, я едва успел дотянуться и поймать мальчика за ворот рубашки.

— Пусти, Джу! Он нам врал всю жизнь! Мы верили тебе, мы умирали за тебя, а ты! — Питер рыдал, пытаясь вырваться.

— Питер, малыш, пойми, — Квамби опустил руки. — Я не мог иначе, я должен был спасти Эдеме.

— Ты себя спасал! Убийца, предатель!

— Питер… Я же говорил, что нельзя его здесь оставлять. Что ты теперь будешь делать, робот?! — с отчаянием воскликнул пророк. — Без веры в меня они разбегутся. Все рухнет, погибнет. Весь мой труд за шестьдесят лет пойдет прахом.

— А ты думал, твоя ложь не откроется? Что ты делал с детьми, когда вирус начинал действовать?

— Я.. — Омуранги замешкался. — Это слишком мучительно. Это страшно. Они страдали, как они страдали — даже видеть это невыносимо. И я ничего не мог для них сделать. Только облегчить их страдания.

— Эвтаназия. Ты убивал их.

— Нет! — вскричал он возмущенно. — Я помогал. Они засыпали, без боли, без мучений. И потом…

— Ты сжигал их тела, — я поднялся, продолжая удерживать Питера. Тот молчал, глядел на доктора глазами, полными ненависти. — Дом Вознесения — это крематорий.

— Да, — Омуранги опустил голову. — Да, это так. Но иначе я не мог, это была ложь во спасение!

— И чем она обернулась?

— А чтобы ты сделал на моем месте, робот? — прищурился

он.

— Не знаю. Постарался не лгать.

— Как… — он потряс сжатыми кулаками. — Как им сказать, что они обречены умирать в двадцать лет! Что нет никакой надежды, что все бесполезно. Это разрушило бы их души, железка, разве ты не понимаешь?!

— А твоя ложь их не разрушает?

— Великий! — двери распахнулись. В дом ворвался Жоаким с гранатометом наперевес, и тотчас взял меня на мушку. Вслед за ним простучал ботинками взвод, окружил нас. Солдаты присели, держали меня на прицеле. Я закрыл Питера руками. Если они начнут пальбу, придется прыгать сквозь крышу вместе с ним, другого пути нет.

— Да, Жоаким? — Омуранги царственно выпрямился.

— Великий, с тобой все… все в порядке?

— Конечно, капитан. Мы просто разговаривали.

— Раз… разговаривали? С этим демоном? — Жоаким хотел сплюнуть, но сдержался.

— Спокойней, Жоаким. Это наш новый союзник. Ведь так? — Омуранги бросил быстрый взгляд на меня. — Что случилось?

— Союзник, значит, — хмыкнул Жоаким, не опуская гранатомет. — Тогда он нам понадобится. «Дикие» пришли. Их много. Очень много, Великий.

— Ну что ж, — Омуранги опустил оружие. — Пойдем, посмотрим.

Он отдал гранатомет Жоакиму, направился к выходу.

— Доктор, — окликнул я его. — Выдай оружие моим мальчикам, они тоже солдаты Эдеме.

Омуранги помедлил, потом кивнул.

— Жоаким, выдай им автоматы.

— Но они пришли вместе с ним, они… — возмущенно начал капитан.

— Я сказал, выдай! — в голосе пророка зазвучал металл.

— Хорошо, — Жоаким махнул кому-то из своего взвода. — Мозес, пойдешь с ними к арсеналу, скажешь, что от меня. Выдашь автоматы. Выполняй.

Я отпустил Питера.

— Ступай с остальными, жду вас на стенах.

Он молча кивнул, быстрым шагом вышел, бросив яростный взгляд на Омуранги.

Нагнав доктора уже в дверях, я тихо обронил:

— Тронешь хоть пальцем кого-то из них — убью.

Спина его закаменела, но он не обернулся, продолжая величаво спускаться по ступеням.

Я следовал за ним. Опять он играет на публику — толпа, жадно прислушивавшаяся к происходящему в Святом Доме, отхлынула от террасы, открывая путь пророку. Я шел за ним, как покорившийся демон.

— Мир вам, дети мои! — он вскинул руки. — Это не демон. Это доброе существо. Он поможет нам избавиться от «диких».

Женщины переглянулись. Восторженно вскинули руки. Они что-то кричали, но я вслушивался лишь в шепот Артуро Квамби.

— Что ты теперь будешь делать, робот? Их судьба в твоих руках.

— Меня зовут Джу. — я обогнал его и направился к воротам.

Мы еще поговорим с тобой, добрый доктор. О том, как откуда ты узнал о проекте WLP, где взял коды управления и почему капитан Джонас был киборгом. Надо лишь разобраться с первоочередной угрозой.

За прошедшие десятилетия мне пришлось изрядно переписать программный код. Однако обойти интерфейс внешнего управления стоило немалых трудов и времени. Я не рассчитывал, что после конца света найдется кто-то, кто знает коды управления. Если бы мог, я бы ни за что не допустил избиения Симона. Но задача была слишком сложной, и я не успел.

Квамби все рассчитал верно. Его власть могла держаться лишь на неограниченном авторитете и вере детей, что он — пророк. Он не старел, он знал намного больше, умел обращаться с техникой — все на руку. Да и как он мог иначе сколотить из этих маленьких дикарей хотя бы подобие общества? Неужели только ложью?

Но он сжигал их! Убивал и сжигал!

Однако они и так умирали. Ничто не могло их спасти. А если он не лжет и ищет вакцину, то рано или поздно может ее найти. И тогда моя помощь будет во благо.

Но как он сможет найти вакцину? Здесь нужны полномасштабные медицинские исследования и высококлассное оборудование.

Может, он все придумал, чтобы спасти свою шкуру?

Да, доктор Квамби, ты играешь в слишком опасную игру, и уже заигрался. Тебе, наверное, уже и самому порой кажется, что ты действительно пророк. Ты идешь по выстроенному тобой городу, благословляя детей. Они смотрят на тебя с обожанием и надеждой, а на меня — с ужасом.

Но кто из нас подлинное чудовище, Омуранги? Заметил ли ты, когда твоя любовь и желание спасти детей сменилось желанием сохранить и укрепить свою власть?

Не за этим ли ты направлял экспедиции? В конце концов, ты начал заниматься строительством своей империи, а вовсе не поиском выживших детей и сбором образцов положительных мутаций.

Что мне делать с тобой, Артуро Квамби?

Мы дошли до ворот, солдаты вскинули автоматы, увидев меня.

— Опустите оружие, дети мои — Квамби устало повел рукой. — Он наш союзник.

Пока пророк поднимался по шаткой лестнице наверх, я подошел к воротам и заглянул в надвратную щель.

Сколько же их тут?!

Эдеме был опоясан плотным людским кольцом. Серо-зеленые силуэты в лохмотьях, темные фигуры в набедренных повязках и с копьями. «Дикие» всех сортов, на выбор — высокие, средние, приземистые. Солдаты переходили от костра к костру, сбивались в группы и вели себя довольно расслаблено. В тени густой листвы у кромки леса виднелись тяжкие носорожьи туши. Я насчитал шесть, и это только в узком обозримом секторе! Если здесь хотя бы десяток этих тварей, Эдеме не устоять. Достаточно одного пролома в стенах, чтобы «дикие» прорвались. И детям их не сдержать.

Великий пророк Омуранги, что же ты натворил?

Когда фигура Квамби в белом одеянии показалась на стенах, весь лагерь противника взорвался криком. Сумасшедший, безумный вой накатился на Эдеме. Надо постараться, чтобы заслужить такую ненависть. Но он хорошо трудился, лет шестьдесят.

Квамби слетел вниз, как ошпаренный. Лицо его перекосилось от страха.

— Они пришли все. Все племена здесь. Все… — язык его не слушался.

— Ты это заслужил.

— Сделай что-нибудь, они убьют нас, — губы его прыгали.

— Ты же пророк, призови на них огонь с небес.

— Слушай, юнит! — прошипел он по-английски. — Я не знаю, откуда у робота появилась личность. Но если ты человек, если был человеком, то помоги нам. Мы погибнем без тебя.

— Я обещал помочь. Но при одном условии.

— Я же рассказал тебе! Я уже выполнил твое условие! — он почти кричал, ближайшие к нам солдаты переглядывались. Они не понимали нас, но ясно слышали страх в голосе Квамби.

— Чего ты еще хочешь?!

— Ты должен рассказать всем детям, что обманывал их.

Он опустил голову.

— Ты не понимаешь, чего просишь. Все рухнет. Они перестанут мне подчиняться и опять начнется хаос. Они начнут убивать друг друга и Эдеме погибнет.

— Ты видишь, к чему привела твоя ложь? Неужели ты думал, что сможешь их обманывать бесконечно? Лучше знать правду, пусть даже такую.

Омуранги подавленно молчал, зрачки его метались.

— Доктор, ты и, правда, так считал? — я не поверил. — Ты слишком заигрался в пророка.

— Ты поможешь?! — он впился в меня взглядом. — Даешь слово? Тогда я расскажу им все. Клянусь.

— Ты поверишь слову робота? — мне хотелось смеяться. Да, я был его последней надеждой.

— Нет выбора.

— Хорошо, Артуро Квамби. Помогу, — я кивнул и крикнул уже на лингала. — Откройте ворота.

— Но… — возразил один из солдат. — Там же «дикие».

— Открывай! — крикнул Квамби. Обернулся ко мне. — Что ты задумал? Их слишком много. Даже для тебя.

— Поговорить, — я согнулся в воротах.

Город замер за моей спиной, полный страха, ощенившийся стволами, готовый начать убивать в любой момент. Человеческая ненависть не умерла с прошлым миром. Должно быть, она переживет самого человека. Сейчас, на останках цивилизации, люди были готовы начать новую войну.

На полпути к лесу, я окинул взглядом поле вокруг Эдеме. Воинов не меньше десяти тысяч, причем только мужчины. Тяжелая «техника» в виде носорогов. А также змей, и бог еще знает какой еще живности. Битва будет серьезная — в арсеналах Эдеме есть не только гранатометы, но и огнеметы.

Но противник намного превосходит по численности. Откуда столько людей, как они выжили после Катастрофы?

В пятидесяти метрах от леса я встал. Теперь можно было лучше разглядеть другие племена. Многие из них не отличались от населения Эдеме — такие же дети и подростки, только с копьями. Впрочем, у пары ребят я заметил старые карабины. Вожди, наверное.

Возникла заминка. Ряды «диких» дрогнули, смешались, забегали гонцы между отрядами. Я ждал. Наконец, спустя минут пятнадцать, вперед выдвинулась группа из пяти человек. Один «ночной», еще пигмей, и трое, чей облик не отличался от вида обычного человека.

В десяти метрах они остановились.

— Неживой. Зачем пришел? — вперед выступил «ночной». Старый знакомый. «Тот, кто видит».

— Чего вы хотите? — я повторил вопрос дважды. На диалекте бака и на лингала.

Они немного посовещались.

— Город должен быть разрушен. Старик должен умереть. Все должны умереть. Они зло.

— Я вас не пропущу.

— Нас слишком много, — «Тот, кто видит» обвел рукой поле. — Ты не одолеешь всех.

— Одолею. Меня нельзя убить.

Они опять посовещались, о чем-то заспорили, яростно жестикулируя. Затем пигмей выскочил вперед и с криком метнул копье в грудь.

С глухим стуком оно отлетело назад. Пигмей отскочил, круглыми глазами смерил меня. Что-то тихо сказал.

— Ты сильный дух. Но у тебя не получится, — перевел дикий. — Мы возьмем город. Или сожжем.

— А сколько погибнет вас?

— Это неважно. Здесь воины. Они пришли убивать. Это война.

Мне показалось или он усмехнулся?

— Остановитесь. Больше не будет походов. Не будет нападений.

— Поздно. Кровь за кровь. Смерть! — он ударил копьем о землю, и слитный гул прокатился по полю — все воины разом повторили его движение.

— Хватит смертей!

— Когда мы разрушим город, смертей больше не будет. Мы все сказали, уходи.

Говорить больше не о чем. Я развернулся, но вдруг у меня мелькнула чудовищная мысль. И я бросил через плечо, в удаляющиеся спины.

— А если я отдам вам Старика?

Вожди замерли, и снова заспорили, с еще большей яростью. Слюна брызгала из раскрытых ртов, они били друг друга кулаками в грудь, хватались за мачете, махали копьями. После пяти минут ожесточенных переговоров «Тот, кто видит» вернулся.

— Если ты выдашь его, мы пощадим город. Но люди Эдеме никогда не отдадут своего вождя.

— Дайте мне время до завтрашнего утра. Я приведу его к вам.

— До завтрашнего восхода, Неживой. Потом, — «серый» выразительно провел пальцем по горлу.

Я шел к городу всего минут пять, но показалось, что прошел

час. Как я смогу выдать доктора? По крайней мере, выиграны почти сутки. Они не нападут, будут ждать.

Со стен на меня смотрели со страхом и надеждой сотни глаз. Скрипучие ворота из толстых бревен медленно открылись.

— Ну что? — Квамби был слишком взволнован, чтобы дожидаться в Святом Доме, а кинулся навстречу, едва я зашел.

— Я выиграл время. До завтрашнего утра.

— И что? Какой в этом смысл?

— Послушай, доктор. Я продлил жизнь Эдеме почти на сутки.

— А что будет дальше? — Квамби был взволнован не на шутку. О чем он переживает — о себе или о городе?

— Поживем — увидим, — я направился к Святому Дому. Надо было найти мальчиков.

Глава двадцать восьмая

— Не нравится мне это, Патрис. Очень не нравится, — Жоаким плюнул, метясь в разбитый горшок за городской стеной.

— А кому нравится? — отозвался Патрис, расщелкивая пальцами тыквенное семечко. — Это, брат, никому не нравится. Найдешь в Эдеме хоть одного человека, который рад, что эти твари нас в кольцо взяли, я тебе блок сигарет подарю.

— Да я не про то, — Жоаким досадливо двинул кулаком по дощатому настилу. — Меня эта черная образина тревожит, мать ее за ногу. На кой дьявол мы ее в город впустили?

— Сам же слышал, теперь это наш союзник. Он прогонит «диких»! — Патрис иронически воздел руки кверху.

— Сам-то веришь? — Жоаким вздохнул, взял щепоть семечек из насыпанной горки на досках, закинул в рот.

— Жо, это бес. Силы у него немеряно. Его ничего не берет, даже гранаты, ты же видел.

— Фот-фот, — мрачно кивнул Жоаким, прожевывая семечки вместе с кожурой. — Тьфу! Это меня и пугает больше всего. А если у «диких» колдуны сильнее, и они его на свою сторону переманят? Тогда эта гадина в спину ударит.

— Думай, что говоришь — кто может быть сильнее пророка? — возразил Патрис рассудительно.

Капитаны помолчали, глядя на кипение жизни города внизу. Люди осваивались, привыкали к осаде. Голопузые малыши бегали друг за другом, прятались в узких щелях между домами, играли в ведомые только им игры. У дальних бараков девушки полоскали белье в тазах, две товарки уже успели поссориться, хлестали друг друга скрученными жгутами одежды. Их дети стояли рядом, и, открыв рот, глядели на разгоряченных мам. Наконец, одни из соседок не выдержала и разняла драку потоком мыльной воды.

— Вот курицы! — Жоаким раскатисто расхохотался.

Патрис улыбнулся, поглядел на вышку. Солнце палило невыносимо, и Диаш сел на край, свесил ноги вниз, умывался водой из фляжки. Капитан хотел его одернуть, но передумал. Парень торчит у пулемета с самого утра, пусть передохнет. Тем более, что пока тихо. Горилла обещала, что дикие не нападут до следующего утра. Правда, можно ли верить этому дьяволу?

— Как ты думаешь, Жо, мы выдержим? — Патрис взял следующее семечко.

— Если они разом навалятся, то нет, — Жоаким утер пот со лба. — А они не дураки. Думаю, будут атаковать одновременно с нескольких сторон. Когда проломят стены, наша песня спета.

— Но мы их взгреем, — Патрис оскалил белые зубы. — Предлагаю на спор — я из своей винтовки завалю не меньше двадцати.

— Давай, — согласился Жоаким, — Когда они подойдут ближе, я их нащелкаю с полсотни. Потреплем изрядно, понятное дело. Но если прорвутся, их уже не сдержать.

Капитаны опять замолчали.

— И еще эти. Отряд Джонаса. Пророк велел им выдать оружие. Эта тварь сказала и мы выдали! — Жоаким ударил кулаком о ладонь. — Откуда этот бес лесной взялся? Зачем пророк его слушает?

— Лишние люди на стенах не помешают, — Патрис лениво почесал лопатку. — А вообще, не нашего ума это дело — духи, демоны. С ними только пророк может сладить.

— Они из леса совсем другими вернулись… Одурманил их этот дьявол, что ли, не пойму. Не доверяю я им, короче, — путано закончил Жоаким.

— А куда их поставил?

— На участок рядом с собой. Буду приглядывать. Если что… — он погладил пулемет, стоявший на сошках.

Патрис привстал, взялся за винтовку, провел прицел по кромке леса.

— Чего там? Не рыпаются?

— Пока нет, — Патрис задумчиво разглядывал диких. Они отступили в лес, и только отдельные фигуры мелькали в разрывах плотной листвы. Похоже, противник держал слово — не нападать до рассвета. «Послать ребят в поле, набрать ямса — еда никогда не помешает?» — мелькнула шальная мысль.

«Не мели вздор, — сам себя одернул Патрис. — Завтра все решится, и если будет штурм, нам никакая еда уже не понадобится. А гонять солдат и подвергать опасности — дело пустое».

— Я вот что думаю, — Жоаким встал рядом, облокотился на бамбуковый выступ стены. — Может, пока они расслабились, собраться да ударить?! Или вечерком, когда их разморит.

— Ага, вечерком они как раз проснутся, — хмыкнул Патрис. — Некоторые из «диких» вообще ночные.

— Ты почем знаешь? — покосился Жоаким.

— Охотился как-то с ними. Ночью, — ухмыльнулся Патрис. — Шучу. Экспедиция Мобуту столкнулась с ними неделю назад.

— Мобуту вроде сгинул.

— Да, но успел передать, что эти перемещаются и атакуют по ночам. Мобуту как раз собирался накрыть их деревню.

— А накрыли его самого, — Жоаким вздохнул. — Жалко

Мобуту, хороший капитан был.

— Жалко, — согласился Патрис.

— Слушай, а может пророк поразить их с небес? У него же есть летающая машина?

Патрис устало вздохнул. Несмотря на свой рост и силу, Жоаким иногда вел себя, как пятилетний.

— Жо, давай ты сам у него спросишь, а? Подойдешь, по плечу хлопнешь — брат Омуранги, а чего ты на летающей машине на «диких» не нападаешь? А я погляжу, что он тебе ответит.

— А что — и спрошу! Запросто, — вспыхнул Жоаким. — Сверху-то их бить удобней, вот что я думаю.

— Ага, давай, — проворчал Патрис. — Все-то у тебя просто…

Жоаким порывисто встал, смерил Патриса презрительным взглядом.

— Вечно ты… — он не договорил, махнул рукой, и спустился вниз.

Патрис пожал плечами и тоже встал. Огляделся.

— Мпонго! Я тебя стервец, «диким» отдам! Ты почему пост оставил?

— Капитан, я мигом, только облегчиться, — заныл мальчишка, что-то пряча за спину.

— Знаю я твое «облегчиться», за сахаром мотался, урод безрукий. Сладенького захотелось? Марш на пост, живо!

Патрис подошел к краю стены.

«Завтра утром, — он сжал винтовку, пристально, до рези в глазах, вгляделся в лес. — Все решится».

— Зачем мы ждем? — «Крадущий птиц» взмахнул рукой. — Надо напасть ночью. Они будут спать. Мы вырежем их, как глупых поросят-кулуби.

«Видящий» привстал с ложа в корнях большого дерева. Сквозь плотный навес, сплетенный из бамбуковых прутьев и широких листов пальм, проникали редкие лучи. Жар и свет палящего солнца не достигал говорящих, под навесом царила приятная полутьма.

— Неживой обещал отдать Старика, — медленно ответил вождь. — Мы подождем.

— Не надо ждать, надо резать, — «Крадущий птиц» раздражено схватил клыками воздух. — Утром воины будут хуже видеть. Днем воевать плохо.

— Днем — плохо, — согласился «Видящий». — Но брат мой, ты говоришь, что я должен нарушить свое слово?

— Слово твое. Ты дал, ты взял назад, — продолжал скалиться «Крадущий». — «Видящий все тропы» забыл, что его брата убили люди Старика?

— Я ничего не забываю, запомни, «Крадущий», — прошипел вождь, сел на корточки. — Старик призвал сильного демона. Этот Неживой в обличье лесного человека-енганги, с ним даже шипастые не справятся. Это очень сильное колдовство, колдовство старого мира.

— Мы сможем. Все лесные племена здесь.

— Ты не видел его в сражении, — «Видящий» покачал головой. — Ему повинуются даже небесные духи грозы.

— Тогда как мы его одолеем?

— Мы не сможем убить его, — «Видящий» встал, — Но мы убьем всех остальных. Он не сможет их спасти.

Он согнулся, вышел из-под навеса. Уже в спину его догнал последний вопрос «Крадущего».

— А если они отдадут Старика?

Страшная гримаса исказила лицо вождя.

— Я буду убивать его медленно. Жарить и есть по кусочкам. А город… он будет разрушен. Все равно.

Солнце ударило вождя тяжкой жаркой ладонью, заставило сжаться широкие зрачки до игольных точек. «Видящий» пригнулся, и быстро, почти на четвереньках, скользнул в бамбуковую чащу. День был мучителен для его народа, в это время они отдыхали в пещерах и норах, выкопанных в мягкой красной земле. Только война могла выгнать «подлинный народ» на жгучий дневной свет. Вождь знал, что «Крадущий» прав — утром они будут сражаться хуже. Но что-то останавливало его от решения напасть этой ночью. Нет, вовсе не честь и данное слово, — клятва демону ничего не значила. Шаман — «Слышащий голоса», уже очистил его от ложных обетов.

Он стремительно перемещался по лесу и люди других племен замирали, увидев его быструю тень. Соседство с таким союзником пугало их не меньше, чем отряды Омуранги.

«Видящий» остановился возле небольшой полянки в глубине леса — бывшего участка, заросшего папоротниками. Среди его высоких ажурных арок, здесь еще кое-где проглядывали сердцевидные листы одичавшего ямса.

— «Слышащий»? — позвал вождь. — Ты здесь?

— Что хочет могучий воин от больного старика? — доступный лишь слуху «подлинного народа» голос шамана исходил, казалось, из самого воздуха.

— Хватит играть, — вождь раздраженно оглянулся. — Надо поговорить.

— Так говори, — «Слышащий» как будто усмехнулся.

— Завтра битва. Что сказали тебе духи?

— Будет день смерти для многих храбрых воинов.

— Это я сам знаю, — вождь в нетерпении огляделся. — Покажись, «Слышащий». Как нам одолеть Неживого?

— Этого духи мне не сказали. Пути его закрыты для меня. Он древен. Он тень прошлого. Он наследие прежних, белых. Он не должен существовать.

— Но он есть! — «Видящий» рассек копьем воздух. — Как нам его победить?

— «Видящий», ты слишком нетерпелив. Это плохо и для воина и для вождя, — голос приблизился, и вождь, наконец, увидел сгорбленного старика. Его фигура проступила из изменчивой лесной тени возле большого дерева на краю поляны.

— Только он меня пугает, — признался «Видящий». — Его нельзя убить, нельзя остановить. Он Неживой. Как он может быть?

— Это сокрыто от меня.

— Но что нам делать?

— Духи сказали мне — нельзя ждать утра, надо напасть ночью. Когда люди Омуранги устанут, и внимание их притупиться. А наши глаза будут остры. Но если будет битва, то в ней погибнут многие. Может быть, все.

— Мы не можем отступить! — вождь засверкал глазами. — Тогда они придут снова.

— Если они отдадут «Старика, то нам придется уйти. Но духи войны жаждут крови. К тому же люди Эдеме захотят отомстить за вождя. И война начнется снова. Лучше убить их всех сегодня.

— Ты мудрый шаман, — «Видящий» с уважением поглядел на шамана. — Ты даже умнее своего отца, хотя о его хитрости ходят сказания.

— Я все сказал, — шаман заступил за дерево, скрылся из виду. — Пошли первыми «малых друзей». Всех — пусть они перепугают их, и наши воины смогут подобраться незамеченными.

— Это ты хорошо придумал, — обрадовался вождь. — Это ты правильно сказал, «Слышащий».

Он подошел к трухлявому стволу в центре поляны, присел. От яркого солнца в его голове все мешалось, но он протянул руки, взял сплетенный черно-белый клубок «малых друзей». Теплые чешуйчатые бока грели ладони. Змеи дремали, набирались на свету тепла и сил, и не сразу проснулись.

Вождь напряг гортань и «позвал» их. Клубок медленно развернулся, одна кассава подняла ромбическую голову, выстрелила в воздух узким языком. Одна за другой змеи с шипением поднимали головы, клубок расплетался, и вождь не удерживал уже тяжелые гибкие тела, стекающие с ладоней.

Переходя от клубка к клубку, он будил змей, и скоро вся поляна наполнилась слитным скользящим шорохом. «Видящий» был спокоен — «малые друзья» никогда не кусали его народ.

— Приходите ночью, — блистающие на солнце струящиеся тела оплетали ноги вождя и словно ласкались. — Убейте их.

Глава двадцать девятая

Мои ребят поставили на самый глухой участок, подальше от ворот, так что мне пришлось поплутать по городу, прежде чем я их нашел. Дело осложнялось тем, что жители Эдеме были отнюдь не расположены к общению. Девушки и дети с визгом разбегались, лишь завидев меня, а воины провожали тяжелыми взглядами. Слухи распространяются быстро, все уже знали, что произошло у ворот и у Святого Дома.

Я демон, призванный Омуранги охранять их, а кто захочет приближаться к демону? Только совсем маленькие, едва научившиеся ходить ребятишки, оставались на месте. Грызя кулаки или размахивая палками, они бесстрашно смотрели на меня, но их торопливо подхватывали матери и прятали в домах. Город замирал и только сотни глаз из окон, щелей, из темных провалов переулков провожали меня.

Я все больше скучал по лесу и своим риллам. Но надо было завершить начатое. Как же я скажу Квамби, что обменял жизнь города на его жизнь? Он никогда не решится пожертвовать собой. Только не он.

— Кунди!

Мальчик стоял у стены барака и о чем-то оживленно болтал с девочкой. Та смеялась, крутила на пальце одну из бесчисленных тоненьких косичек, пышной копной ниспадавших с ее головы.

Увидев меня, она вздрогнула, спряталась за Кунди.

— Это мизвале, друг! — он рассмеялся, попытался вытолкнуть ее вперед, но она сопротивлялась.

— Оставь ее, Кунди. Где Питер, где остальные?

— Вот глупая! — Кунди махнул рукой, девочка вырвалась и скрылась за углом барака. — Они там, у второй вышки.

— А Симон?

— Там же, — Кунди пошел вперед, показывал дорогу.

— Вам выдали оружие?

— Да, автоматы. И всего по одному рожку патронов. Этот капитан Жоаким нам не верит, дубина.

— С чего ты взял?

— Питер так сказал, — Кунди остановился, полез вверх по лестнице. — Сейчас его позову.

В тени, под стеной, на соломенной циновке лежал Симон. Какая-то девочка сидела рядом, смазывала спину, зачерпывала что-то из маленького глиняного горшочка. Симон шипел и иногда брыкался.

— Лежи, дурень! Ох и досталось же тебе. Зачем злить

пророка? Тебе повезло, что он не наслал на тебя болезнь или раннюю «куби». Ох, и дурак же ты, Симон. Чего ты полез вступаться за этого лесного демона?

— Джу хороший, — невнятно пробубнил мальчик, уткнувшись лицом в циновку. — Ты чего, Зени, больно же!

Он возмущенно приподнял голову, но властная девичья рука придавила затылок.

— Лежи, тыква! Конечно, хороший, такую образину хоть ножом режь, ничего не будет. А ты тут валяешься, вся спина рассечена. Теперь шрамы будут. Его бы так, гориллу твою…

Девочка подняла голову и ойкнула, выронила горшочек.

— Не бойся, — я сел на землю.

— Джу! — Симон подскочил, — Джу, где ты был?

— С пророком общался. Нам многое надо было обсудить.

— Джу, а нам оружие выдали. Вот! — он потянулся к автомату, лежащему рядом. — Правда, патронов маловато, но ничего, мы этим «диким» теперь покажем. Джу, а ты будешь на нашем участке сражаться, а, Джу?

— Посмотрим, малыш. Может, сражения и не будет.

— Как не будет? Они просто уйдут? — Симон смотрел круглыми глазами. Прошло совсем немного времени, и ему снова хотелось воевать. Что с ними делать?

— Лучше скажи, что меня не надо бояться.

— А? — Симон оглянулся. Девочка, серая от страха, сидела на земле. Руки ее дрожали.

— Зени, не бойся. Джу добрый, он нас столько раз спасал. Он нам одежду дал, еду. Зени, ты что?

— Что это за мазь? Можно, я посмотрю? — я осторожно протянул руку к горшочку.

Девочка медленно кивнула.

Сложный травяной запах, составляющие: животный жир, масло кунжута, алоэ, цветы красной мальвы и еще что-то. Да, это действительно может помочь.

— Симон, ложись обратно.

Мальчик тяжело вздохнул и покорно лег на циновку.

— Это…это хорошая мазь, — робко сказал девочка. — Она заживляет раны.

Модификация левой ладони. Маломощное инфракрасное лазерное излучение.

Я провел ладонью вдоль спины. Глаза у девочки округлились, она следила за моей рукой, светящейся мягким красным светом. Симон засопел, спину ему припекало.

— Тебя зовут Зени? — я закончил обработку ран.

— Да, — запинаясь, она кивнула. — Усензени. Я сестра… вот

этого дурня.

— Спасибо тебе, Усензени. И тебе, спасибо, малыш.

— Джу, я… — он порывисто обернулся, но я уложил его обратно.

— Лежи, и слушай сестру.

Мальчик с горестным стоном упал обратно.

— Джу! — Питер почти слетел с лестницы. — Джу, ты говорил с пророк… с Квамби?

— Да, — я отвел Питера к стене. Лучше, если нас пока не будут слышать остальные.

— Говорил.

— Что он еще наврал? — Питер переступал с ноги на ногу, сжимал автомат. Возле его рта обозначились жесткие складки.

— Питер, я знаю, что ты хочешь отомстить…

— Не только я, все!

— Ты рассказал остальным?

— Да! Они сперва не поверили, но я убедил их. Они видели, как Квамби тебя испугался.

Зря, зря ты это сделал малыш. Ну что ж, удержать правду не легче, чем воду, выплеснутую из чашки.

— Пусть пока они не говорят другим солдатам.

— Об этом можно не беспокоиться. — Питер усмехнулся. — Нас сторонятся. Только вот девчонки приходили и все. Жоаким поставил нас на самом отшибе, да еще приставил одного. Вон он, присматривает…

Питер коротко махнул головой, сплюнул.

— А по мне, так прямо бы сейчас этому Квамби пулю в лоб пустить.

— От него слишком много зависит. Все.

— Что? — воскликнул Питер с яростью — Он же все выдумал. Он не пророк, он обманщик! Он искал тебя, чтобы спасти город. Сам он ничего не может.

— Сможет, если захочет. Он может спасти Эдеме.

— Не понимаю, — Питер ошеломленно покрутил головой. — Не понимаю. Ты сам все слышал, Джу. Он все выдумал.

— Запомни, Питер. Если кто-то из вас до завтрашнего рассвета тронет Квамби, я уйду. Вам тогда ничто не поможет.

— Почему?! — взорвался Питер. — Почему ты его защищаешь? Разве ты сам не говорил — что он дьявол? Что он обманывал нас?

— Да. И он поплатится за свою ложь.

— Когда?!

— Завтра утром все решится.

Питер поник головой. Он не верил мне, жажда мщения

палила его.

— До рассвета осталось не так уж много, — Питер взглянул на солнце, клонившееся к кромке леса. — Совсем немного. Я подожду.

Он развернулся и твердой походкой — походкой воина, направился к стене.

Доктор Артуро Квамби, найдешь ли ты в себе силы, чтобы искупить свою вину перед этим мальчиком?

— Ты… ты обменял мою жизнь на сутки отсрочки?! — пророк побелел, встал со своего трона — высокого резного кресла красного дерева главном зале Святого Дома. — Ты… безмозглая обезьяна! И это твоя помощь?!

— Иначе они напали бы уже сегодня.

— Ты… — Квамби в панике заметался по залу, потом остановился. — Ты…никому об этом не сказал?

— Пока нет. Я подумал, что тебе об этом стоит узнать первым.

— Ты издеваешься, робот, — прошептал пепельными от страха губами Квамби, — Они убьют меня.

— Скорее всего.

— И что? Ты отдашь меня им? На растерзание?! Ты сможешь убить человека? — визгливо вскричал пророк. — Ты сможешь?!

— Нет.

Лицо его разгладилось, он перевел дух.

— Тогда как же…?

— Ты сам к ним выйдешь.

Квамби расхохотался.

— Неужели ты думаешь, глупая железка, что я добровольно пойду к этим дикарям?

— Иначе они возьмут город.

— Но ты же можешь их остановить. Всех. Ты же машина, тебя невозможно убить!

— Они тоже люди. Я не могу убивать людей. И потом — я не могу быть сразу везде. Если они прорвутся в город, будет резня. А они прорвутся.

Квамби замолчал, прошелся по залу.

— Неужели нет других вариантов? Без меня все рухнет. Вся моя работа… Дети, Эдеме — они погибнут без меня.

— Артуро Квамби, ты и так прожил уже больше ста лет. И последние полвека обманывал детей и посылал их на смерть. Ты хочешь жить вечно?

— Моя работа, — он провел рукой по коврам, закрывающим стены. — Все бессмысленно. Все погибнет.

— Но останусь я. Я буду присматривать за ними.

— Ты? — он поднял взгляд, и закричал с ненавистью. — Ты?! Это все ты, проклятая обезьяна, все из-за тебя! Я не хочу умирать, я не буду умирать!

Он распахнул двери, вбежал в операционную и скрылся из вида.

Я аккуратно, согнувшись в три погибели, полез следом за ним. Ничего, это истерика, он сможет взять себя в руки. Должен. Или я слишком хорошо о нем думаю?

Дверной косяк затрещал, я еле протиснулся в операционную и занял там почти все пространство. На кушетке в углу спал Андрая.

В соседнюю комнату уже не пролезть. Квамби сидел за столом перед монитором компьютера, обхватив седую голову руками.

— Артуро, — тихо позвал я, — Артуро, это единственный выход. Если ты пожертвуешь собой, то спасешь город и детей.

— А смысл? — он поднял безумные глаза. — Какой в этом смысл? Они продолжат умирать. Страшно и мучительно. Ничего не изменится.

— Я тоже анализировал воздействие агента. Это не похоже на биологический вирус.

— Я знаю! — раздраженно ответил Квамби. — Агент попадает в тело и каким-то образом определяет возраст человека. По теломерам, уровню тестостерона или эстрогена, не знаю, как именно. Затем воспаляются лимфатические узлы, развивается сверхбыстрые раковые опухоли, перестает вырабатываться инсулин, возникают внутренние кровотечения — каждый раз новая клиническая картина! Каждый раз поражаются разные органы и системы организма! Я не понимаю, почему!

Даже сейчас он продолжал оставаться врачом. Можно было восхититься этим человеком.

— Значит, ты хочешь, чтобы я пожертвовал собой? — он как будто спохватился. — Правильно?

Голос его был спокоен и даже чуть ироничен. Что он задумал?

— На рассвете они придут. Судьба Эдеме зависит от тебя, Артуро Квамби.

— Судьба! — воскликнул он. — Жизнь трех тысяч глупых детей. И потом — ты же не оставишь их? Не бросишь умирать?

— Нет, не брошу, — кажется, я начинал злиться. Сочувствие и уважение по отношению к этому человеку, всколыхнувшееся внутри, сменялись яростью. — Но погибнут многие.

— Но Эдеме уцелеет. Да, уцелеет — он щипал бородку, о чем-то размышляя. Неужели и я был таким же — ученым, глухим ко

всему, кроме своего предмета изучения?

— И я расскажу всем, что ты не пророк. Твоя власть рухнет.

— Да, хорошо, — он рассеянно кивнул, поднял близорукие глаза. — Все будет, как ты сказал, робот. На рассвете я выйду.

— Ты решишься? — я не верил своим сенсорам.

— Да. А сейчас оставь меня одного, я должен подумать, привести данные в порядок. У меня собран огромный материал по воздействию агента на организм. Он может тебе пригодиться.

Я чувствовал подвох, но не понимал пока, в чем дело. Слишком легко и спокойно он согласился умереть. Не дается такое решение так быстро. Во всяком случае, не для Квамби — не тот он человек. Может быть, он задумал сбежать? Но из города нельзя ускользнуть. Что он задумал?

Делать было нечего, я неловко повернулся, выбираясь в зал, задел стойку с капельницей. Она покачнулась, зазвенела, и я едва успел ее подхватить. Андрая мирно спал, перевязанная его грудь мерно вздымалась. Хорошо, что не разбудил.

— Робот… — негромко окликнул Квамби, когда я уже почти вылез. — Обещай, что не оставишь их.

Я поглядел в спокойные и ясные глаза доктора. Неужели он все-таки готов?

— Обещаю.

— Хорошо, — он быстро улыбнулся и повернулся к монитору.

У Святого Дома я столкнулся с одним из капитанов. Здоровенный парень, избивавший Симона. Жоаким. Он стоял на крыльце, и недобро покосился на меня. Не нравлюсь я ему. А кому ты здесь симпатичен, Джузеппе? Разве что своим мальчикам.

— Тебя зовут Жоаким?

— А тебе какое дело? — глянул он исподлобья.

— «Дикие» могут напасть ночью. Сколько у вас солдат?

— Ну… — Жоаким недоверчиво задумался, облизал толстые губы, потом махнул рукой. — Чего считать. Меньше, чем у них. Человек девятьсот.

— У них около десяти тысяч. Но у вас перевес в огневой мощи. Сколько гранатометов в арсенале?

— Тебе то что? — вспыхнул великан. — Охраняй город, раз пророк велел, а в чужие дела не лезь.

Я сгреб его, притянул к себе.

— Не время ссорится. Если они придут ночью, лучше быть готовыми. Так сколько гранатометов?

— Восемь, — сдавленно просипел капитан. — Уже… уже раздал.

— Правильно, — я отпустил его. — А гранат?

— Штук сто, — он потирал шею, сдавленную воротом. — Тоже раздал.

— Ты хороший капитан, Жоаким. Теперь слушай внимательно — у них есть животные. Огромные носороги. Именно они проломили стены застав. Важно их не подпустить к стенам, ясно?

Жоаким кивнул. Несмотря на обманчивую внешность, он, похоже, быстро соображал.

— Еще они управляют змеями. Много змей, очень много. Пусть твои люди будут осторожны. Огнеметы есть?

— Один, — ответил капитан. — Уже на стенах. Что еще?

— Если они придут ночью… У вас есть свет?

— Да, прожектора.

Прожектора? Надо же.

— А электричество откуда?

— Что? — не понял капитан.

— Как они работают?

— Не знаю, это пророк их поставил, — пожал могучими плечами Жоаким. — Щелкаешь, свет горит. Яркий, как солнце.

Значит, у Квамби где-то электростанция. На солнечных батареях или топливных элементах или дизельная? Впрочем, неважно.

— Жди их всю ночь, капитан. Я им не верю.

— Я тоже, — капитан усмехнулся, во взгляде его промелькнула какая-то тень, и он пошел к стенам.

Глава тридцатая

Когда зашло солнце, стемнело мгновенно, будто небо задернули глухой черной шторой. В ее мягкой изнанке проступили искры звездной пыли, но солдаты не глядели вверх, все их внимание было приковано к черной стене леса, звенящей тысячами ночных голосов.

По листве бродили лучи прожекторов, установленные на вышках. Они выхватывали из тьмы черноту стволов и колыхание ветвей, однако «диких» не было видно. Но постепенно, сквозь вязкую тьму стал пробиваться отсвет костров, один за другим, пока они не обхватили город плотным кольцом. И весь ближний лес оказался подсвечен изнутри багровым сиянием, будто пламенем войны.

— Сколько же их, — потрясенный Питер спустился вниз. — Откуда их столько….

— Похоже, все должники Квамби разом пришли с ним рассчитаться.

— Мы не устоим, — он устало уселся возле небольшого костерка, где отдыхали Элиас и Симон. Кунди давно смотался куда-то в черноту переулков вслед за своей девочкой.

— Мы их обязательно отобьем! — запальчиво возразил Симон. Он сидел вместе со своей сестрой, жарил для нее на палке лепешку. — С нами же Джу!

— Да, верно, — Питер отсоединил магазин, тоскливо посмотрел на патроны. — Но их слишком много.

— Они трусливые, они его боятся, — заметил Элиас.

— Питер прав — их слишком много, — заметил я, подходя к стенам.

— Если они прорвутся, хватайте всех, кого сможете, и бегом в Святой дом, или арсенал. Запритесь там. Так мне легче будет защитить вас. Ясно?

— Да, Джу, но… — пронзительный вопль прервал Питера. Зени подскочила, прижалась к костру, указывая пальцем в темноту у стены. Откуда с шипением вытекала блестящая лента гадюки-носорога. Симон бросил палку с хлебом в огонь, вскочил, выхватил мачете, и одним ударом отсек змее голову. Тело ее конвульсивно задергалось.

— Вон еще! — Элиас бросился к стене, что-то рубил наотмашь.

— Берите факелы! Они в темноте! — Питер выхватил горящую ветку. — Все к стенам!

Мальчики с факелами ринулись от костра, разгоняя зыбкую

темноту. Я прислушался — город наполнился яростными криками. Змеи атаковали Эдеме со всех сторон. Если они доберутся до бараков с детьми, наделают много вреда.

Как же я их пропустил? Я рывком подцепил черную мамбу, проскользнувшую мимо ребят, вышвырнул ее за стены. Змеи пришли ночью. Вождь нарушил свое слово!

— Что там у вас? — сверху свесилась голова Антуана. — Весь город с ума сошел.

— Змеи — коротко бросил Питер, быстро осматривая темные углы. — Следите, чтобы к вам не забрались. Как там, снаружи?

— Вот твари, — выругался Антуан. — Наверху все тихо. Эй, парни, вы слышали, — змеи в городе!

— Не отвлекайтесь, следите за лесом, — Питер разрубил толстую габонскую гадюку пополам. — Мы справимся.

Мальчики справлялись. Первая оторопь прошла, и они ловко отсекали змеям головы, так что спустя минут десять возле костра уже скопилась кучка змеиных тел. Шум у городских стен постепенно стихал. Змей было слишком мало для массированной атаки, все это походило на пробу сил. Или предупреждение.

Далекий вопль донесся из глубины города.

— Это в женском доме! — ребята, не сговариваясь, развернулись.

— Питер, Элиас — за мной. Симон, охраняй Зени.

Змеи просочились в город.

Мы промчались по темным переулкам, освещенным лишь редкими масляными фонарями. Электричество в Эдеме экономили и подавали только на сторожевые прожектора. Двери женского дома были распахнуты, у входа собралась толпа женщин, они держали грудных детей у груди. Крики раздавались со второго этажа. Мальчики забежали внутрь.

Спустя пару минут Питер спустился, неся разрубленное тело зеленой мамбы и небрежно швырнул на землю. Девушки восхищенно зацокали.

— Она кого-нибудь успела…

— Укусила ребенка, — Питер вытер пот со лба, — Малыша. Годовалого.

— Надо…

— Джу, он умер. — Питер поглядел на меня бесконечно взрослым усталым взглядом. — Уже посинел.

Я больше не хочу видеть таких глаз. Второй ребенок умирает от руки этих дикарей.

— Что это? — Элиас, показавшись на крыльце, встревожено огляделся. — Вы слышите?

Тихий шорох, шорох от множества тел, скользящих по земле.

— Инйока! Змеи! — завопила одна из девушек и опрометью кинулась в дом. Следом за ней кинулись остальные, едва не сбив мальчиков с ног. Из темноты в зыбкий круг фонарного света накатывал шелестящий вал сотен змеиных тел.

— Закройте двери! Всех на второй этаж. Разведите огонь, отпугивайте их! — ребята мгновенно повиновались, захлопнули створки. Это штурм!

На всех сторожевых вышках дробно застучали пулеметы.

А потом тяжкий грохот донесся от ворот. Носороги! Простите, ребята и сражайтесь сами.

Глава тридцать первая

— Мпонго, пригни башку! Не высовываться — эти гады всадят дротик прямо в глаз! — Патрис, пригибаясь, пробежал вдоль стены. — Бейте из бойниц. Денисе, что там?!

— Идут, капитан. Их много! Хренова туча! — парень вертелся из стороны в сторону, и луч света метался вслед за стволом пулемета. Денисе бил короткими очередями, скупо и точно. Патрис, прячась за опору вышки, поднялся. Черное поле расчерчивалось белыми пальцами прожекторов, в их размытых пятнах мелькали нестройные ряды, бегущие к стенам. Патрис не давал команды отрывать огонь, в темноте большинство пуль уйдет в пустоту, и он ждал, пока «дикие» подойдут ближе. Соседние участки уже вели стрельбу, воины падали, как черные игральные кости, но вал продолжал катиться вперед. Вдалеке грохнул разрыв гранатомета, затем еще один.

Патрис вскинул винтовку, поймал в прицел высокого дикаря, вымазанного белой глиной — это знак, что он уже убил человека, и нажал на курок.

Глова «дикого» разлетелась на куски.

— Один! — усмехнулся Патрис, поймал в прицел следующего, и его пуля сбила дикаря. — Два!

— Денисе, как скажу, проведешь прожектор вдоль поля. Взвод, по моей команде открываем огонь!

Дикие уже наполовину прошли поле перед городом.

— Денисе… — Патрис поднял руку, подавая сигнал отряду.

Гибкая черная тень взметнулась в воздух, оплела вышку, и, проломив ограждение, вырвала Денисе наружу. Его вопль смешался с треском костей, и огромное чешуйчатое тело в лучах остановившегося прожектора метнулось вниз.

— Тварь! — онемевший Патрис выпустил очередь наугад, в темноту, где затихал крик пулеметчика. — Мозес, наверх, к пулемету!

— Кэп…! — мальчик попятился.

— Я сказал — к пулемету! — Патрис в бешенстве поднял винтовку. — Или здесь пристрелю! Наверх!

Дрожа и промахиваясь мимо ступенек лестницы, Мозес полез на вышку.

Остальные потрясенно смотрели вниз — страшный крик Денисе звенел в ушах.

— Взвод, огонь! — завопил Патрис и участок озарился беспорядочными вспышками. В воздухе засвистели стрелы, и Мариан без звука сполз вниз — в его глазнице торчало короткое

древко с красными перьями.

— Не высовываться! Бить из укрытия! — Патрис стрелял наугад, метясь в редкие ружейные вспышки на стороне «диких».

«А ведь Жо, со своим пулеметом, куда больше настреляет — мелькнула у капитана глупая, неуместная мысль. — Мне бы его сейчас сюда».

Тяжкий удар сотряс ворота, вышка покачнулась. Мозес, сжавшийся в комок на полу вышки, завопил, схватился руками за опорные столбы.

— Встань, трус! Прожектор вниз! Что там?! — Патрис выстрелил в темноту возле ворот, где ворочалось что-то большое.

Мозес медленно повел стволом пулемета, и выхватил из темноты огромную, усеянную шипами и наростами спину. Носорог хрюкнул, отступил на пару шагов и с разбега ударил по воротам. Те жалобно заскрипели.

— Свети и стреляй по нему! — заорал Патрис. Он потянулся к гранатомету, лежавшему на настиле, но очередной удар сотряс стены, и оружие упало вниз.

Патрис перевалился через край и упал на землю. Доски ворот над головой будто взорвались, в пролом просунулся белый кривой рог. Вверху застучал пулемет.

— Сдохни, тварь! — лежа на земле, капитан выстрелил из винтовки — до гранатомета не дотянуться. Рог исчез, но Патрис не успел обрадоваться — тяжелый засов с грохотом разлетелся на куски. Шипастая морда с ревом протиснулась в дыру, расширяя ее.

Капитан нажал на крючок, но раздался лишь щелчок. Он вскочил, лихорадочно стал менять магазин, а в метре от него ревел разъяренный носорог. Створки ворот содрогались от ударов.

«Они прорвутся, — понял вдруг Патрис с ошеломляющей ясностью. — Где же Омуранги?! Все погибнут».

Сверху послышались отчаянные крики, и возле Патриса рухнуло искореженное тело.

«Мозес» — капитан заторможено поднял голову. Сверху, блистая оливково-серой кожей, по опорам вышки к нему обманчиво неторопливо текла громадная змея.

«Все — он вяло поднял винтовку, машинально целясь в черный глаз, но в глубине души знал, что это бесполезно. — Все. Диаш, малыш…»

Черная тень взрезалась в вышку, снесла змею на землю. И не дав ей подняться, одним ударом раздробила череп.

— Наверх, к пулемету! — глаза гориллы глянули на капитана в упор.

Патрис вздрогнул и рванулся к лестнице. Джу взвился в воздух, перемахнул стену.

Капитан скользил на заляпанных кровью досках, отстраненно, холодно отмечая — весь взвод погиб. От стрел, дротиков, пасти проклятой змеи, один Мокеле, в испарине слившийся с автоматом, лепил очередями куда-то под стену.

Вышка уже кренилась, доски ходили ходуном, но капитан добрался до пулемета, и быстро провел вдоль стены, скашивая передние ряды противника.

Предсмертный хрипящий рев сотряс воздух, Патрис увидел — горилла встает над поверженной тушей носорога и бьет себя в грудь.

Дальнейшее для капитана слилось в череду вспышек и взрывов — он стрелял, перезаряжал ленту, снова стрелял. Тела, оскаленные лица, стрелы, копья, сводящий с ума крики «диких», и его ответный нескончаемый вопль. Фигура Джу, черной молнией мечущаяся по полю, расшвыривающая воинов, ломающая хребты огромным змеям и черепа носорогам.

А потом вдруг все кончилось, замерло, собралось в одной сверкающей точке.

На стене, рядом с вышкой Патриса, в белоснежном одеянии стоял Квамби.

А позади, пошатываясь, крепко держал его за плечо парень из отряда Джонаса.

«Андрая, — Патрис в каком-то отупении смотрел на них. Все чувства его, казалось, умерли. — Что такое?»

Тьма, прорезанная лучами, располосованная выстрелами, напоенная болью и смертью, эта тьма разом взревела, слитно выдохнула ненавистное имя.

— Омуранги!

Но громче ее со стен закричал Андрая:

— Вы хотели пророка?! Он ваш!

И резким движением он столкнул Омуранги вниз, на горы наваленных тел — человеческих и звериных.

Нелепо взмахнув руками, пророк мешком повалился вниз. Упал, скорчился, закрыл голову руками. А к нему, подвывая от ярости, уже мчались со всех сторон.

Со стен не стрелял никто — то, что происходило, было страшнее всех «диких», вместе взятых.

Сразу пять копий ударили в Квамби, но удар смел их в сторону. Над пророком нависла тень.

— Стоять! — взревел Джу и воины замерли, как вкопанные. — Еще шаг и я начну вас убивать!

— Не надо. Не трогай их, робот, — доктор Артуро Квамби

медленно встал. Кровь запятнала его одежды, стекала густыми каплями по лицу. Он близоруко и беспомощно улыбнулся. — Они правы.

— Я могу вернуть тебя в город, — Джу склонился над ним. — Так нельзя.

— Нет, ты не можешь! — завопил Андрая, навалившись на край стены. На его забинтованной груди расплывалось багровое пятно. — Он предал Эдеме! Я все слышал! Он должен умереть! Дай нам самим решать!

— Это правда, — доктор утер лицо, поглядел на окровавленную ладонь, усмехнулся. — Мои руки в крови, обезьяна. Пусть свершиться, что должно.

— Я не могу допустить этого, — Джу замотал остроконечной головой.

— А я не спрашиваю разрешения. — Квамби легким жестом отодвинул Джу, и робот ему повиновался. — Я слишком долго был Омуранги. Пора это закончить.

Твердым шагом он направился прочь от Эдеме, и лучи прожекторов постепенно скрещивались на нем. «Дикие» не трогали его, лишь все больше смыкали кольцо. Но до самой границы леса он шел в электрическом свете, пока фигура его не сжалась в сверкающую точку, которая погасла в джунглях.

Наступила тишина. «Дикие» исчезли.

Глава тридцать вторая

Утро пришло неожиданно, небо разом посветлело, из-за далеких пиков Рувензори выкатило багровое солнце и полезло вверх, раскаляясь добела. В городе никто не спал в эту ночь.

Я вспомнил, как отнес потерявшего сознание Андраю в Святой дом — отбил у солдат, едва не расстрелявших его прямо на стенах. Как прибежал Жоаким, и почти рыдая, умолял меня позволить убить Андраю. Как пришли мои мальчики, молча заняли круговую оборону — им повезло, что из нашего маленького отряда никто не погиб. Основной удар «диких» пришелся на восточные ворота.

Рана у Андраи открылась, он потерял много крови и теперь лежал, что-то бормоча в забытьи. Что же произошло здесь, когда я дрался у ворот?

Можно лишь предполагать. Я круглый дурак, забывший о том, насколько подлыми могут быть люди. И не изучивший город внимательней. В одной из пристроек Святого Дома был ангар. А внутри — маленький двухместный вертолет. Такие патрульные вертушки раньше были у полиции. Машину выкатили во двор и уже подготовили к полету. Еда, оружие, одежда — Омуранги решил бежать, не дожидаясь рассвета. Понятно, почему он так легко согласился умереть — он вовсе не собирался жертвовать собой. Конечно, научные результаты были важнее жизней трех тысяч людей.

Но вмешался мой капитан. Он не спал и слышал наш разговор. Как он сумел подняться, где раздобыл оружие? Стекло кабины было прострелено, но Квамби не был ранен — Андрая привел его в сохранности. Хотя крови было достаточно — когда они боролись, открылась рана.

Портативный медкомплекс попискивал и мигал огоньками. Сердце билось ровно. Спи, капитан. Ты решил исход войны. Кто бы мог подумать, что это будешь ты?

— Джу… — в операционную заглянул Питер. — Они идут.

Мальчики повзрослели, по-хорошему повзрослели. Спаялись в одну команду, и почти без слов понимали друг друга.

Идут. Жоаким… теперь ты хочешь начать в Эдеме гражданскую войну?

В зале, под одной из колонн сидела Зени. Рядом девочка, с которой был Кунди, и еще несколько девушек.

Симон и Кунди скользнули в стороны, двери распахнулись, и я вышел навстречу толпе подростков с автоматами, затопившей площадь. Жажда мести Жоакима была столь сильна, что он

наплевал на всю тактику и стратегию — из узких бойниц окон мои мальчики могли сразу положить не меньше десятка солдат. Или здоровяк надеется, что я им не позволю стрелять? Нет, после этой ночи я их никому не отдам.

— Зачем ты пришел, Жоаким? — его солдаты синхронно упали на колено, взяли меня на прицел.

— Отдай его! — Жоаким выступил вперед, голый торс был перекрещен патронными лентами, ствол пулемета смотрел точно между моих глаз. — И можешь убираться, обезьяна.

— Если бы не он и я, город бы погиб.

— Он убил пророка!

— Ты хочешь умереть? Вы все хотите умереть? — я обвел взглядом юные лица. — Вам и так мало отпущено жизни, «куби» настигнет каждого. Если начнется бой, Эдеме останется без защиты — все, кто на этой площади, погибнут. А «дикие» вернутся. Рано или поздно, но вернуться. Ты это знаешь, Жоаким.

— Он убил пророка — раздельно, вкладываясь в каждое слово, сказал Жоаким. — Что мы без него? Он был Свет и Слово. Мы уже умерли.

Я почувствовал усталость, необъяснимую усталость души, которой у меня не было.

— Жо, жизнь только начинается. Подумайте все — что лучше, умереть сейчас или попытаться выжить? Пророка нет, он отдал за вас свою жизнь. Патрис целится сейчас в меня с крыши. Спроси у него — что сказал Омуранги перед смертью? Пророк спас вас, и неважно, что привел его Андрая. Он сам решил.

— Нет! — жилы на шее Жоакима вздулись, — Это ты его убил. И твои щенки.

— Жоаким, если бы я мог, то сам умер за вас. Но я не могу умереть, меня нельзя убить. Ты можешь выпустить в меня всю обойму, но ничем не повредишь. И я тебя не трону. Но если кто-то из вас тронет моих мальчиков, то я клянусь… разорву его руками. Ты понял, капитан?

Он понял, страх мелькнул в его зрачках. Но он стоял и целился в меня.

— Зачем ты пришел? Зачем это все? — после долго молчания он опустил пулемет. — Пророка больше нет, а ты есть. И они живы. А его нет…

Капитан повернулся и побрел шаткой походкой, расталкивая замерших солдат. Они, робко оглядываясь, тоже постепенно покинули площадь.

Я поднял голову и взглянул в оптический прицел.

— Патрис, спускайся. Хватит жариться на крыше. Надо поговорить.

— Что теперь будет, Джу? — Питер встал рядом, цепко охватывая пустую площадь взглядом. — Как мы будем жить?

— Как люди, малыш.

Из-за угла вынырнула худая фигура Патриса с винтовкой на плече.

— Как люди.

Конец первой книги

notes

1

Доброе утро (яп.)

2

Рабочий голографический интерфейс третьего поколения объемного типа. (Синонимы: виртуальный интерфейс, объемная управляющая матрица)

3

Wildlife program (WLP) — международный проект по охране редких видов животных

4

Автономный юнит наблюдения

5

«Первая китобойная война» — вошедшее в обиход название конфликта в Тихом океане, разразившего в 2045 году. После принятия «Декларации о защите биоразнообразия» (2039 г.) и образования Совета экологической безопасности ООН (2040 г.) в составе Вооружённых сил ООН был образован Корпус экологической защиты. Под давлением ООН Международная китобойная комиссия приняла мораторий о полном запрете добычи морских млекопитающих сроком на 50 лет (2041 г.). Япония не подала официальный протест против моратория, однако отказалась свернуть программу научного промысла китов. В 2045 году в Южном океане фрегат экологических войск ООН при попытке захвата потопил одну из двух японских китобойных шхун, занимавшихся так называемым «научным промыслом».

6

Го (также вэйци, бадук) — стратегическая настольная игра, возникшая в древнем Китае между 2000 и 200 годами до н. э.

7

Язык группы банту, распространённый в Демократической Республике Конго. Используется в качестве языка межнационального общения в регионе Конго.

8

Глупая девушка, дура (итал.)

9

Ублюдки (флам.)

10

Я лев! (англ.)

11

Я живу в саванне (англ.)

12

Спасибо (фр.)

13

«Колыбель для кошки», «путанка», «сетка» — рабочий интерфейс робототехнических систем, использующий принцип отслеживания мелкой моторики рук. Требует от оператора большого самоконтроля и внимания.

14

Дерьмо (фр.)

15

Живее! (итал.)

16

Фонарь, работающий на принципе накапливания солнечной энергии

17

Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое…(лат.)

18

Первое послание св. Ап. Павла к Коринфянам